ЧИНГИЗ

АБДУЛЛАЕВ

ПОКУШЕНИЕ НА ВЛАСТЬ

СУБЪЕКТ ВЛАСТИ

Чингиз Абдуллаев

ПОКУШЕНИЕ НА ВЛАСТЬ

СУБЪЕКТ ВЛАСТИ

АСТ • Астрель
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Оформление обложки
дизайн-студии «Графит»

Подписано в печать 15.01.2008. Формат 70x90/32.
Усл. печ. л. 15,21. Печать офсетная.
С.: Русский хит. Тираж 5000 экз. Заказ № 1006
С.: ПС. Тираж 5000 экз. Заказ № 1007

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 — книги, брошюры

Абдуллаев, Ч.

А13 Покушение на власть. Субъект власти: [роман] / Чингиз Абдуллаев. — М.: Астрель: АСТ, 2008.— 412, [4] с.

ISBN 978-5-17-050611-8 (АСТ)(С.: Русский хит)
ISBN 978-5-271-19787-1 (Астрель)
ISBN 978-5-17-050612-5 (АСТ)(С.: ПС)
ISBN 978-5-271-19788-8 (Астрель)

Киллера международного класса трудно напугать, еще труднее УДИВИТЬ и совсем уже невозможно заставить просить о помощи СТАРОГО ВРАГА.

Но англичанин Хеккет, который обращается к специальному агенту Дронго, испуган, изумлен и ПРОСИТ О ПОМОЩИ!

Таинственная международная организация НАВЯЗЫВАЕТ ему главную роль в УБИЙСТВЕ РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА!

Кто эти люди, отнюдь не похожие на исламских террористов?

Чего хотят?

И главное — КАК их остановить?

Так начинается САМОЕ опасное дело Дронго.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Власть принуждена бороться с проявлениями зла, в этом ее функция. Но она и сама сеет зло и бывает новым источником зла. И тогда нужна новая власть, чтобы положить этому предел. Но потом власть, положившая предел господству злой власти, сама делается злой. И нет выхода из этого порочного круга.

Николай Бердяев

ФРАНЦИЯ. ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ. НИЦЦА

4 СЕНТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Они сидели вдвоем на заднем сиденье автомобиля и молчали. За рулем был водитель-француз, не понимающий русского языка. Но оба пассажира понимали, что нельзя позволять себе разговаривать даже в присутствии этого пожилого

француза, чтобы не подвергать себя излишнему риску. Машина мягко затормозила перед воротами. Появившийся молодой человек внимательно посмотрел на сидящих в машине и лишь затем, обернувшись к воротам, махнул рукой. Ворота автоматически открылись, и автомобиль въехал на территорию виллы. Территория была, очевидно, достаточно большой, до дома нужно было ехать около двух минут. Машина бесшумно заскользила по дорожке, когда один из пассажиров, владелец виллы, положил руку на плечо водителя, попросив его остановить машину. Он сказал всего лишь одно интернациональное слово «стоп», но водитель его расслышал, понял. И сразу затормозил.

Владелец виллы и его гость вышли из кабины автомобиля, и водитель, не дожидаясь сигнала, поехал к основному зданию, расположенному в шестистах метрах от этого места. Когда машина скрылась за поворотом, владелец виллы обратился к своему гостю:

— В машине разговаривать глупо, а на моей вилле еще глупее. Я не могу гарантировать, что меня не прослушивают, даже несмотря на охрану. Предают только свои, так, кажется, говорят французы.

Он был среднего роста, с подвижным лицом, крупными чертами, большим крючковатым носом. Говорил негромко, постоянно оглядываясь, словно опасаясь, что из-за кустов могут появиться нежелательные незнакомцы. Его собеседник был чуть выше ростом, лысоватый, в очках, с тонкими губами, несколько вытянутым лицом, большими, прижатыми к черепу ушами.

— Я думаю, что в вашем саду нас не смогут услышать, — предположил гость, — хотя согласен, что ничего нельзя гарантировать. Сейчас существуют такие системы наблюдения, о которых мы даже не подозреваем.

— Технический прогресс, — улыбнулся хозяин. — На дворе двадцать первый век. Все меняется. Мы тоже пыта-

емся приспосабливаться. Вчера здесь работала целая группа специалистов, они все проверили. Пока ничего не нашли...

— Надеюсь, что именно сегодня здесь ничего не услышат, — поддержал его гость, — и мы сможем с вами переговорить.

— Все и так ясно, — ответил хозяин, останавливаясь и снова оглядываясь, — я думаю, что мы четко себе представляем, чего именно хотим.

— Похоже, — осторожно отозвался гость, — другого варианта просто не существует. По моим данным, они имеют два варианта. Либо первый, который был опробован в девяносто девятом, когда действующий президент просто передает власть по наследству своему преемнику. Уже есть реальные кандидатуры — либо министр обороны, либо председатель Государственной Думы. В любом случае это ставленники нынешней власти. Один — генерал КГБ, другой — генерал милиции. В таком

случае вся система продолжает работать, меняется лишь конкретное лицо во главе страны. При этом прежний президент сохраняет за собой право «Генерального советника», если его можно так назвать...

— А второй?

— Второй более неприятный. Пользуясь своим абсолютным большинством в парламенте, нынешняя власть проводит через Государственную Думу закон об изменении Конституции. В таком случае президент автоматически становится главой правительства и может занимать этот пост столько, сколько пожелает. Его партии нужно будет побеждать каждый раз на выборах, но это не проблема. Ведь губернаторов будет назначать новая власть, а это значит, что они будут абсолютно лояльны. И любой исход выборов с нужным результатом почти гарантирован.

— Насколько реален второй вариант?

— Пока фифти-фифти. Но если начнет расти давление на власть, то не ис-

ключено, что они применят второй вариант.

— И тогда мы получим бессрочную монополию одной власти, — закончил за гостя хозяин виллы.

— Да, — подтвердил тот, — и никаких вариантов.

— Или почти никаких, — задумчиво повторил хозяин, — если не считать нашего варианта, при котором развитие событий может пойти по другому сценарию.

Гость незаметно вздохнул. Собственно ради этого разговора он и приехал во Францию. Если он поддержит тему, то возврата назад уже не будет. Вошедший в эту реку либо перейдет на другой берег, либо утонет. Других вариантов нет.

— Мне кажется, этот сценарий наиболее полно отвечает нашим интересам, — очень деликатно сказал гость.

— Мы не на дипломатическом рауте, — перебил его хозяин. — Если наш разговор прослушивают, любой поймет, о чем мы говорим. Хотя я на девя-

носто восемь процентов исключаю такую возможность. Нужно понимать, что другого варианта просто не будет. А пока у нас есть и финансовые средства, позволяющие провести эту операцию.

— Нужно задействовать профессионалов.

— Безусловно. Предстоит найти специалиста, который сможет и скоординировать всю нашу затею, и осуществить ее. Всякого рода глупые вылазки доморощенных террористов или этих смертниц вызывают лишь отторжение основной части населения и разочарование наших друзей. Необходим настоящий специалист, чтобы провести эту акцию грамотно, умно, с точным попаданием в цель. Второго шанса у нас просто не будет. Там тоже работают профессионалы. И они быстро вычислят, кто за этим стоит. Значит, удар должен быть профессионально подготовлен и нанесен со стопроцентной уверенностью в успехе.

— Вы хотите сказать, что нужно задействовать профессионала, который сможет «решить проблему»?

— Я не вижу другого выхода, чтобы «решить все наши проблемы», — возразил хозяин. — Иначе это будет бег по кругу. В нашей стране всегда есть только один конкретный «субъект власти». И это всегда носитель высшей власти. Как и сто, двести, триста лет назад. Ничего не происходит без «батюшки царя». Просто у нас такая страна. По-моему, мы никогда не выберемся из этой ситуации. Вы слышали последние известия из Осетии?

— Я смотрел последние новости. Это ужасно.

— Никаких переговоров не будет. Теперь ясно, что никто на них не пойдет. Слишком много крови. По моим сведениям, готовится физическое уничтожение легитимного лидера сепаратистов, после чего разговаривать будет не о чем. И нам сейчас не нужны такие «союзники». Мы должны выйти на конкретное

решение вопроса, иначе рано или поздно нас объявят уголовными преступниками и выдадут в наручниках. Когда наступит удобный момент.

— Тогда нужно принимать решение, — сказал гость. — Вы готовы взять на себя такую ответственность?

— Иначе я не стал бы вас приглашать. Деньги мы найдем, а профессионала придется искать вам.

— Если будет нормальное финансирование, мы решим эту проблему. — Гость еще раз незаметно вздохнул. Похоже, что сегодня они решили свою судьбу раз и навсегда. — У меня к вам только один вопрос.

— Какой?

— Вы сказали, что на девяносто восемь процентов уверены, что нас никто не прослушивает. Почему такая странная цифра? А остальные два процента?

— Это вы и я, — любезно пояснил хозяин виллы. — Ведь нельзя исключать вероятность, что один из нас может оказаться тем, кто сдаст своего собесед-

ника. В саду гарантированно нет подслушивающих устройств. Но они могут оказаться либо в вашем, либо в моем кармане. Такой вариант я не могу исключать.

— Ясно. — Гость помрачнел и, когда они сделали несколько шагов по направлению к вилле, снова остановился. — У меня еще один вопрос, на этот раз действительно последний, перед тем как мы войдем в ваш дом. Скажите, вы кому-нибудь доверяете?

— Нет, — сразу ответил хозяин, — никогда и никому, даже самому себе. Это единственная гарантия выживания. Иначе меня давно убрали бы. Я всегда помню, что в этом мире существуют денежные знаки разных стран, на которые можно купить любого человека. Вопрос только в цене. А так как у меня не хватит денег, чтобы купить абсолютно всех, я всегда помню, что рано или поздно может появиться кто-то другой, кто предложит большую цену. И тогда человек, которому я абсолютно дове-

ряю, вполне возможно, не устоит, поступится своей верностью мне. — Он неожиданно улыбнулся. — В какой-то момент я тоже могу решить, что гораздо лучше получить некие блага в определенных гарантиях или заявлениях власти, чем поддерживать вас в такой безумной затее. Никогда и никому нельзя верить — вот мой единственный и самый важный принцип в жизни.

Гость несколько озадаченно посмотрел на своего собеседника, но больше не сказал ни слова.

ЛОНДОН. «ГРОВНОР-ОТЕЛЬ», КАФЕ «НИКО»

2 ОКТЯБРЯ, СУББОТА

За столиком кафе сидел мужчина лет пятидесяти пяти. У него были мясистые щеки, кустистые брови, второй подбородок, большая родинка на щеке, ближе к носу. Редкие волосы были зачесаны назад. Он читал газету, не обращая внима-

ния на остальных посетителей. В кафе можно было войти с улицы или из отеля. Именно с улицы и появился тот, кого мужчина ждал, — человек высокого роста, со светлыми, аккуратно подстриженными усами, каштановыми волосами и глазами серого цвета. Одет он был в элегантный серый костюм. Увидев сидящего за столиком мужчину, вошедший подошел к нему.

— Добрый день, господин Хеккет. Мы договаривались о нашей встрече. Моя фамилия Дзевоньский. Вам звонили насчет меня.

— Добрый день, мистер Дзевоньский. — Хеккет отложил газету, поднялся, протянул ему руку.

Оба уселись за столик, и Хеккет подозвал официанта.

— Что будете пить? — спросил тот у нового посетителя. — Чай или кофе?

— Кофе, — попросил Дзевоньский, — черный кофе с молоком, но без сахара.

Официант, кивнув, бесшумно удалился.

— Хорошее место, — оглянулся вокруг Дзевоньский. — Вы всегда назначаете свидание вашим клиентам в таких известных местах?

— Это неплохая гарантия безопасности, — улыбнулся Хеккет. — Мы ведь встречаемся впервые, мистер Дзевоньский, а я не привык доверять незнакомым людям. Как, кстати, и хорошо знакомым. Учитывая специфику нашей профессии, думаю, вы со мной согласитесь.

— Нам говорили о вас как о прекрасном специалисте, — осторожно начал Дзевоньский разговор, ради которого состоялась эта встреча.

— Надеюсь, это так. У вас польская фамилия, но ваш английский безупречен. Вы из Канады? — полюбопытствовал Хеккет. — Хотя нет, скорее из Соединенных Штатов. Думаю, в последние годы вы жили в Чикаго или где-то на севере.

— Там большая польская община, — подтвердил Дзевоньский, — но я несколько лет жил в Детройте.

Он соврал, чтобы не называть Сиэтл, где действительно проживал. При этом его собеседник понял, что Дзевоньский врет, а сам говоривший — что его собеседник умеет улавливать малейшие интонации сказанного.

— Наши общие друзья звонили мне из Эдинбурга, — сообщил Хеккет, — и я дал согласие на нашу встречу.

— Спасибо, — отозвался гость, вновь оглянувшись по сторонам. — Вы уверены, что нас не могут услышать? В этом отеле любят останавливаться арабские шейхи, а сейчас все арабы находятся на особом подозрении у британских спецслужб. Здесь наверняка повсюду установлены подслушивающие устройства.

Хеккет достал из кармана скремблер и положил его на столик. Дзевоньский, улыбнувшись, достал свой прибор, искажающий все звуки. Скеллеры прошлого века стали уже анахронизмом,

современные — напоминали небольшие магнитофоны и обладали более мощным радиусом действия.

— Я же вам сказал, что привык к любым неожиданностям, — улыбнулся Хеккет. — Но если хотите, мы можем пойти в парк. Хотя на открытом пространстве нас могут прослушать с гораздо большей эффективностью. И наша защита не сработает, так как для искажения записи необходимо закрытое пространство.

— Будем считать, что вы меня убедили, — усмехнулся Дзевоньский, — но я все равно не могу говорить о нашей проблеме в этом кафе. Можете считать это моим маленьким капризом. Если не возражаете, давайте покатаемся на моей машине. Она в гараже отеля.

— Возражаю, — отрезал Хеккет. — Никогда не сажусь в чужие машины. Я знаю слишком много секретов, чтобы оказаться в автомобиле человека, которого я вижу первый раз в жизни. Если

хотите, поедем на моем автомобиле и с моим водителем. Так будет удобнее. Кроме того, салон моей машины отделен от водителя пуленепробиваемым стеклом, и он не может услышать, о чем мы говорим.

— Согласен, — кивнул Дзевоньский.

Они поднялись одновременно. За соседним столиком поднялось еще двое мужчин. Дзевоньский оглянулся на них и одобрительно кивнул:

— Похоже, что вы предусмотрели все варианты, мистер Хеккет.

— Все предусмотреть невозможно, — возразил тот, — но я стараюсь учитывать пожелания моих возможных клиентов.

Он сделал характерный жест рукой, давая отмашку одному из помощников. Тот поспешил вперед. Подъехал роскошный «БМВ» седьмой модели. Хеккет показал на автомобиль и первым полез в салон. Дзевоньский устроился рядом с ним на заднем сиденье. Хеккет поднял стекло, отделяющее их

от водителя. И машина мягко тронулась.

— Теперь можете изложить вашу проблему, — разрешил Хеккет. — И, судя по вашим предосторожностям, цена должна быть соответствующей.

— Да, — улыбнулся Дзевоньский, — мне разрешили, чтобы гонорар вы назначили сами.

— Очень любезно с вашей стороны, — пробормотал Хеккет. — Это сильно укрепляет меня в моем желании поработать с вами. И самая приятная фраза, которую можно услышать от клиента, настраивает на оптимистический лад. Что ж, изложите вашу проблему...

— Ликвидация, — очень тихо пробормотал Дзевоньский, словно все равно опасался, что его услышит кто-то третий.

— Конкретное лицо?

— Да, — кивнул он, — даже очень конкретное.

— Бизнесмен?

— Нет.

— Политик?

— Да.

— У него есть охрана?

— Да.

— Послушайте меня, мистер Дзевоньский. Если вы не хотите разговаривать, то можете выйти из автомобиля. Я не обязан вытягивать из вас все подробности. Итак, мне нужно знать, кто этот человек и когда. Остальные детали мы сможем обсудить.

— Это достаточно известный политик, — пояснил Дзевоньский. — У него собственная служба охраны и своя служба безопасности. И мы должны иметь гарантию его ликвидации. При этом нужно иметь в виду, что второго шанса у нас не будет. Все должно получиться с первого раза. Иначе нас моментально вычислят.

— Как интересно! — усмехнулся Хеккет. — Политик, которого так охраняют, что после первого неудачного покушения нас всех тут же вычислят.

Если это президент Соединенных Штатов, то боюсь, у нас ничего не получится. Я не берусь за такие дела, это слишком опасно и нецелесообразно. Я могу заработать деньги и другим путем.

— Нет. Это не он, — ответил Дзевоньский, — хотя вы почти угадали.

— Премьер Соединенного Королевства? Неужели вы хотите убрать нашего милого Тони Блэра? Вы знаете, как его сейчас охраняют? После того как Буш объявил его главным союзником Америки, он оказал ему ненужную услугу. Террористы всего мира знают, что есть цель номер один — это сам президент Соединенных Штатов. И цель номер два — это наш премьер-министр. Или я ошибаюсь? Может, это наша королева? Может, вас нанял ее сынишка Чарльз, чтобы поскорее стать королем?

Дзевоньский даже не улыбнулся. Он понимал, что Хеккет шутит намеренно, чтобы проверить его реакцию. А тот в

свою очередь понял, что поляк разгадал его хитрость.

— Кто? — напрямую спросил Хеккет, и улыбка сползла с его лица.

— Президент, — выдохнул Дзевоньский. Затем еще раз проверил включенный скремблер и пояснил: — Самой большой страны...

— Китай? — шепотом переспросил Хеккет. — Нет. Неужели... Вы хотите сказать... Северная страна?

— Да. Россия.

— Ясно, — упавшим голосом произнес Хеккет.

Минуту они ехали в полном молчании. Дзевоньский терпеливо ждал.

— Нет, — наконец решил Хеккет. — Это слишком рискованно. Я, конечно, выполняю поручения моих клиентов, но не такие опасные. Это невозможно, мистер Дзевоньский. Очень сожалею, но вынужден отказаться. Хочу еще несколько лет попользоваться благами, которые дает мне цивилизация. Если я соглашусь на ваше предложение, то

должен буду исчезнуть из Лондона навсегда. И вообще из цивилизованного мира. Меня ведь все равно вычислят. Но никакие деньги не заменят мне этой оставленной жизни. Я берусь только за такие операции, которые не могут осложнить моего нормального существования. Будем считать, что нашего разговора просто не было. Я отказываюсь, мистер Дзевоньский. И думаю, вы понимаете мои мотивы.

— Пять миллионов долларов, — отреагировал Дзевоньский. — Ваш гонорар составит пять миллионов долларов.

— Зачем мне деньги на том свете?

— Восемь миллионов долларов, — прошептал Дзевоньский. От напряжения у него на лице появились капельки.

— Это несерьезно. Том, остановите машину, — попросил Хеккет, нажимая кнопку переговорного устройства.

Машина мягко затормозила.

— Десять миллионов, — предложил Дзевоньский. — Мы согласны на любые условия.

— Нет. Я не принимаю подобных заказов. Это невозможно. Даже если у нас все получится, то меня все равно вычислят. Всем известен мой почерк. Меня вычислят и убьют. И дело не только в русских спецслужбах. Им начнут помогать все: американцы, англичане, немцы, французы, китайцы. Международных террористов нигде не любят, особенно сейчас. А политики слишком ценят свою жизнь, чтобы не проявлять солидарной ответственности. Однако моя жизнь для меня бесценна, поэтому мне не нужны деньги.

— Двадцать миллионов, — перебил его Дзевоньский. В его глазах появилось упрямство.

— Выходите, — потребовал Хеккет, — не нужно торговаться. Мне это особенно обидно, если учесть, что вы пытаетесь оценить мою жизнь. Не беспокойтесь. Я обещаю, что о нашем разговоре никто не узнает. Надеюсь, вы понимаете, что вам более не следует меня

искать? А если со мной что-то случится, то содержание нашей беседы станет известно и в Лондоне, и в Москве. Это моя страховка от ваших возможных неразумных действий.

— Пятьдесят миллионов долларов! — чуть ли не крикнул Дзевоньский.

— Вон отсюда! — разозлился Хеккет. — Я же сказал, что ценю мою жизнь гораздо дороже. Уходите.

Дзевоньский открыл дверцу.

— Будьте осторожны, — сказал он зло напоследок. — Вы совершаете большую ошибку.

— И вы тоже старайтесь не простужаться, — пожелал ему Хеккет. — И не пытайтесь мне угрожать. Я понимаю последствия моего отказа, но ничего не могу сделать.

Едва Дзевоньский вышел из салона, как машина тронулась. Он долго смотрел ей вслед.

— Сукин сын, — пробормотал Дзевоньский, доставая мобильный теле-

фон. Нажал несколько кнопок, но, одумавшись, отменил набор и убрал аппарат в карман. Было заметно, как сильно он нервничает.

— Негодяй, — в свою очередь выругался Хеккет, оставшись один. — Решили меня подставить. Считают таким дураком. Пусть сами пробуют, если хотят, а я еще не самоубийца. Или этот тип считает, что я засиделся на этом свете? Том, возвращаемся в офис, — приказал он водителю.

Когда машина завернула за угол, Хеккет обернулся. Затем нахмурился. Судя по всему, деньги у них есть. Огромные деньги. Ему звонили из Эдинбурга, а там сидит очень серьезный посредник. А Дзевоньский похож на человека, готового идти до конца. Нужно как-то себя обезопасить. Позвонить в МИ-5 и сообщить о состоявшейся беседе. Их обязательно следует предупредить. С одной стороны, это лишняя гарантия безопасности, но с другой — он ничем не обязан Дзевоньскому, который не заплатил ему ни цента за этот неприятный разговор.

Иногда нужно демонстрировать свою гражданскую ответственность. Если, конечно, это можно сделать бесплатно, без ущерба для бизнеса.

Хеккет достал аппарат и набрал номер своего помощника.

— Больше никаких дел с Эдинбургом, — приказал он ему, — мы не знакомы и никогда не знали друг друга. Ты все понял?

ГЕРМАНИЯ, ДЮССЕЛЬДОРФ

12 ОКТЯБРЯ, ВТОРНИК

Дзевоньский в шляпе и длинном плаще, в каких полвека назад обычно ходили разведчики восточного блока, подошел к скамейке, не оглядываясь, словно был уверен, что здесь никто за ним не следит. Хотя абсолютно точно знал, что как минимум две пары глаз за его действиями внимательно наблюдают. Затем спокойно опустился на скамейку, не спросив разрешения у терпеливо поджи-

давшего его старика — человека лет семидесяти или даже чуть больше с редкими рыжеватыми волосами, которые он, очевидно, подкрашивал. Со слегка выпученными глазами, крупным носом и глубокими морщинами, прорезающими лоб... Наконец, повернувшись, сказал по-немецки:

— Здравствуйте, герр Вебер.

— Добрый день, — усмехнулся старик, — я жду вас уже двадцать минут. Решили перестраховаться, прежде чем здесь появиться?

— Я немного опоздал, — соврал Дзевоньский, — хотя не стану возражать. Мы, конечно, проверили все факты, прежде чем решились назначить вам встречу. У вас есть интересующая нас информация. И мы готовы за нее заплатить.

— Понимаю, — улыбнулся Вебер и полез в карман своей старой вельветовой куртки.

Дзевоньский заметил, что у старика трясется правая рука, и сочувственно

улыбнулся. Он знал, что Веберу уже много лет и он давно страдает болезнью Паркинсона. Старик достал смятый носовой платок, вытер лоб.

— Вы привезли деньги? — спросил он.

— Конечно, — ответил Дзевоньский, — десять тысяч евро за вашу информацию.

— И гарантии моей безопасности, — терпеливо напомнил Вебер, снова вытирая лоб.

— Что? — не понял Дзевоньский. Или сделал вид, что не понял.

— После того как я сдам вам «Герцога», вы решите, что не обязательно оставлять здесь человека, который может знать о его существовании. Я не знаю, зачем вам нужен «Герцог», но вы можете решить, что заплатили мне слишком большую сумму. Или оставили в живых нежелательного свидетеля. Я уверен, что сейчас за нами следят несколько ваших помощников. Скажите им, чтобы они не дергались, я никуда не убегу

и никого не выдам. Но я должен вернуться сегодня вечером живым к моей супруге. А если я не вернусь, то уже завтра утром информация о «Герцоге» пойдет в федеральное ведомство по защите Конституции. И вся информация о людях, которые вышли на меня сегодня днем. Думаю, это нормальная страховка, чтобы получить от вас деньги и уйти живым?

— Вы нам не доверяете? — покачал головой Дзевоньский. — А нам рекомендовали вас как надежного человека.

— Именно поэтому я вам не доверяю. — Вебер опустил руку, сумев попасть в карман и убрать туда носовой платок.

— Вы знаете, где скрывается «Герцог»? — Дзевоньский решил не продолжать столь опасную тему.

— Знаю. Деньги у вас с собой?

— Возьмите. — Дзевоньский достал из кармана конверт и протянул его старику. После введения евро подоб-

ные расчеты стали гораздо удобнее. Если в долларах пачка в десять тысяч насчитывала сто бумажек по сто долларов, то теперь эта же сумма представляла из себя тоненькую пачку из двадцати бумажек по пятьсот евро.

Старик жадно схватил конверт, открыл его и принялся, не спеша, пересчитывать деньги. Дзевоньский терпеливо ждал. Наконец Вебер закончил считать, кивнул:

— Все правильно.

— Где он? — сразу спросил Дзевоньский.

— В Перу. Служба безопасности президента. Он работал еще с Фухиморой, потом перешел к новым властям. Он их главный аналитик. Сейчас его знают под фамилией Перейра.

— Спасибо. — Дзевоньский подумал, что за эту информацию они могли бы заплатить в десять раз больше.

— Надеюсь, мы больше никогда не увидимся, — усмехнулся Вебер. Было

заметно, что его обрадовал этот конверт.

— Прощайте, — вместо ответа произнес Дзевоньский. Затем поднялся и быстро пошел к соседнему дому, за которым его ждала машина. По дороге кивнул своим помощникам, разрешая им действовать. Откуда мог знать несчастный Вебер, что в его доме произведен тщательный обыск и его заготовленное письмо уже перехвачено. Утром его супругу выманили из дома, сообщив ей о выигрыше стиральной машины, которую она должна получить в магазине, куда ее повезли люди Дзевоньского. Оформление должно было занять весь день. Счастливая женщина не могла поверить, что получает такой ценный приз. Ей пообещали вернуться вечером домой с новой стиральной машиной.

Вебер не спеша поднялся и пошел в противоположную сторону. Полученная сумма позволяла помечтать. Он уже давно не имел столько денег сразу. Пожалуй, этим летом они с женой смогут по-

ехать в Италию. И вообще смогут позволить себе некоторые удовольствия.

Он не услышал, как мимо прошли двое молодых мужчин. А на улице было много людей, и он не боялся посторонних прохожих. Его не станут убивать на глазах у всех, полагал Вебер. И это стало его последней ошибкой в жизни. Один из прохожих обогнал его справа и прижал к дому. У второго, находившегося сзади, в руках была трость, и он больно уколол Вебера в ногу. Старик гневно обернулся, чтобы сделать замечание, и в последнюю секунду вдруг осознал, что это не случайный укол. Но осознал слишком поздно, уже падая на тротуар. Поддержавший его первый мужчина одним ловким движением достал конверт из его кармана. К ним уже спешили прохожие. У старика был обычный сердечный приступ, которые частенько случаются в таком преклонном возрасте. Письмо насчет «Герцога» и условий сегодняшней встречи было изъято из квартиры Вебера еще два часа назад.

Дзевоньский сидел в машине, когда ему позвонили. Выслушав сообщение, он отключил аппарат, ничего не сказав. Ему не хотелось комментировать по телефону действия своих помощников. После первой неудачи в Лондоне они не имели права повторить ошибку. Хотя с Лондоном они еще не все закончили. Ведь никто не давал гарантии безопасности мистеру Хеккету.

ГЕРМАНИЯ. БЕРЛИН

25 ОКТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Он почувствовал внимание этого человека, едва появившись на улице. Впрочем, его уже давно не удивляла постоянная слежка, которую он все время видел за своей спиной. Его телефоны прослушивались, за его домом вели наблюдение, всех людей, которые появлялись рядом с ним, тщательно проверяли. Такой была его обычная жизнь на протяжении последних пятнадцати лет.

Сразу после падения Берлинской стены генерал Гельмут Гейтлер эмигрировал в Советский Союз. Он понимал, что охота за ним начнется с первого дня объединенной Германии, и не стал дожидаться официальной объявленной даты третьего октября девяностого года. После падения стены в местных отделениях «Штази» начались погромы. Многие офицеры, не видя выхода, стрелялись, некоторые эмигрировали, часть предпочла сбежать в Южную Америку или в другие страны Европы на заранее приготовленные квартиры. Но генерал «Штази» Гейтлер не мог спрятаться, даже если бы захотел. Его фотографии несколько раз появлялись в газетах, он был известным человеком.

В Москве его приняли неплохо, выделили квартиру, оформили денежное пособие, разрешили вызвать жену, дочь, двух внуков. Ему казалось, что можно будет попытаться начать все сначала. Его опыт, знания, связи могли пригодиться. Кроме Гейтлера в Москву тогда

эмигрировало еще несколько бывших руководителей «Штази», среди которых был и легендарный генерал Маркус Вольф, которого все они считали своим учителем. В Москве генерала Вольфа привычно называли «Мишей». Почти все бывшие генералы восточногерманской разведки неплохо владели русским языком, а для некоторых этот язык был почти таким же родным, как и немецкий.

Они с нарастающим сомнением и с беспокойством следили за событиями внутри Советского Союза. К лету девяносто первого обстановка накалилась до предела, становилось ясно, что внутри страны происходят метаморфозы, вызывающие кардинальные изменения в политике бывшей супердержавы. Любому аналитику было ясно, что огромная страна неудержимо рвалась к катастрофе.

Проблеск надежды появился в тот августовский день, когда они все узнали о появлении ГКЧП. Казалось, что

еще можно остановить катастрофу, не допустить развала великой державы, повернуть время вспять. Но уже через несколько дней все было кончено. Здание КГБ не взяли штурмом, хотя стоящий на площади перед ним памятник Дзержинскому снесли под одобрительные крики толпы. Вольф приехал к бывшему руководителю советской разведки Леониду Шебаршину, чтобы попытаться выяснить, как им поступать дальше. Но никто не знал, что им нужно делать. Шебаршин не смог сказать ничего утешительного. Лишь посоветовал Вольфу бежать из страны. Это был крах, конец.

Всю свою сознательную жизнь Гельмут Гейтлер верил в незыблемость идеалов социализма, верил в могучего союзника, каким был Советский Союз, верил в свою страну, которую он защищал. Однако все идеалы оказались ложными, собственной страны больше не было, а союзники не хотели и не могли его защитить. Вольф вернулся в Гер-

манию, где на границе в Байериш-Гмайне его уже ждал федеральный прокурор. Арестованного Вольфа выпустили под огромный залог, но затем снова арестовали.

Началось судебное разбирательство, завершившееся вынесением приговора в девяносто третьем году в Дюссельдорфе. Летом девяносто пятого Федеральный конституционный суд постановил, что бывшие офицеры разведки ГДР не подлежат преследованию в новой Германии за измену и шпионаж. В девяносто седьмом по новому приговору Вольф получил два года условно и был приговорен к штрафу в пятьдесят тысяч марок с оплатой всех судебных расходов.

Словно предчувствуя все возможные перипетии своей дальнейшей судьбы, генерал Гельмут Гейтлер исчез из Москвы в сентябре девяносто первого года. Уже через месяц его жена, дочь и двое внуков вернулись обратно в Германию. К тому времени их бывшая квартира

была уже занята новыми жильцами. Семье пришлось трудно, очень трудно. Все знали, что Гейтлер исчез, и новые власти не собирались помогать его семье. Шесть лет ему пришлось скрываться в других странах и на другом континенте. За это время произошли невероятные перемены в Германии. В объединенной стране дважды судили Вольфа, судили и приговаривали к различным тюремным срокам остальных генералов и офицеров бывшей ГДР. Кто-то из друзей Гейтлера тайком помогал его жене и дочери, высылая небольшие суммы денег.

А новая власть в России, называемой теперь «демократической», выдала тяжело больного Эриха Хонеккера германским властям. Когда его депортировали из Москвы, он поднял руку в бывшем коммунистическом приветствии, словно подтверждая нерушимость своей клятвы, данной много лет назад. В Германии быстро установили, что Хонеккер тяжело болен. Его освободили,

и он уехал в Чили, чтобы умереть далеко от своей родины. Гейтлер видел эти кадры, находясь за тысячи километров от Германии. В девяносто седьмом он вернулся, узнав о смерти своей жены. Его арестовали дома, дав возможность посетить кладбище. Потом был суд, приговоривший его к пяти годам тюремного заключения. Через два года Гейтлера освободили. Он вернулся к дочери и к уже взрослым внукам. Для них все его прежние идеалы были непонятными и немного смешными. Это были совсем другие мальчики, уже нового, двадцать первого века. Гейтлер переехал в небольшую квартиру на окраине Берлина, где поселился в одиночестве. Ему было только шестьдесят два года.

Он привык к тому, что за ним все время наблюдали, что его телефоны прослушивались, а любой журналист из тех, что иногда появлялись в его доме, мог оказаться агентом другой спецслужбы. В последние годы ему несколько раз предлагали сотрудничать с

ЦРУ или МИ-6, но он неизменно отказывался.

Увидев, что следящий за ним человек тоже, как и он, перешел улицу, Гейтлер улыбнулся. Кажется, этот тип просто хочет, чтобы его заметили. Интересно, что ему нужно? С тех пор как Гейтлер оставил свою службу, прошло уже пятнадцать лет. Тогда ему было сорок семь. Неужели они до сих пор нуждаются в его опыте? Прошло так много времени...

Он замедлил шаг. В его возрасте глупо прятаться и тем более убегать. После смерти супруги Гейтлер уже ничего не боялся и ничему не удивлялся. Поэтому, увидев пустую скамейку, подошел к ней и тяжело опустился, ожидая, когда незнакомец подойдет к нему ближе.

Неизвестный мужчина был высокого роста, светловолосый, в темном плаще. Он сел рядом с Гейтлером, глядя перед собой, и так молча они просидели секунд двадцать. Со стороны они были чем-то похожи. У обоих одинакового

серого цвета глаза, словно они родственники. Только у Гейтлера лицо очерчено более резкими штрихами, чем у его соседа.

Наконец незнакомец негромко спросил:

— Вы генерал Гельмут Гейтлер?

— Если вы не знаете, кто я такой, то зачем следите за мной? — грубо ответил генерал. — А если знаете, то для чего задаете этот идиотский вопрос?

— Мне нужно убедиться, что это вы.

— Хотите, чтобы я дал вам отпечатки моих пальцев?

— Нет, — улыбнулся незнакомец. По-немецки он говорил с небольшим акцентом. Так обычно разговаривают американцы. Но незнакомец не был похож на типичного американца. Или в ЦРУ решили сделать очередную попытку?

— Кто вы такой? — спросил Гейтлер.

— Я уполномочен передать вам привет от «Герцога».

— Что? — Если бы незнакомец назвал любую другую фамилию или лю-

бую другую кличку, Гейтлер не удивился бы. Но про «Герцога» знали только несколько человек. Это был агент, внедренный в западногерманскую разведку и исчезнувший больше пятнадцати лет назад. И с тех пор про «Герцога» никто ничего не слышал. Именно поэтому генерал позволил себе удивиться.

— Не удивляйтесь. — Незнакомец посмотрел на часы. — Если наш разговор продлится больше десяти минут, я смогу соединить вас с ним по телефону.

— Я вам не верю, — ответил Гейтлер. — Не знаю, кто вы такой, но я вам не верю.

Неизвестный достал аппарат и набрал номер. Затем коротко подтвердил свое присутствие, убрал аппарат и сообщил:

— Он перезвонит нам через несколько минут.

Гейтлер нахмурился. Неужели такое возможно? Спустя столько лет объявил-

ся «Герцог»? Если это не блеф... Нет, это невозможно. «Герцог» был гражданином ФРГ, и на него не распространяется амнистия, объявленная офицерам ГДР. Если его схватят, то даже сейчас он получит пожизненный срок. Или два таких срока. «Герцог» сдал пятнадцать или шестнадцать агентов, половину из которых приговорили к смертной казни. Нет, это невозможно. Гейтлер холодно взглянул на неизвестного. Наверное, они хотят проверить версию о «Герцоге», поэтому решили действовать столь грубо и откровенно.

— Я не знаю никакого «Герцога», — заявил Гейтлер, — и вас тоже не знаю. Я уже пожилой человек на пенсии, и ваши провокации меня не могут удивить. Я не люблю, когда так откровенно блефуют.

Он поднял воротник куртки, собираясь встать и уйти, когда незнакомец осторожно дотронулся до его локтя.

— Не спешите, — мягко предложил он, — я вас не обманываю. Вы можете

спросить его о каком-нибудь факте, известном только вам и ему.

— Повторяю, я не знаю никакого «Герцога». Я понимаю, что это очередная проверка, но вы ошиблись...

— Он сказал, что вы можете нам помочь, — неожиданно объяснил незнакомец, — мы ищем вас уже достаточно давно. Герр Гейтлер, мы нуждаемся в ваших консультациях.

— Я уже старик, — нахмурился генерал. Пусть делают все, что хотят. Может, им нужно его снова посадить, доказав причастность к операциям против ФРГ. Тогда остаток дней он проведет в тюрьме. Что ж, возможно, это лучший вариант для всех. Внуки его давно не навещают, дочь звонит один раз в две недели. А иногда не звонит и целый месяц...

Незнакомец хотел что-то сказать, когда раздался телефонный звонок. Он достал аппарат, послушал, удовлетворенно кивнул головой и протянул его Гейтлеру. Тот посмотрел на неизвестного, затем достал носовой платок и

взял аппарат. Ему не хотелось оставлять своих отпечатков на этом телефоне. Неизвестно, какие планы у этого человека.

— Гельмут, — услышал генерал знакомый голос «Герцога», — это действительно ты?

Он не мог не узнать этого голоса. Про эту тайну не знал никто, даже в «Штази». Они были братьями по отцу. Единокровными братьями по отцу. Мать «Герцога» была любовницей отца Гейтлера, с которым познакомилась в далекой Уфе, где проживали семьи немецких антифашистов, эвакуированные туда во время войны. Об этом отец рассказал самому Гельмуту только спустя тридцать лет, когда они оба работали в органах госбезопасности. По обоюдной договоренности никто не предал огласке этот факт. И «Герцог» работал под фамилией своего формального отца — мужа его матери.

— Здравствуй, — коротко отозвался Гельмут, покосившись на неизвестно-

го. — Рад тебя слышать. Как у тебя дела?

— Неплохо. Я сейчас в Южной Америке. Как у тебя? Я слышал, что Марта умерла? Прими мои соболезнования.

— Да, — подтвердил Гельмут. Он узнал голос брата, но все еще колебался. Они могут подделать любой голос.

— Как твой отец? — неожиданно спросил Гельмут. — Он жив?

Генерал подождал ответа на этот простой вопрос. Если его собеседник действительно «Герцог», он обязан понять этот вопрос. И «Герцог» понял.

— Как и твой, — ответил он. — Умер в семьдесят девятом. Второго августа.

Все. Дальше можно было не проверять. Это был «Герцог». Тот самый, о котором Гельмут не слышал много лет.

— Как я могу тебя найти? — спросил он, уже не глядя на незнакомца.

— В Перу, — ответил также успокоившийся «Герцог». — Тебе дадут мой контактный телефон. Позвони и оставь

свой номер. Где бы ты ни был. Я тебя найду. Рядом с тобой сидит человек. Можешь ему доверять в рамках разумного. До свидания.

— До свидания. — Генерал почувствовал, что его сердце забилось сильнее. Таких эмоций он не испытывал после выхода из тюрьмы. Гейтлер вернул аппарат неизвестному мужчине.

— Теперь вы мне верите? — улыбнулся тот.

— Нет, — отрезал Гейтлер. — Теперь тоже не верю. Сначала представьтесь, а потом скажите, что вам от меня нужно.

— Меня зовут Кшиштоф Дзевоньский, — церемонно представился мужчина. — Я прилетел сюда по поручению группы людей, которым нужна ваша помощь.

— Вы представляете какую-нибудь страну или конкретную организацию?

— Группу людей, — повторил Дзевоньский, уклоняясь от конкретного ответа.

— Хорошо. Пусть будет группа людей. Что вам от меня нужно?

— Вы нужны нам как специалист. Это ведь вы в семидесятые годы консультировали специалистов из «красных бригад».

— Это неправда, — нахмурился Гейтлер. — Только несколько человек попросили тогда убежища в Восточной Германии, и мы им помогли.

— Не нужно, генерал, — мягко возразил Дзевоньский. — Мы прекрасно знаем, как и где вы им помогали. Это общеизвестный факт. В любой вашей биографии написано, за какие заслуги вы получили полковника в тридцать шесть лет и были награждены двумя орденами.

— Вы собираетесь меня шантажировать? Это было почти тридцать лет назад.

— Верно. Но таких специалистов в мире почти не осталось.

— Что вам нужно?

— Ваш опыт, генерал. Мы предлагаем вам поработать нашим консультан-

том. Гонорар можете назвать сами. Мы заранее согласны на все ваши условия.

— Это зависит от того, для чего я вам нужен.

— Если я вам скажу, то потом вы не сможете отказаться, — предупредил его Дзевоньский.

— Все настолько серьезно?

— Абсолютно. Мы хорошо изучили ваше прошлое, генерал. Если вы согласитесь с нами сотрудничать, то получите приличный гонорар, чтобы купить себе остров где-нибудь в Тихом океане и на всю жизнь остаться там. Конечно, вы лишитесь вашей пенсии, но мы ее вам компенсируем. На тысячу лет вперед. И вы сможете вызвать к себе ваших внуков, дочь. Через некоторое время.

— Интересное предложение. — Генерал подумал, что это не похоже на ЦРУ. И вообще не похоже, что они действуют от имени конкретной спецслужбы. Хотя найти «Герцога» было трудно, почти невозможно. Но они смогли его вычис-

лить. Но если у них такие возможности и если они смогли узнать подробности его биографии, то, возможно, незнакомец действительно представляет серьезных людей.

— Что вам нужно? — повторил вопрос Гейтлер.

— Вы знаете русский язык? — неожиданно спросил Дзевоньский.

— Конечно. Я родился в России в сорок втором году. И жил там до сорок шестого. Если вы знаете мою биографию, то должны были знать и про это. Потом я учился в Москве в течение семи лет. Пять лет в институте, два года специальной стажировки. И еще два года жил там уже в восемьдесят девятом — девяностом первом. Я владею русским так же, как и немецким.

— Все правильно, — кивнул Дзевоньский, — мы хотим предложить вам работу в России. Ваш гонорар будет исчисляться в семизначной цифре. Например, три миллиона долларов. Двадцать пять процентов можете получить

сразу же, как только согласитесь с нами сотрудничать.

— Три миллиона долларов? — усмехнулся Гейтлер. — Такие деньги платят только за особую операцию. И не всегда их выплачивают сразу после операции. Гораздо удобнее просто убрать человека, которому обещали столько денег.

— Это не тот случай, — серьезно ответил Дзевоньский. — Как только вы согласитесь, я скажу вам, какого рода консультации нас интересуют.

— Можете не продолжать, — отозвался генерал, — я еще умею думать. Сначала вы нашли «Герцога», чтобы подтвердить ваши полномочия и всю серьезность ваших намерений. Затем спросили меня о леворадикальных экстремистах из РАФ, с которыми мы сотрудничали. Предложили невероятный гонорар и уточнили, владею ли я русским языком. По-моему, вывод очевиден. Вы готовите операцию в России, возможно, масштабную и сложную. Вы хотите повторить в Москве нью-йоркские события одиннадцатого сентя-

бря? Хотя нет. Для такого террористического акта я вам не нужен. Тогда для чего? Нечто в этом роде?

— Мы цивилизованные люди, — возразил Дзевоньский. — Речь идет только об одном человеке. Никаких массовых побоищ. Только один человек...

— Три миллиона долларов за одного человека? — переспросил Гейтлер. — Не слишком ли дорого? Или это... — Он не договорил.

— Да, — Дзевоньский показал на небо, — все правильно. Это он. Мы хотим предложить вам решить нашу и вашу проблему.

— Так, — негромко подвел итог Гейтлер, — три миллиона долларов и ваша безумная затея. Теперь я понимаю, почему вы пришли именно ко мне. Считаете, что я буду помогать вам из-за своей обиды на бывших товарищей?

— А разве нет? — спросил Дзевоньский. — Он ведь был подполковником КГБ. И работал в Германии, здесь, рядом с вами. И не помог никому из вас.

— Он тогда не мог никому помочь.

— А потом? А его президент? Вы знаете, сколько писем получил Горбачев от бывших офицеров «Штази»? Только Маркус Вольф написал ему два письма, которые были опубликованы. Чем они вам помогли? Или вы до сих пор считаете их своими союзниками? Кажется, вашу жену и дочь вместе с внуками вышвырнули из их страны, как только там поменялась власть. А нынешний президент — олицетворение этой власти. Они вас сдали, сдали всех. Или у вас есть возражения?

— Не нужно меня убеждать, — поморщился Гейтлер. — Ваша агитация в данном случае бесполезна. У меня уже не осталось никаких идеалов и никаких чувств. Даже ненависти. Вы заплатите пять миллионов евро и переведете мне первый миллион уже завтра. Нужно будет организовать мою «смерть», чтобы спокойно работать. Придется искать похожий труп и сделать ему мои зубные коронки. И еще два ранения. Левое

плечо и левая нога. Мне всегда не везло на левых политиков и на левую сторону, — пошутил генерал. — Заодно я проверю, насколько серьезно вы собираетесь работать.

— План разработаете сами или нам сделать его за вас?

— Сделайте за меня, — предложил генерал, — а я посмотрю, как вы работаете. Может, я имею дело с богатыми дилетантами, которые ничего не умеют делать. Я не могу бегать по городу в поисках подходящего трупа. Подозреваю, что за мной все еще следят и мой телефон наверняка прослушивается. Итак, вы меня поняли?

— Мы знаем насчет телефона. Не нужно считать нас дилетантами. Мы смогли найти «Герцога», — напомнил Дзевоньский. — Или вы считаете, что это было просто?

— Одно очко вы уже заработали, — спокойно согласился Гейтлер. — Поэтому я согласился получить первый миллион. Второе очко получите сразу после

«моего убийства». Когда у вас будет два очка, а у меня миллион евро, я начну действовать. И подумайте о моих документах.

— Мы знаем, что кроме русского вы владеете еще английским, — проговорил Дзевоньский.

— У вас неполные сведения, пан Дзевоньский, — ответил по-польски генерал. — Я владею еще пятью языками: польским, украинским, чешским, датским и французским.

— Надеюсь, что вы не попросите надбавку за знание языков? — улыбаясь, пробормотал его собеседник.

Гейтлер тоже улыбнулся. Конечно, его собеседник все знал. И очень неплохо подготовился к их беседе, если сумел сделать почти невозможное — найти «Герцога». Нужно будет согласовать с ним все детали его «смерти». Внуки уже достаточно взрослые, для них смерть деда не будет неожиданностью. Дочь, конечно, будет переживать, но не очень долго. Сейчас у нее новый, уже третий

муж, и ее занимают совсем иные проблемы. После смерти Марты на этой земле больше не осталось ни одной души, ради которой он хотел бы остаться в Берлине. Похоже, это его идеальный шанс начать новую жизнь.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. ЛОНДОН

27 ОКТЯБРЯ, СРЕДА

Их офис располагался в Сити, в одном из тех многоэтажных домов, где находятся офисы многих известных европейских и американских компаний. На четырнадцатом этаже выходящих из трех лифтов гостей встречал приветливый консьерж, за работой которого наблюдали две камеры. Лишь убедившись, что поднявшихся посетителей действительно ждут, он открывал дверь и пропускал их во внутренние помещения. За дверью находился охранник, который следил за перемещением прибывших и принимал решение об откры-

тии второй двери. Только после этого гость мог пройти в остальные помещения и встретиться с кем-то из нужных ему людей или увидеть главу частного агентства Уорда Хеккета.

В этот день в офисе работало восемь сотрудников его агентства.

Почтальон, как обычно, принес почту, и консьерж вызвал секретаря, чтобы она расписалась за принятую документацию. Улыбающаяся девушка расписалась, выслушав привычный комплимент от почтальона. Она забрала несколько писем, два плотных пакета, одну небольшую посылку, прибывшую из Америки, кивнув консьержу, и прошла во внутренние помещения.

Хеккета в офисе не было. В этот день у него была важная встреча в Брайтоне, и это спасло ему жизнь. Сначала девушка открыла письма, привычно пробегая глазами тексты сообщений. Затем вскрыла посылку, в которой оказались две заказанные книги. Хеккет получал подобные посылки из всех крупных из-

дательств мира. Это была специальная литература по криминалистике, баллистике, истории, сборники судебных решений, воспоминания следователей, судей, бывших разведчиков, политиков. Словом, вся та литература, которая могла ему понадобиться.

Первый плотный конверт содержал послание адвокатской конторы из Канады, и секретарь отложила его для передачи юристу компании. На конверте второго письма было написано «Лично в руки». Секретарь чуть поколебалась. Хеккет разрешал ей вскрывать все письма, но подобные обычно просматривал сам. Девушка отложила пакет и через некоторое время снова взглянула на него. Хеккет должен вернуться поздно вечером. Возможно, в конверте важное сообщение из Ливерпуля, о котором он уже спрашивал.

В этот момент зазвонил телефон. Она подняла трубку. По странному стечению обстоятельств звонили из Ливерпуля. Позвонивший сообщил, что выслал

письмо на имя мистера Хеккета. Положив трубку, она больше не сомневалась и протянула руку за плотным конвертом. Письмо из Ливерпуля пришло через день, но она об этом уже не могла узнать.

Взрыв был такой силы, что разнес не только комнаты на их этаже, но и причинил серьезные разрушения на двух других этажах. Погибло четырнадцать человек. Хеккета среди них не было. Но узнавший об этом Хеккет сразу понял, кто и почему послал ему это предупреждение. В газетах появилось сообщение, что сам Хеккет тяжело ранен. Больше о нем ничего не было слышно. Хеккет предпочел покинуть беспокойный Лондон, не оставив никому своего адреса.

ГЕРМАНИЯ. БЕРЛИН

30 ОКТЯБРЯ, СУББОТА

Этот небольшой трехдверный автомобиль «Opel Corso» выпускался в Айзенахе с девяносто третьего года специ-

ально для восточных немцев, сочетая в себе приемлемую цену, низкий расход топлива и немецкий стандарт качества. Автомобиль этой модели девяносто пятого года выпуска и был приобретен несколько дней назад герром Гейтлером. При этом цена за машину была почти символической — в обеспеченной Германии не принято продавать автомобили с девятилетним сроком эксплуатации. Покупатель приобрел ее всего за четыреста долларов.

Было заметно, что он давно не имел машины и поэтому водит не очень уверенно. Сказывался и его почтенный возраст. За несколько дней он дважды чуть не попал в серьезные аварии, чудом избежав столкновений со встречными автомобилями. А выезжать на трассу пока даже не рисковал.

В этот день генерал вышел из дома раньше обычного. Соседка обратила внимание, что он часто держался за сердце. Гейтлер даже заехал в аптеку, где купил болеутоляющее лекарство. Затем

выехал на улицу. По утрам в субботние и воскресные дни города Германии словно вымирают. Их жители предпочитают отдыхать в своих домах, вечером собраться в ресторанах или барах, чтобы отметить уикенд.

Когда автомобиль выехал на улицу, там почти не было другого транспорта. И мало случайных прохожих.

Но на одном из поворотов машина генерала резко остановилась, едва не став причиной аварии. Идущий за ней микроавтобус вынужден был резко затормозить. Автомобиль с Гейтлером какое-то время постоял, словно водитель размышлял, что ему теперь предпринять. Наконец, развернувшись, поехал обратно. Сотрудники полиции, дежурившие в своей машине, обратили внимание на этого странного водителя, но не стали проверять его документы, ведь он не нарушал правил дорожного движения.

Автомобиль с генералом между тем свернул за угол, к набережной. Вскоре

послышался противный визг тормозов, затем сильный удар, и автомобиль съехал прямо в реку. Сотрудники полиции были на месте происшествия ровно через минуту. За ними приехали врачи, пожарные, служба спасения. Когда водолазы открыли автомобиль, выяснилось, что сидевший там пожилой мужчина уже задохнулся. Тело извлекли из машины, проверили документы.

Труп был опознан дочерью погибшего и одним из его внуков. Провели вскрытие, подтвердившее предварительный вывод о том, что несчастный задохнулся в воде. Очевидно, у него прихватило сердце. Не справившись с управлением автомобиля, он врезался в ограду, пробил ее и свалился в реку. А в состоянии шока он уже не мог вылезти из машины. На всякий случай сравнили зубы погибшего со снимками, сделанными у его дантиста два года назад. Все совпало. Сомнений не осталось. Погибший был бывшим генералом «Штази» Гельмутом Гейтлером.

Никто не мог даже предположить, что настоящий Гельмут Гейтлер вышел из автомобиля, едва он свернул за угол. На его место в кабину посадили человека, погибшего несколько минут назад. Он умер от удушья в воде. У мужчины было больное сердце, и в течение последних двух дней с его зубами работал дантист, чтобы привести их в полное соответствие со снимками челюстей генерала. Все было проделано со скрупулезной точностью. Неизвестный получил одежду и документы Гейтлера. Жертву погрузили в воду за несколько минут до того, как появился генерал, а в его автомобиль посадили уже мертвым. Затем машину столкнули в реку.

Все прошло почти идеально. Через два часа Гейтлер сидел в скором поезде, направлявшемся в Гамбург. Над ним уже поработал гример, и теперь его невозможно было узнать. Рядом находились двое сотрудников Дзевоньского. Гейтлер разместился у окна и иногда

поглядывал на свое отражение. При этом он улыбался.

АВСТРИЯ. ВЕНА. ОТЕЛЬ «МЭРРИОТ»

18 НОЯБРЯ, ЧЕТВЕРГ

Дронго сидел за столиком, наблюдая за устроившейся рядом с ним шумной компанией. Пять или шесть молодых ребят громко говорили по-грузински. Они о чем-то вспоминали, спорили, смеялись, весело обсуждая новости. Им было не больше двадцати пяти – тридцати лет. Для них история началась после девяносто первого года. Эти молодые люди были уверены, что все развивалось так, как должно было развиваться, и не задавали себе мучительных вопросов об истории и судьбе своего народа. Для них все было правильным и безусловным. Это были в основном дети тех «новых грузин», которые воспользовались повальной коррупцией при режиме Ше-

варднадзе и сделали свои состояния. Отправив детей в Европу, родители предпочли перевести основную часть капиталов туда же, а сами переехали в Россию или в Азербайджан, подальше от неистового Саакашвили, так отважно пытавшегося покончить в его стране с массовой коррупцией.

Дронго взглянул на часы. Уже половина седьмого. Он нахмурился. «Надеюсь, что это не глупый розыгрыш», — недовольно подумал Дронго. Позавчера вечером на его электронную почту пришло сообщение из Нью-Йорка. В нем был указан телефонный номер и просьба перезвонить по нему с любого «свободного» аппарата. На такой случай Дронго имел несколько зарегистрированных на чужие имена мобильных телефонов. Он позвонил. Неизвестный уточнил номер его телефона и пообещал вскоре перезвонить. Ровно через минуту раздался звонок. Дронго сразу узнал голос говорившего. Это был Уорд Хеккет.

— Добрый день, мистер Дронго, — торопливо сказал он, — у меня нет времени разговаривать. Хотя у вас, наверно, уже вечер. Можете поверить мне, что я позвонил вам только из-за очень важного дела. Исключительно важного. Я буду ждать вас восемнадцатого в половине седьмого вечера в венском отеле «Мэрриот» в кафе на первом этаже.

— Я знаю, — коротко ответил Дронго.

— Тогда договорились. Это очень важное дело, мистер Дронго. Вашу безопасность я гарантирую. До свидания.

Конечно, можно было проигнорировать такое сообщение. И не лететь в Вену, тем более что Уорд Хеккет был одним из тех негодяев, которым нельзя верить на слово. Своей порочной репутацией он давно снискал себе славу одного из самых опасных людей в криминальном мире. Но среди профессионалов такого уровня не принято приглашать на встречу коллегу-конкурента для банального убийства. Суще-

ствуют негласные правила, которых придерживаются все остальные. Кроме того, Хеккет обязан понимать, что Дронго не поедет на встречу, не обеспечив себе безопасность обязательным сообщением, куда он едет и с кем намерен встретиться. А это означало, что у Хеккета действительно исключительно важное дело. В эту ночь Дронго не заснул. Он просмотрел все английские газеты за последний месяц и обратил внимание на сообщения о взрыве в офисе частной компании Хеккета в лондонском Сити. Дронго распечатал сообщения и сделал нужные пометки, внимательно читая все статьи об этом взрыве. В одной из них говорилось, что мистер Хеккет тяжело ранен и находится в госпитале. Однако нигде не было указано, в каком именно госпитале.

Уже под утро Дронго решил, что нужно лететь в Вену. По Интернету он заказал себе билет на дневной рейс. Самолет вылетал из Москвы в пятнадцать

часов пятьдесят минут рейсом шестьсот вторым австрийской авиалинии.

Отправляясь спать в седьмом часу утра, Дронго решил послать для подстраховки сообщение о его возможной встрече с Хеккетом своим друзьям. Хотя уже сознавал, что эта встреча чрезвычайно важна не только для Хеккета, но, возможно, и для него самого.

А теперь он уже сидел в отеле «Мэрриот», ожидая, когда появиться Уорд Хеккет или кто-нибудь из его посланцев. На часах было около семи, когда в кафе появился мужчина, который смотрел в сторону Дронго, делая вид, что не замечает его, но было ясно: интересуется именно им. Дронго терпеливо ждал. Наконец мужчина поднялся, подошел к нему.

— Вы мистер Дронго? — спросил он.

— Меня обычно так называют, — кивнул Дронго.

— Вас ждут на улице, — сообщил незнакомец и не отошел, дожидаясь, когда Дронго расплатится за выпитый чай

и поднимется, чтобы выйти вместе с ним.

Они вышли на улицу. Дронго был готов к тому, что рядом с ними затормозит машина, но тут увидел, что на другой стороне улицы стоит сам Уорд Хеккет и приветливо машет ему рукой. Дронго посмотрел по сторонам и перешел улицу. Это была парковая зона. Хеккет дружелюбно кивнул ему, протянул руку. Дронго удивленно посмотрел на нее.

— Сейчас не время для ваших обид, — понял Хеккет, увидев, что Дронго не желает пожать ему руку. Однако убрал ее и пробормотал: — Вы всегда были неисправимым идеалистом.

— Зачем вы меня позвали? — мрачно поинтересовался Дронго. — Хотите выпить со мной чашечку венского кофе? Или погулять по парку? Может, вас замучила ностальгия?

— Не нужно так агрессивно, — взмахнул рукой Хеккет. — Как только

вы меня видите, у вас сразу же возникают негативные воспоминания. Мы знакомы уже много лет.

— С девяносто седьмого, — напомнил Дронго. — Вы тогда пытались устроить провокацию, но у вас ничего не вышло...

— Да, не вышло, — весело согласился Хеккет, — однако я почему-то по-прежнему оптимист, а вы превращаетесь в меланхолика.

— Это я с виду такой серьезный, — отозвался Дронго. — Если бы на самом деле стал меланхоликом, никогда не приехал бы к вам в Вену. Скорее я — романтик, а вы — циник.

— Цинизм всего лишь форма нашего существования, — возразил Хеккет, — некий гибрид фарисеев-моралистов, если хотите. А ваш романтизм покоится на меланхолизме в сочетании с морализмом. И это гораздо более сложная смесь.

— Надеюсь, я не скоро стану таким, как вы, — буркнул Дронго. — Вы позва-

ли меня в Вену для этого схоластического диспута?

— Нет, — сразу ответил Хеккет. — И я вам благодарен, что вы откликнулись на мое приглашение. Думаю, вы не пожалеете. Более того, я собираюсь дать вам уникальный шанс отличиться...

— Очень много лишних слов, — заметил Дронго. — Так зачем я вам нужен? Это как-то связано со взрывом в вашем офисе? Неужели у вас появились враги? Или это ваши старые враги?

— Я так и думал. Вы слишком умный человек, чтобы ничего не узнать. Наверное, просмотрели все газеты?

Дронго не ответил, ожидая дальнейших объяснений.

— В общем, у меня серьезные неприятности, и я должен был на время исчезнуть из Лондона, — сообщил Хеккет. — Вместо меня в госпитале святого Георга сейчас лежит другой человек, загримированный под меня. Меня не было в офисе в момент взрыва. И похоже, это меня спасло. А пока пусть все счита-

ют, что я нахожусь без сознания. И хотя охрана усилена, однако никто не может гарантировать моей безопасности. Подозреваю, что меня еще захотят убрать. И как можно быстрее. Поэтому это наша последняя встреча. В ближайшие месяцы я намерен вообще уехать из Европы. В Канаду или в Аргентину. В общем, найду место по душе.

— Вас так напугали?

— Если они взорвали мой офис и убили половину моих сотрудников, то можно считать, что они меня напугали. И очень рассердили. Я ведь не новичок в нашем бизнесе, знаю все правила и стараюсь их соблюдать. Но когда ведут себя вот так бесцеремонно и нагло, я становлюсь злым и мстительным. И собираюсь отомстить с вашей помощью, мистер Дронго. Как видите, я достаточно откровенно говорю вам об этом.

Дронго заметил двух мужчин, следующих за ними на некотором расстоянии. Очевидно, Хеккет действительно

был взволнован случившимся покушением.

— Теперь о сути дела, — сказал Хеккет, оглянувшись назад. — Примерно полтора месяца назад ко мне обратился один мой знакомый. Он рекомендовал мне встретиться с неким паном Дзевоньским, который усиленно искал встречи со мной. Я с ним встретился. Вы знаете характер моей работы, я никогда никому не отказываю. Если у людей есть конкретные предложения и они могут заплатить, то почему бы им не помочь? Согласен, я действую иногда на грани закона, но это уж мои проблемы. Пан Дзевоньский предложил мне участие в операции, которую я посчитал нереальной. И очень опасной. Нужно сказать, что мой гость проявил настойчивость, предложил мне большой, очень большой гонорар. Но я благоразумно отказался. Он ушел от меня неприятно пораженным. Очевидно, решил, что я отказался от денег из-за моих высоких

моральных принципов и поэтому меня нужно убрать.

— Он же совсем вас не знал, — вставил Дронго.

Хеккет вздохнул, но продолжил:

— На самом деле причина была абсолютно иная. Я просто сразу понял, что дело, которое он мне предлагает, чрезвычайно опасное. И совсем не прибыльное. Дело не в сумме гонорара. Если я сумел бы выполнить его задание, меня искали бы по всему миру, если бы не сумел — тоже. Вот такое неприятное уравнение с двумя известными ответами.

Дронго остановился. Хеккет взглянул на него. Сопровождающие замерли на почтительном расстоянии.

— Что же он вам предложил? — спросил Дронго. — Я думал, вы не отказываетесь, когда вам сулят большой гонорар.

— Не делайте из меня монстра, — огрызнулся Хеккет. — Если вам предложат взорвать автобус с детьми, вы согласитесь?

— У меня другая репутация, мистер Хеккет. Я не берусь за такие дела, и об этом все знают. Но думаю, что за большие деньги вы взорвали бы автобус с детьми. У вас репутация не очень приличного человека, и вам это прекрасно известно. Какой же гонорар вам предлагали? Миллион, два, пять?

— Пятьдесят, — ответил Хеккет, улыбаясь произведенному эффекту.

Дронго нахмурился. Затем повернулся и пошел дальше, ничего не сказав. Хеккет тронулся за ним следом.

— Пятьдесят миллионов, — негромко произнес Дронго, — и вы отказались? Я думал, за такие деньги вы готовы продать свою бессмертную душу. Хотя в Бога вы наверняка не верите. Пятьдесят миллионов долларов, и вы отказались? Может, мне попытаться угадать, что именно вам предложили? Какой-то вариант повторения событий одиннадцатого сентября в Нью-Йорке или одиннадцатого марта в Мадриде?

— Почти, — подтвердил Хеккет. — Мне предложили убить вашего президента. Продумать и осуществить покушение на его жизнь. Можете себе представить? Меня сразу вычислили бы. Мой почерк известен всем спецслужбам. Меня нашли бы, независимо от того, сумел бы я выполнить этот «заказ» или нет.

— Подождите, — прервал его Дронго, — это похоже на провокацию. Неужели у них нет своих исполнителей?

— Я не говорил об исполнителях. Им был нужен аналитик. Серьезный эксперт, который сумел бы продумать всю операцию до мелочей. Но зачем мне деньги на том свете? Поэтому я отказался. Русские стали бы искать меня по всему миру, а американцы и европейцы им помогали бы. Вы думаете, у меня был бы хоть шанс спрятаться?

— Пятьдесят миллионов за убийство президента, и вы отказались? А почему не обратились в Скотленд-Ярд?

— Я не сумасшедший. Любая подобная попытка только ускорила бы высылку этого «подарка», от которого я спасся лишь чудом. У них могут быть свои люди в Скотленд-Ярде. Я подозреваю, что есть, так как мой знакомый из Эдинбурга, рекомендовавший мне пана Дзевоньского, как раз имеет очень неплохие связи со спецслужбами нашей страны. Более того, я полагаю, что сам Дзевоньский — бывший офицер польской или восточногерманской разведки. Он очень профессионально и грамотно выстроил нашу беседу. Хотя в конце сорвался, пытаясь меня уговорить.

— Вы рисковали, — заметил Дронго. — Они были уверены, что вы согласитесь...

— Очевидно, да. Я действительно часто помогаю людям, для чего и создал свое агентство. Но на такое даже я не способен. Мне пришлось бы полететь в Москву, сидеть там, разрабатывать план устранения русского президента. И вы

думаете, что визит такого человека, как я, прошел бы незамеченным для русских спецслужб? Или для английских? Я стараюсь не выглядеть дураком.

— И поэтому решили выбрать именно меня? Но я не российский гражданин и точно так же могу находиться под подозрением российских спецслужб.

— Вы живете в Москве, у вас хорошие связи. И у вас есть то, чего нельзя купить ни за какие деньги, мистер Дронго. Это ваша репутация. В мире всего несколько специалистов вашей квалификации: сэр Мишель Доул из Лондона, комиссар Дезире Брюлей из Парижа, мистер Фредерик Миллер из Брюсселя. Четыре или пять человек. К сожалению, романтиков почти не осталось. Вы ведь как ангелы, вас все знают наперечет. А моя контора обеспечивает людей ложными алиби, готовит нужных свидетелей...

— И лжесвидетелей, — вставил Дронго.

— И лжесвидетелей, — согласился Хеккет. — Мы собираем компрометирующий материал на супругов, политиков, бизнесменов. Занимаемся экономическим шпионажем, находим нужных женщин, чтобы компрометировать чью-то репутацию. В общем, вся Европа знает, что мы не ангелы. Но мы и не убийцы. Во всяком случае, если бы речь шла о каком-то несчастном любовнике, который мешает состоятельному мужу-политику, то, возможно, мы могли бы найти для пана Дзевоньского подходящую кандидатуру на предмет устранения подобного нежелательного субъекта. Ничего личного. Мы бы взяли свои комиссионные проценты и нашли нужного человека. Они сами обычно договариваются об оплате подобных услуг. Нашли бы... Но не для политического убийства. Это абсолютно исключено.

— А почему вы решили так срочно найти меня?

— Решил немного вам подыграть. Может, вы даже получите орден за то,

что предотвратили покушение в Москве. Или другую благодарность. Я решил сдать вам пана Дзевоньского. Он оказался слишком неблагодарным и самонадеянным типом. Возьмите дискету. Здесь все, что я знаю. И его фотографии. Думаю, что они не успокоятся и будут искать специалиста с моим профилем. В мире не так много людей нашей профессии. Думаю, что вы сумеете вычислить аналитика, которого привезут в Москву. И сможете предотвратить покушение. — В руках у Хеккета появилась дискетка.

— А если это провокация? — снова спросил Дронго. — Если они решили таким образом просто устроить спектакль?

— Бомба, которую они мне прислали, тоже спектакль? — зло поинтересовался Хеккет. — Или это у них такое своеобразное чувство юмора?

— Когда это случилось? По датам?

— Первая встреча была второго октября, а бомбу прислали двадцать седьмого. Как видите, быстро.

— Давайте вашу дискетку, — прервал его Дронго, — и ваш контактный телефон. Может, мне придется еще раз с вами увидеться.

— Нет, — отказался Хеккет, — никаких телефонов. Я в больнице и без сознания. И я не приду в себя до тех пор, пока не получу известий из Москвы. Либо о том, что вы проиграли, либо о том, что вам удалось предотвратить это покушение. Учтите, они не остановятся на полпути. Если у них есть такие деньги и такие возможности, то боюсь, что они уже действуют. И оцените хоть немного мое благородство. Я ведь мог просто послать сообщение в Москву, а не вызывать вас сюда.

— А чувство мести? — напомнил Дронго. — Среди погибших были близкие вам люди.

— Оно мне знакомо, — ответил Хеккет, — я хорошо вас знаю, мистер Дронго. Вы не сможете отмахнуться от моего предложения. Уже сегодня вы начнете анализировать мои данные и действо-

вать. И если в результате ваших действий будет арестован или убит этот пан Дзевоньский, я буду считать мою миссию выполненной. А если вы сумеете его арестовать и это приятное для меня сообщение появится в российских газетах, обещаю вам, что сразу «выздоровлю», прилечу в Москву и лично вас поздравлю. Но номера телефона я вам не дам. Слишком опасно.

— Понятно, — протянул Дронго. — Вам не кажется, что пора заканчивать с вашим частным агентством? Лучше займитесь благородными делами, помогайте находить пропавших детей, охраняйте высокопоставленных особ, ищите преступников. И люди скажут вам «спасибо».

— Могу сообщить вам некоторые факты из моего личного опыта, — живо возразил Хеккет. — Охотнее всего люди платят за информацию, добытую в обход моральных и юридических норм. Они платят за намеренное отклонение от закона гораздо больше, чем за пунк-

туальное ему следование. Хотите, сравните наши доходы. Идеалиста-романтика с циником. И вы увидите, что я получаю в десять раз больше вашего.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся Дронго. — Но вы должны быть готовы и к тому, что среди ваших знакомых рано или поздно окажется новый пан Дзевоньский. И на этот раз вы можете случайно оказаться в офисе.

— Да, — помрачнел Хеккет, — но это уже «издержки» нашей профессии. Надеюсь, что моя дискетка вам поможет. До свидания. Я еще раз благодарю вас за то, что вы сюда приехали. — Он повернулся и, уже не прощаясь и не протягивая руки, исчез за деревьями.

Двое его телохранителей также бесшумно растаяли среди деревьев, очевидно выйдя к стоявшим на другой стороне парка автомобилям. Дронго остался один. Он посмотрел по сторонам и заторопился в сторону отеля «Мэрриот». Сегодняшняя новость не стала для него такой сенсацией. Он по-прежнему

не доверял Хеккету, хотя и сознавал, что действительно был для него «последним шансом».

РОССИЯ. МОСКВА
19 НОЯБРЯ, ПЯТНИЦА

Поезд прибыл в город почти вовремя. Гейтлер проснулся раньше обычного и, лежа в постели, прислушивался к стуку колес, такому забытому и одновременно памятному. В Европе почти не было поездов со спальными вагонами, не считая нескольких фирменных составов, курсирующих между различными странами. В небольшой по размерам ГДР в любую точку можно было добраться за несколько часов, выехав из Берлина. И только у соседей, в России, где Гейтлер провел так много лет своей жизни, можно было действительно отоспаться в поезде. Рядом дремал один из его помощников. Гейтлер посмотрел в его сторону и усмехнулся. Напрасно

они ему так не доверяют. Если бы он хотел сбежать, то уже давно это сделал бы. Он приподнял голову и посмотрел в окно. Повсюду лежал снег. Скорый поезд «Красная стрела» шел из Санкт-Петербурга в Москву и должен был прибыть на Ленинградский вокзал ранним утром. Гейтлер вспомнил, что впервые воспользовался этим поездом тридцать семь лет назад. Как же давно это было! В шестьдесят седьмом. Тогда все было немного по-другому. Он поднялся с постели, и его напарник сразу открыл глаза.

— Спи, — строго по-русски сказал Гейтлер, — еще не хватает, чтобы ты ходил за мной в туалет, вызывая подозрения у проводников. Не бойся, я не убегу в тапочках и спортивных брюках. При таком морозе можно запросто замерзнуть.

Он с удовольствием говорил по-русски, используя уже забытые слова. Ему понравилось это всплывшее из памяти слово «запросто». Забрав щетку и зуб-

ную пасту, он вышел из купе. Когда же, почистив зубы и умывшись, вышел из туалета, его провожатый с каменным выражением лица стоял в коридоре. Наверняка все-таки боялся, что Гейтлер выпрыгнет из движущегося экспресса, да при таком морозе почти абсолютно раздетым. И наверное, правильно делает, что боится, подумал генерал. Вот если бы это происходило лет двадцать или тридцать назад, его никто не удержал бы. Только сначала он нейтрализовал бы своего провожатого. А сейчас убегать глупо. И не нужно. Тем более что он сам согласился на такой необычный шаг и решил приехать в Москву, чтобы продумать все на месте. Но, верный своим прежним принципам конспирации, Гейтлер прекрасно понимал, что не стоит прилетать прямо в Москву, чтобы не оказаться под подозрением, даже при наличии безупречных документов. Поэтому он выбрал Санкт-Петербург, переехав в него из Хельсинки, и теперь ехал в Москву поездом.

Гейтлер вернулся в свое купе, ничего не сказав своему провожатому. Он не сомневался, что кроме этого парня в поезде должны быть еще несколько человек для подстраховки. «Какие же кретины, — возмущенно подумал генерал. — Слух о моем появлении в Москве разнесется по всему городу раньше, чем я начну что-то придумывать. Нужно предупредить Дзевоньского, чтобы он изолировал всех моих провожатых».

На вокзале их встречали. Гейтлера посадили в темный джип отдельно от его провожатого. В кабине было двое мужчин, один из которых уселся вместе с гостем на заднем сиденье. Они ехали долго, больше часа, куда-то за город. Но за все это время генерал не произнес ни слова. И его провожатые тоже не разговаривали. Очевидно, у них были строгие инструкции. Наконец автомобиль остановился, и Гейтлер вылез из машины, разминая затекшие ноги.

— Добрый день, господин Шайнер, — приветствовал его на русском

языке сам Дзевоньский, одетый в светлый джемпер и темные шерстяные брюки. Волосы у него были зачесаны назад, на глазах появились очки, придавшие ему интеллигентный вид.

Гейтлер пожал протянутую руку и улыбнулся. По документам он теперь был чехом Йозефом Шайнером, архитектором из Праги. Какие документы были у Дзевоньского, генерал не знал, но понимал, что тот тоже их сменил. Они вошли в дом и, пройдя через большой холл, оказались в просторной гостиной. Дзевоньский показал на глубокие кресла у камина, устраиваясь в одном из них. Гейтлер сел в другое.

— Как добрались? — поинтересовался Дзевоньский. Он неплохо говорил по-русски, хотя с некоторым акцентом.

— Все нормально. Если бы не плотная опека ваших помощников, у меня было бы более хорошее настроение.

— Это в целях вашей безопасности, — пояснил Дзевоньский.

— Тогда в целях моей безопасности изолируйте всех месяца на три или на четыре, пока мы не завершим наше общее дело.

Дзевоньский улыбнулся:

— Вы думаете, что мы посвящаем их в детали операции? Они были обязаны всего лишь охранять вас.

— И тем не менее они знают, что я сюда приехал. Я не хотел бы видеть их еще раз.

— Мы учтем ваши пожелания, мистер Шайнер. Между прочим, меня зовут Станислав Юндзил. Я бизнесмен из Литвы. Из Клайпеды.

— Не сомневаюсь, что вы успешный бизнесмен, — пробормотал Гейтлер, — но мне хотелось бы знать, кто еще осведомлен о цели моего визита? — Он протянул руку, растопыривая пальцы. — Если вы скажете, что их число превышает количество пальцев на моей правой руке, мы закончим с вами наши отношения немедленно. Прямо здесь. И я верну вам ваши деньги.

Они смотрели друг другу в глаза.

— У вас слишком много пальцев, — заметил Дзевоньский. — Кроме нас с вами никто не знает о цели вашего появления. Ни один человек, кроме меня, во всяком случае ни один из тех, кто сейчас находится в Москве, не знает, кто вы такой и зачем сюда приехали. Моему помощнику Карлу Гельвану известно лишь ваше имя и наша задача в общих чертах. Никто и не должен знать о цели вашего визита, мистер Шайнер. Не считайте меня дилетантом. Иначе я не сумел бы найти «Герцога» и убедить вас в серьезности наших намерений.

— Вы об этом уже говорили. Не нужно все время этим бравировать. Я оценил качество вашей работы во время моей «гибели» в Берлине. Сколько человек охраняет этот дом?

— Четверо. Все профессионалы, но они тоже не знают о цели вашего приезда. И будут охранять этот дом от назойливого любопытства каждых посторонних. Я правильно сказал по-русски?

— Не совсем. Лучше сказать «всех посторонних». Так будет точнее.

— Спасибо. Иногда я допускаю подобные ошибки. В доме будут еще кухарка и уборщица. Охрана дежурит в доме круглосуточно. Вся территория просматривается камерами. Дом находится в дачном поселке, который охраняется сотрудниками местной милиции. У них она называется вневедомственной охраной. Что еще вас интересует?

— Все, что касается нашего субъекта власти. Его привычки, круг общения, манера поведения, передвижения по стране. Какая у него охрана, каковы его маршруты — в общем, все, что вы сможете о нем узнать.

— Мы готовим материалы уже достаточно давно. Но вы должны понимать, что мы проявляем особую осторожность во всем, что касается его персоны. Любая чрезмерная настойчивость может вызвать ненужное внимание его охраны. Там работают профессионалы.

Кроме того, он сам знает, как себя вести и что делать. Не забывайте, он наш коллега.

— Не забуду, — улыбнулся Гейтлер, — а вам трудно беседовать по-русски. Если хотите, перейдем на немецкий или польский.

— Почему?

— Вы себя невольно выдали. Сказали, что он «наш коллега». А я ведь не спрашивал вашу биографию.

— Верно, — нахмурился Дзевоньский, — я много лет не был в России. И мне трудно себя все время контролировать. Давайте перейдем на немецкий или польский. Так мне будет легче.

— Пан Дзевоньский, — перешел на польский язык Гейтлер, — вы понимаете, что мне нужно время для разработки операции? И конкретный исполнитель. Или исполнители, которые ничего не будут знать до последнего момента. Это в фильмах и книгах прошлого века можно было нанять наемного убийцу, который будет действовать в одиночку. Сей-

час такое невозможно. Нужны продуманные действия многих людей, хотя успеха чаще всего добиваются одиночки именно в силу законов конспирации.

— Вы хорошо говорите по-польски, — кивнул Дзевоньский, — и я понимаю все наши проблемы. Что-нибудь еще?

— Конкретные исполнители. Я скажу, кто именно мне нужен.

— Когда?

— Пока не знаю, скажу, когда изучу ситуацию. Мне понадобится автомобиль с водителем, чтобы немного поездить по городу. И уберите эту дурацкую охрану. Вы прекрасно понимаете, что если бы я захотел, то давно ушел бы от вас. Это не проблема.

— Думаю, да, — согласился Дзевоньский, — тем более что свои деньги вы очень ловко спрятали. Мы не смогли их найти. Не подскажете, куда вы их перевели?

— Не подскажу, пан Дзевоньский. Или лучше пан Юндзил? Это моя стра-

ховка на случай, когда вы решите, что «мавр сделал свое дело»...

— Охрану я не уберу, но машину мы вам дадим. Можете ездить, но будьте осторожны, не стоит привлекать ненужного внимания.

— Могли бы этого не говорить.

— Согласен. Я ценю ваш большой опыт, пан Шайнер. И готов выслушать все ваши рекомендации.

— И мое последнее условие. Вы сказали, что второго шанса не будет. С этим я могу согласиться. Поэтому мы всегда готовили два варианта. Основной и резервный, на случай провала первого. Основной вариант будем готовить мы с вами вдвоем. Резервный буду готовить я один. Вам придется мне поверить. И выплатить еще половину суммы. Если не получится у ваших людей и мы провалим основной план, то я задействую резервный вариант, о котором будет знать только один человек. Я сам. Это абсолютная гарантия безопасности.

— А исполнители? — поинтересовался Дзевоньский. — Разве вам не будут нужны конкретные исполнители? Как вы думаете осуществить свой план? Каким образом? Или вы возьмете пистолет и пойдете в Кремль?

— Вы сами сказали, что цените мой опыт. Я уже догадался, что вы работали в органах госбезопасности. Возможно, даже в разведке, пан Шайнер. И были очень толковым специалистом. Вы знаете, чем я занимался в нашей бывшей стране. Но вы даже не предполагаете, сколько на счету нашего отдела успешно проведенных операций. Не можете даже себе представить. И никто об этом никогда не узнает. Документы уничтожены. Свидетелей не осталась. Иногда мне бывает обидно, что мир не узнал всех подробностей о работе моих сотрудников. Даже в КГБ не было специалистов такого уровня. И столько успешно проведенных операций. Но в финале мы проиграли из-за просчета наших политиков и из-за предательства

Москвы, которое я никогда и никому не простил. Вся моя жизнь изменилась. Я потерял Родину, семью, работу, свою честь. Надо мной смеялись, объясняя, что я всю жизнь служил ложным идеалам. — Гейтлер взглянул на огонь в камине и негромко продолжал уже по-немецки: — Поэтому давайте договоримся так. Вам придется мне поверить и не мешать. Я никуда не сбегу. Не потому, что вы мне так нравитесь. Я хочу завершить мою карьеру самым громким делом в моей жизни. Хочу поставить жирную точку и показать всему миру, что они слишком рано похоронили мою страну и нашу разведку. Эндшпиль будет за нами. Это моя историческая миссия, если хотите.

Наступило молчание. Дзевоньский молчал целую минуту, словно раздумывая. И наконец произнес, тоже по-немецки:

— Я вам верю, генерал. Можете делать все, что считаете нужным. Машину мы вам дадим. Разрабатывайте ваши ва-

рианты, я буду вам помогать. Только на всякий случай хочу вас предупредить. Если вдруг вы решите все-таки исчезнуть, мы не станем вас искать. У вас остались два внука в Берлине. И ваша единственная дочь. Это гарантия вашей лояльности. Извините, что вынужден так говорить, но я хочу быть искренним до конца.

Теперь целую минуту молчал Гейтлер. Его лицо превратилось в каменную маску, но многолетняя закалка в органах разведки сказывалась. Он ничем не выдал своего волнения. Две пары серых глаз снова скрестились. Они понимали друг друга. Они слишком хорошо понимали друг друга. И только через минуту генерал криво усмехнулся:

— Я ошибся, пан Дзевоньский. Вы не служили в разведке. Вы работали в контрразведке. Наверное, выслеживали ваших перебежчиков. И ловили всех инакомыслящих. Если бы вы работали в разведке, вы наверняка знали бы, как важно устанавливать доверительные от-

ношения со своим подопечным. Но метод шантажа и угроз вам более привлекателен. Будем считать, что я принял к сведению ваши слова. Не нужно было мне об этом говорить. И все-таки, коли вы сказали, я запомню ваши слова и приму их к сведению. А теперь покажите мне мою комнату, где я могу переодеться и начать работу.

РОССИЯ. МОСКВА

20 НОЯБРЯ, СУББОТА

В Москву Дронго прилетел накануне днем. И сразу заперся в своей квартире, чтобы просмотреть все материалы и попытаться понять, насколько велика опасность, о которой его предупредил Хеккет. Он работал всю ночь напролет, стараясь ответить себе на несколько вопросов.

Первый был о самом Хеккете. Ведь вполне вероятно, что за этим крылась его попытка таким необычным спосо-

бом отомстить его возможным конкурентам или врагам. Хеккет мог попытаться подставить своего конкурента под подозрение российских спецслужб. Такой вариант нельзя было исключать.

Однако Хеккет, на взгляд Дронго, был достаточно умным человеком, чтобы не понимать, что такую игру рано или поздно разоблачат.

Тогда неизбежно возникал второй вопрос: кто стоит за Дзевоньским, прибывшим в Лондон? Судя по сумме гонорара, который предлагали Хеккету, это очень серьезные люди с огромными возможностями для осуществления их плана.

К вечеру двадцать седьмого октября Дронго наконец принял решение и тут же позвонил своему старому знакомому — бывшему полковнику Первого Главного Управления, много лет проработавшему за рубежом в Канаде, США, Великобритании, а затем вышедшего на пенсию, но сохранившего прежние отношения с сотрудниками управления.

Владимиру Владимировичу, по странному совпадению полному тезке президента страны, пришедшего к власти пять лет назад, было уже за семьдесят. Теперь старый разведчик, с которым Дронго дружил уже более десяти лет, ходил с палочкой, у него часто болели ноги, однако он сохранял удивительную ясность ума и проницательность, основанную на большом практическом опыте. Старик часто выступал в роли своеобразного связного между спецслужбами и Дронго.

Как всегда, Владимир Владимирович, кажется, не удивился звонку Дронго, почувствовав, что произошло что-то чрезвычайно важное, и пригласил его к себе. Дронго приехал в половине десятого вечера, поднялся в знакомую квартиру. Владимир Владимирович жил один. Дронго всегда удивляло, что старик открывал ему дверь почти сразу, словно точно знал, в какой момент он за нею окажется. Будто ему кто-то сообщал о его передвижениях.

Они вошли в квартиру, прошли на кухню, где Владимир Владимирович пил кофе. Гостю он предложил чай, зная, что Дронго не пьет кофе, предпочитая элитные сорта чая. И специально держал для него такой чай.

— Что случилось? — осведомился старик, когда его гость уселся за столик. — Последний раз, помнится, мы виделись с тобой в Риме, куда мне пришлось вылететь, чтобы уговорить тебя вернуться в Москву. А теперь ты сам прибежал. Догадываюсь, случилось что-то серьезное, иначе я не увидел бы тебя так быстро. По-моему, у тебя на общение со мной своеобразная аллергия, которая возникает сразу после наших встреч. Будто ты устаешь от моего общества. Или вообще устаешь от своих дел, от окружающих тебя людей. Но раз ты оставил семью в Риме и прилетел в Москву, значит, у тебя сейчас период одиночества. Ну, начинай, рассказывай.

— Меня вызвал Хеккет, — произнес Дронго.

— Что? — не поверил своим ушам Владимир Владимирович. В этот момент он как раз доставал чашку для чая. — Сам Уорд Хеккет? Он тебе позвонил?

— Представьте себе. И не просто позвонил, а попросил срочно прилететь в Вену. И вы знаете, я решил ему поверить.

— Когда ты едешь? — тревожно спросил Владимир Владимирович. — Я думаю, это не совсем безопасно.

— Я уже там был, — ответил Дронго. — И прежде чем туда отправиться, оставил для вас дома письмо. Так что, если бы я не вернулся, вы узнали бы об этом первым.

— Напрасно ты так рисковал. — Хозяин налил чай в большую чашку, которую держал для гостей, и кофе в небольшую чашечку — для себя. После чего уселся наконец напротив Дронго.

— Знаю. Но прежде чем уехать, я просмотрел все лондонские газеты за последний месяц. И выяснил, что кто-то пытался убить Хеккета. Взрыв уничтожил его офис, и там погибло боль-

шинство его сотрудников. А потом в газетах появилось сообщение, что сам Хеккет тяжело ранен и находится в реанимации. Согласитесь, после этого было интересно увидеть его живым и невредимым в венском отеле.

— Интересно, — неторопливо отозвался Владимир Владимирович, — это уже настоящая детективная интрига.

— Поэтому я и полетел. Интересно было, зачем я мог понадобиться этому типу. В общем, я согласился на встречу. И узнал много полезного. Хеккет передал мне важные сведения. Оказалось, к нему по просьбе его друзей из Эдинбурга обратился некий господин Дзевоньский. Этот человек готов был выплатить ему неслыханный гонорар за убийство. Можете себе представить сумму гонорара. Пятьдесят миллионов долларов! Но Хеккет отказался.

— Ты сам-то веришь в свои слова? Хеккет не мог отказаться от таких денег.

— Отказался. Они просили его спланировать и осуществить убийство по-

литика. Однако Хеккет решил, что риск слишком велик. И отказался.

Владимир Владимирович поставил свою чашечку на столик. Посмотрел на своего гостя.

— Ты знаешь, о каком политике идет речь?

— Знаю.

— И можешь мне об этом сообщить?

— Вы уже знаете, о ком я говорю...

— Если это тот, о ком я думаю, тебе грозит серьезная опасность.

— Пока нет. Никто не знает, что я встречался с Хеккетом. А для всех остальных он пока лежит в больнице без сознания. Хеккет тоже хочет остаться в живых. Если получится...

— Почему они так подставились? В таких случаях не допускают ошибок. Или это не профессионалы? Но судя по сумме гонорара, такие деньги не платят дилетантам. Тогда почему?

— Торопятся, — пояснил Дронго. — Я тоже об этом думал. Есть конкретные заказчики, которые готовы заплатить

деньги. И они торопятся. Им нужно не просто покушение. Не обычный снайпер, который может промахнуться. Им необходимо гарантированное уничтожение политического противника. Вот поэтому они и обратились к такому специалисту, как Хеккет. Они понимают, что в связи с чеченской войной субъекта высшей власти охраняют так, как никого другого в Европе. Именно поэтому они хотят гарантировать свое «вложение денег». Уорд Хеккет — один из немногих в мире специалистов, который может спланировать и осуществить такой акт. Просчитали его возможности, учли его опыт, его неразборчивость в выполнении любых грязных дел, его страсть к деньгам... Единственный момент, который они не приняли во внимание, — это трусость Хеккета в сочетании с его умом. Он умеет рассчитывать варианты. Он негодяй, но — не самоубийца. И поэтому он отказался. А они, естественно, решили, что простить такой просчет нельзя. Взорвали его офис.

Хеккет не погиб только чудом — в тот момент его там не было.

— И к какому выводу ты пришел?

— Они не остановятся. Не те люди. Им нужно отработать огромный гонорар и на этот раз не ошибиться. Поэтому я уверен: они найдут другого аналитика. Такого же высокого класса, как Хеккет. Найдут и выплатят ему этот гонорар. Тому, кто не откажется. Вы понимаете, что это означает? В ближайшие месяцы может произойти непоправимое. Это вам не «Шакал», который был всего лишь обычным левым радикалом и которого можно было легко вычислить. Уже тогда все спецслужбы знали его настоящее имя — Рамирес Ильич — и готовы были его взять. Если бы ему не помогли в странах Восточной Европы, где он отсиживался, «Шакал» никогда не смог бы стать такой легендой. Но на этот раз все будет иначе. Огромные деньги политических конкурентов и конкретный аналитик высшего класса, который спланирует и

осуществит террористический акт. Сейчас киллерам за стрельбу в подъезде платят только бандиты и коммерсанты, сводящие друг с другом счеты. А когда такие деньги и такие планы — это совсем другой уровень. Здесь платят за ум, за неожиданный удар, за разработку настоящего плана. Хотите, я выскажу вам одну мою версию?

Дронго перевел дыхание. Владимир Владимирович молча ждал.

— Неужели вы верите, что вылезшие из пещер и палаток арабские террористы могли сами спланировать и осуществить террористический акт одиннадцатого сентября? — спросил Дронго. — Нужно ничего не понимать в специфике работы профессионалов, чтобы так думать. Разработать такой террористический акт под силу только группе талантливых аналитиков. Ведь надо было подготовить столько людей, скоординировать их действия, просчитать силу ударов самолетов по башням Торгового Центра, уточнив, в какой именно этаж

нужно бить, чтобы наверняка разрушить обе башни... Произошедшая трагедия — это результат расчетов целого штаба, а не нескольких террористов, собравшихся вокруг Усамы бен Ладена. И вообще, сегодня самое опасное сочетание — это огромные деньги и мозги, которые можно на них купить. Деньги дают сами американцы и европейцы — они основные потребители дешевой арабской нефти. Для американских спецслужб этот удар оказался абсолютной неожиданностью, настолько мощным и продуманным он был. Как и удар одиннадцатого марта в Испании.

— Не нужно ломиться в открытые ворота, — вздохнул Владимир Владимирович. — Я думаю, многие аналитики в мире с тобой согласятся.

— Скажу вам больше, — не мог остановиться Дронго, — я абсолютно уверен, что сейчас где-то в мире планируется следующий террористический акт, еще более страшный, настоящий мегаакт. С применением ядерного или био-

логического оружия. Вы помните «связного из Багдада», когда мы чудом успели обезвредить атомную бомбу в Риме? Я думаю, повторение такого вполне возможно. В Нью-Йорке, Лондоне, Париже, далее везде... Нужно срочно создавать мощный мировой антитеррористический центр, куда должна стекаться вся информация о любых фактах пропажи ядерного топлива и другого оружия массового поражения. Чтобы аналитики могли разрабатывать контрдействия. Но ничего подобного пока нет.

— Ты хочешь сказать, что у нас похожий случай?

— Я в этом убежден. Ведь вполне возможно, что где-то в мире уже работает аналитик, которому поручено спланировать и осуществить это убийство. И действовать будет не обычный террорист-одиночка, который случайно окажется на складе, как Ли Харви Освальд. В такие случайности сейчас уже никто не верит. Да и служба охраны ныне работает по-иному. Это будет не

обычное покушение. Не обычный террористический акт. Тут должны столкнуться интеллект против интеллекта. Аналитик против аналитика. Нам необходимо вычислить аналитика, к которому могли обратиться заказчики. Кстати, это не так трудно. Таких людей в мире всего человек двадцать. Или двадцать пять. И все они на виду.

— Хорошо, предположим, что мы сумеем его вычислить, — кивнул Владимир Владимирович. — А кто будет ему противостоять? Кто захочет «сыграть с ним эту партию»? У тебя есть конкретная кандидатура?

— Я, — ответил Дронго, — если мне позволят. Полагаю, Хеккет не просто так позвонил именно мне. Очевидно, тоже просчитал варианты и нашел во мне лучшего противника тому неизвестному аналитику. Нам необходимо его вычислить, предугадать его действия. И суметь его опередить.

— Это почти невозможная задача. А если не справишься? Ты понимаешь,

что ставкой в этой игре будет и твоя собственная жизнь? Противная сторона довольно быстро узнает, кто из аналитиков решил сыграть с ней эту партию. Может, оставить все другим? Может, тебе лучше отойти в сторону?

— Сколько лет мы знакомы? — неожиданно спросил Дронго. — По-моему, уже больше десяти. И за столько лет вы еще не поняли мой характер? Или нарочно отговариваете, чтобы меня проверить?

— Просто я хорошо к тебе отношусь, — пробормотал Владимир Владимирович. — Но ты прав. Это особый случай. Я должен позвонить прямо сейчас. У тебя с собой документы, которые передал тебе Хеккет?

— Конечно. Я дополнил их своими сведениями.

— Тогда не будем терять время. Иду звонить. Нужно будет подключить аналитиков ФСБ и СВР. Пусть поищут нужного нам человека. И конечно необходимо сообщить обо всем в Службу

Безопасности. Им придется перестраивать свою работу с учетом наших рекомендаций. — Владимир Владимирович поднялся и пошел в другую комнату.

Дронго остался один. Перед ним стояла недопитая чашка чая, который уже совсем остыл. Дронго закрыл глаза, откинул голову назад. Повторение пройденного? Того, что было почти семнадцать лет назад? Или нет? Тогда он был еще совсем молодым человеком, когда состоялась историческая встреча Горбачева с новым президентом США, которым стал Джордж Буш-старший. Встреча президентов проходила на острове. В те дни Дронго и его напарники искренне верили, что спасают мир. Он сам верил в свою миссию.

Ему казалось, что Горбачев олицетворяет собой новое мышление, новый стиль руководства, в котором так нуждалась его страна. Чем это закончилось, Дронго тоже помнил. Горбачев оказался слабым и нерешительным политиком. Шарахался из стороны в сторону, отре-

кался от прежних взглядов, идеалов, предавал своих друзей, сдавал союзников... Кровавые драмы вспыхивали по всей огромной стране, которая разваливалась на куски. В этих условиях Горбачев все больше и больше терял власть и уважение сограждан. Уже много лет спустя он будет говорить о своем понимании свободы для миллионов сограждан. И забудет про миллионы людей, потерявших из-за его нерешительности свою родину, забудет о сотнях тысяч погибших, о страданиях и несчастьях людей, обреченных на нищую, несчастную жизнь. Но это будет потом, много лет спустя. А в девяносто первом просто сложит с себя полномочия. Президент страны, поклявшийся защищать ее целостность и независимость, спокойно объявил, что страна больше не существует и он уходит в отставку.

Дронго почувствовал боль в спине. Именно тогда он был впервые ранен. Луиза Шернер стреляла ему в спину, и он чудом выжил. Потом были долгие

месяцы в больнице, трудное возвращение к жизни, которая стала так стремительно меняться буквально на глазах. За эти годы он много раз спрашивал себя: правильно ли они тогда поступили? Нужны ли были их жертвы, его тяжелое ранение, их самоотверженная верность тому государству и лидеру, которые не смогли защитить самих себя, уйдя в политическое небытие? И каждый раз не находил ответа на эти вопросы.

Так что же? Спустя семнадцать лет история повторяется? Или тогда была трагедия, а теперь будет фарс? Зачем он вообще ввязывается в эту историю? Теперь он никому и ничем не обязан. Или ему так важно реабилитировать себя за поражение семнадцатилетней давности? Но той огромной страны уже давно не существует. Пространство, на котором он привык существовать, распалось на пятнадцать независимых частей, часто враждебно настроенных друг к другу. Во многих независимых государствах существовали внутренние конфликты,

приведшие к тяжелым и кровавым войнам.

В комнату вернулся Владимир Владимирович. Дронго открыл глаза и посмотрел на него.

— Нас ждут завтра утром, — сообщил Владимир Владимирович. — И учти, что они собираются ради тебя в воскресенье.

— Спасибо, — отозвался Дронго. — А я думал, что они соберутся уже сегодня ночью.

РОССИЯ. МОСКВА

21 НОЯБРЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Уже два дня Гейтлер разъезжал по городу, внимательно фиксируя необходимые детали. Ему выделили большой «Ниссан-патроль», от которого он благоразумно отказался. Огромный внедорожник привлекал бы к себе ненужное внимание. Попросил заменить его на другую, менее заметную машину. Ему

дали довольно старый «Сааб», девяносто первого года выпуска. В машине был заменен мотор, однако внешне этот темно-синий автомобиль смотрелся весьма непрезентабельно. Дзевоньский приказал найти водителя, хорошо знающего город, и эту работу поручили бывшему таксисту, подрабатывающему «бомблением» на своей машине. За зарплату в пятьсот долларов Николай Сальков охотно согласился работать на фирму, специализирующуюся на «ландшафтном дизайне». Ему не обязательно было знать, каким именно дизайном занимается приехавший из Праги архитектор Йозеф Шайнер. Не знали об этом и две девушки, работавшие в офисе компании, снимавшей помещение в гостинице «Международная». Туда иногда приезжал пан Юндзил, а в его отсутствие в комнате сидел представитель компании, тридцатипятилетний Карл Гельван, гражданин Латвии. Он всегда был аккуратно одет, говорил по-русски с еле заметным латышским акцентом и

лично просматривал все приходившие в офис бумаги. Работы почти не было, девушки скучали, рассматривая модные журналы по современному дизайну, которые в изобилии лежали в их офисе. Сальков числился водителем компании и поэтому не удивлялся, когда его пересаживали с одной машины на другую. У фирмы могли быть свои приоритеты. Хотя несколько дней он ездил на довольно комфортабельных машинах, но затем ему приказали пересесть на старенький «Сааб». Сальков не очень удивился. Очевидно, приехавший старичок, которого он возил уже два дня по всему городу, занимал не очень высокий пост в компании и его вполне устраивала такая машина. К тому же они ездили в выходные дни, когда машин было гораздо меньше обычного.

В первый день Гейтлер наслаждался поездкой по Москве, которую уже начал забывать. Со времени его последнего приезда в этот город, который он раньше хорошо знал, прошло уже почти

тринадцать лет. За это время Москва кардинально изменилась. Появились новые здания, были отреставрированы старые, повсюду открылись новые магазины, проспекты и улицы буквально забили, образуя постоянные пробки, дорогие автомобили, вокруг сверкали вывески модных ресторанов, кафе, баров, казино... Теперь тут проживало, как ни в одном другом городе мира, огромное число миллионеров и миллиардеров, что, безусловно, сказывалось на всем облике города и его инфраструктуре.

Некоторые улицы в центре изменились настолько, что их невозможно было узнать. Некоторые переулки превратились в пешие торговые улочки, закрытые для машин. Гейтлер намеренно, чтобы убедиться в профессионализме Салькова и проверить, каким образом за ним организовано наблюдение, выбирал различные маршруты. Долго проверять не пришлось. У Дзевоньского в Москве было не так много сотрудни-

ков, поэтому за ними постоянно следовал черный внедорожник «БМВ», в котором находилось двое мужчин. К вечеру первого дня поездок Гейтлер уже не сомневался в профессионализме своего водителя и в аккуратности тех, кто за ними наблюдал. На следующий день с утра он назвал Салькову конкретный адрес, куда они выехали в девять утра. Без пятнадцати десять, остановив машину на Сретенке, Гейтлер вышел из автомобиля и исчез, предупредив водителя, чтобы тот его ждал. Сальков, привыкший за время работы к многочасовому ожиданию клиентов, согласно кивнул.

Гейтлер отсутствовал целых два часа, когда наблюдавшие за Сальковым сотрудники позвонили Дзевоньскому.

— Он пропал, — коротко сообщил один из них.

— Как это пропал? — не понял Дзевоньский.

— Остановил машину и вошел в какой-то подъезд. С другой стороны там

есть выход, мы о нем не знали. Может, он поднялся к кому-то на этаж? Но мы не знаем, в какую квартиру...

— Где его машина?

— Стоит у дома и ждет.

— Вы тоже ждите, — распорядился Дзевоньский. Нельзя было выдавать своих истинных чувств. Он знал, что в таких случаях важно не сорваться. Однажды он уже чуть не сорвался в Лондоне, когда ему отказал Хеккет.

Прошло еще два часа. Гейтлер не появлялся. Дзевоньский дважды перезвонил своим наблюдателям. И оба раза старался говорить ровным, спокойным голосом, ничем не выдавая своего волнения. Еще через час Гейтлер вышел из подъезда дома и сел в машину Салькова.

— Все нормально? — спросил Николай.

— Да, — кивнул Гейтлер. Со своим водителем он говорил по-русски, но преднамеренно с чудовищным акцентом, чтобы не выдать своего отличного знания языка.

Когда Дзевоньскому сообщили, что Гейтлер снова сел в машину, он достал носовой платок, вытер лицо и впервые за весь день облегченно выдохнул. Несмотря ни на что, он волновался. Такой человек, как Гейтлер, мог выкинуть любой трюк, устроить все что угодно. Гейтлер, разумеется, ошибался, когда говорил ему, что мало кто знает об успехах его бывшего отдела. О некоторых успехах генерала Гельмута Гейтлера отлично знали во всем мире. Его операции изучались во многих разведках мира, они давно стали частью тех легенд, которые окружали существование восточногерманской разведки и ее легендарного руководителя Маркуса Вольфа. В Польше до событий восемьдесят девятого года генерал Дзевоньский жил под другой фамилией. Он был одним из самых молодых руководителей польской разведки. Гейтлер был прав, когда предположил, что он работал в контрразведке. Дзевоньский возглавлял контрразведку во внешней разведке. Это была элита

профессионалов, которые проверяли разведчиков, внедрившихся в других странах, на их лояльность центру.

Дзевоньский слышал об операциях Гейтлера еще в семидесятые годы, когда был молодым сотрудником польской разведки. В восьмидесятые он стремительно продвигался по служебной лестнице. Но для него все закончилось в восемьдесят девятом, когда к власти пришло первое некоммунистическое правительство Мазовецкого. Именно тогда молодой тридцативосьмилетний генерал понял, что игра закончена. И начал готовить свое отступление. Через два года он вышел в отставку, уже имея небольшую фирму, на счета которой переводил деньги.

Но бизнесмена из него не получилось. Фирма довольно быстро закрылась. А Дзевоньский начал заниматься тем, чем занимался и раньше — стал давать консультации по вопросам безопасности нарождающегося польского бизнеса. Работы было много. Затем он

переехал в Бельгию, где по-прежнему нуждались в его «консультациях». О возвращении на родину не могло быть и речи. Там его уже искали, обвиняя во многих преступлениях. Дзевоньский считался одним из лучших специалистов по странам Восточной Европы. Поэтому именно его нашел несколько месяцев назад посредник, предложивший неслыханные гонорары и невероятные условия для выполнения особо сложной задачи. Дзевоньский не колебался. К этому времени он превратился в абсолютного циника и преступника, выдачи которого могли потребовать сразу несколько государств. Умный профессионал, он понимал, что для такой операции ему понадобится настоящий специалист, аналитик высшего класса. И сначала обратился к профессионалу, чья квалификация не вызывала сомнений, как и его страсть к деньгам. Но ошибся. Хеккет испугался, он слишком хорошо представлял себе последствия этой акции. Дзевоньский

ошибся лишь в одном: Хеккету нравилась публичная жизнь и он не собирался исчезать навсегда.

Предстояло найти другого специалиста такого же класса, для которого это задание стало бы последним в его жизни. Аналитика, который мог бы все спланировать, а потом исчезнуть из политической жизни европейского общества навсегда. Таким человеком мог стать великий Гельмут Гейтлер, на операциях которого Дзевоньский учился. Именно поэтому он сделал почти невероятное: вышел на Вебера, нашел «Герцога» в Перу, и все только для того, чтобы наконец найти Гейтлера, человека, не знавшего поражений в той, прошлой жизни. К тому же Гейтлер был немец, один из тех генералов Восточной Германии, на судьбах которых особенно болезненно отразились изменения в Европе. Все эти профессионалы, честно и преданно служившие своей стране, в результате политических катаклизмов оказались «предателями» и «преступни-

ками». Их преследовали, сажали в тюрьмы, обвиняли во всех смертных грехах, лишали работы, пенсий, пособий. Все они прошли путь, полный горьких разочарований и обид. Каждый из них помнил, что именно предательство Горбачева и советского руководства осенью восемьдесят девятого года стало началом крушения их жизней и идеалов. Каждый из них знал, каким образом были оговорены условия сдачи их собственной страны летом девяностого, а также слышал о том, какие письма отправлял их бывший руководитель Маркус Вольф советским лидерам с просьбами защитить его товарищей — высших офицеров от мести победителей. Письма остались без ответа, участь бывших союзников была решена.

Гейтлер вернулся в восемь часов вечера. Дзевоньский ждал его в гостиной у камина. Когда Гейтлер вошел и поздоровался, Дзевоньский кивнул ему в знак приветствия. Гейтлер сел в кресло, протянул руки к огню.

— Я отвык от российских морозов, — признался он, — хотя сегодня еще не так холодно. Всего одиннадцать градусов. Вот в январе морозы будут сильнее.

— Вы собираетесь сидеть здесь так долго? — осведомился Дзевоньский, поднимая правую бровь.

— Я собираюсь сидеть здесь столько, сколько понадобится, — отрезал Гейтлер. — Если вы не поняли, что такую операцию нужно продумывать и готовить достаточно долго, то значит, вы не совсем тот человек, за которого я вас принял.

В наступившем молчании было слышно, как гудит огонь в камине. Дзевоньский недобро усмехнулся.

— Куда вы сегодня исчезали? — спросил он. — Решили поиграть на моих нервах?

— Да. Очень хотелось, чтобы вы получили инфаркт, — равнодушно парировал Гейтлер. Они снова говорили по-русски. — Я вам уже говорил, что не собираюсь никуда бежать. Кстати, мне

еще не перевели тех денег, которые я просил. Или вы думаете, что мне они нужны для развлечения? Я был бы вам благодарен, если бы эту часть денег вы привезли мне наличными.

— Зачем?

— Ненужный вопрос. Мне нужны деньги для нашей операции, а не для того чтобы бегать в казино.

— Я их вам привезу через два дня.

— Очень хорошо. И уберите наконец ваших «наблюдателей». Остановить они меня не смогут, только будут вас нервировать, когда я буду неожиданно исчезать. Да. Иногда на весь день. Если вы поручили мне работу, то позвольте продумать все детали. Мне важно почувствовать атмосферу, окружение, энергетику этого города и его людей. Я должен попасть на мероприятие, где будет президент и его охрана, чтобы посмотреть, как они работают. Плотно его прикрывают или дают ему возможность отрываться? Как перекрывают основные точки со всех сторон, как готовятся к

встрече, как отходят. В общем, мне нужно несколько раз увидеть все это своими глазами.

— Вы думаете, что у меня есть свои осведомители в Кремле? — разозлился Дзевоньский. — Или мне докладывают, когда и куда он едет? Это самая большая государственная тайна. Не забывайте, что у них уже который год идет чеченская война и они постоянно имеют в виду потенциальную угрозу со стороны возможных смертников. Поэтому все передвижения президента строго засекречены. Никто не может узнать, где и когда он будет.

— За исключением тех моментов, когда он обязан осуществлять свои властные полномочия, — возразил Гейтлер.

— Что вы имеете в виду? — не понял Дзевоньский.

— У каждого субъекта власти существуют свои властные полномочия и свои атрибуты власти, — пояснил Гейтлер. — Вы же знаете, что мы изучали все покушения, которые готовили на президен-

та де Голля. Пытались понять, почему при таких возможностях и исполнителях все попытки убить генерала провалились. Я вам скажу. Во-первых, сами исполнители не до конца были убеждены в правоте своего дела. Там было много настоящих французских патриотов, среди которых в свою очередь оказывались и осведомители спецслужб. Не потому, что они были сексотами или получали деньги. Они не были уверены в правоте тех идей, за которые нужно было умереть.

— Это не наш случай.

— Верно. Но вы меня не дослушали. Дело в том, что основные покушения планировались именно на тот момент, когда де Голль осуществлял свои полномочия как президент республики. Им тоже трудно было просчитать, когда и где он окажется, но существовали места, где он обязан был быть. И были известны его полномочия, которые мог осуществить только он сам. Например, встречи с главами иностранных госу-

дарств в Елисейском дворце или восьмое мая, когда он обязательно появлялся у Триумфальной арки. В общем, всегда можно просчитать действия субъекта власти, зная его программу на год.

— Вы хотите просчитать возможные действия президента и его охраны? — наконец понял Дзевоньский.

— Я хочу знать, когда и где он может появиться. Вы помните, как убили Раджива Ганди? Между прочим, операцию его устранения разрабатывали совсем в другом месте и другие люди. В КГБ была об этом абсолютно достоверная информация. На Западе не очень приветствовали леворадикального политика, ставшего премьером огромной страны после смерти его матери. Тогда американские и пакистанские спецслужбы просто просчитали, где и когда может появиться Раджив Ганди. Ничего не планировалось, это был обычный анализ ситуации. Но этот анализ довели до сведения заинтересованных лиц. И все. Больше ничего не было нужно. К само-

му популярному политику Индии подошла молодая женщина-смертница, на теле которой была установлена взрывчатка. Никто не мог даже представить себе подобного. Взрыв был такой силы, что никто не уцелел. Между прочим, я тогда уже не работал. Скрывался в Москве, но не мог не обратить внимания на эту операцию.

— А я ушел с работы до убийства Ганди, — неожиданно признался Дзевоньский. — Если бы ничего не изменилось, возможно, сейчас мы сидели бы в Москве, планируя очередные совместные операции, проводимые где-нибудь в Канаде или в Великобритании.

— Согласен. В покушениях на политических лидеров очень большое значение имеет информация о месте и времени появления нужного лица. О том, что президент Джон Кеннеди приедет в Даллас, знали все жители города. Об этом сообщалось по радио и в газетах. Все даже знали, что он будет в открытой машине. Оставалось подняться на кры-

шу, имея в руках винтовку с оптическим прицелом, что и сделал Ли Харви Освальд. Хотя многие до сих пор убеждены, что стреляли с разных сторон. Но для нас важно не это обстоятельство. Важен сам факт — многим было известно, по какой улице и когда проедет президент. Оставалось только устроить засаду.

— Я с вами согласен. Но как вы просчитаете действия нашего субъекта?

— Поэтому мне и нужно узнать о нем как можно больше. Я хочу поменять ситуацию. Не ждать, где появится президент, а вызвать его в нужное мне место.

— Не выйдет, — отозвался Дзевоньский. — Мы тоже провели сравнительный анализ самых крупных захватов заложников в Москве и в Беслане. В Москве — во время представления мюзикла, в Беслане — в средней школе. В обоих случаях было захвачено беспрецедентное число заложников. И в обоих случаях служба безопасности президента не позволила ему появиться рядом с

этими объектами. Все понимали, что устранение политического лидера по своей значимости далеко превосходит любой террористический акт, даже такой трагический, как в Беслане.

— Да, — нахмурился Гейтлер, — я видел по телевизору. Чудовищная и абсолютно неэффективная акция. Такая может вызвать только отторжение и ненависть. Легче всего взорвать детский сад или какую-нибудь школу. Для любой террористической группы это самое простое. Но именно это редко кто делает. Потому что такие акции вызывают обратный эффект. И ответные волны ненависти бывают сильнее, гораздо сильнее тех, на которые рассчитывают террористы.

— Тогда чем занимаемся мы? — неожиданно улыбнулся Дзевоньский.

— Своей работой, — чуть подумав, ответил Гейтлер, — именно в результате двурушнической политики Москвы, которая сдала наши страны, мы с вами оказались без работы, пан Дзевонь-

ский. А теперь мы делаем то, что умеем. Восстанавливаем справедливость, если хотите. Парадокс лишь в том, что нашу операцию мы готовим на деньги граждан этого государства. И не говорите ничего, Дзевоньский. Я все равно не поверю, если вы начнете доказывать мне, что деньги вам дали сенегальские вожди или тибетские ламы. Я еще не разучился просчитывать варианты. Может, в этом самый невероятный парадокс нашего времени.

— У вас уже есть какой-то конкретный план?

— Конечно нет. Я здесь только два дня. Мне понадобятся деньги и время. Много денег и много времени, пан Дзевоньский, чтобы я мог гарантировать вам конкретный результат. Кстати, я все время забываю вас спросить. Как вы вышли на «Герцога»? О нем знали только несколько человек.

Они снова посмотрели друг другу в глаза. Между ними начало устанавливаться нечто похожее на взаимную не-

навистъ и симпатию, какая бывает у супругов, проживших вместе много лет и не имеющих сил расстаться. Оба слишком хорошо понимали друг друга.

— Вебер вам был известен под кличкой «Спутник», — пояснил Дзевоньский. — Мы нашли его в Дюссельдорфе, где он жил с женой. Я был уверен, что он поможет нам найти «Герцога».

— Жил? — переспросил Гейтлер.

Его собеседник понял, почему генерал сделал акцент на этом слове. Гейтлер тоже понял, что Дзевоньский не ошибся, употребляя именно это русское слово.

— Да, — кивнул поляк, — он умер. Сердечный приступ. Сразу после нашей встречи.

На этот раз оба улыбнулись. Можно было больше ничего не объяснять. Два генерала понимали друг друга без лишних слов.

— Иногда я думаю, что вы не так безнадежны, пан Дзевоньский, — проговорил Гейтлер по-польски, снова протя-

гивая руки к огню. — Хотя вы по-прежнему вызываете у меня активное отторжение. Но я начинаю думать, что с вами можно работать, несмотря на ваш ужасный характер.

РОССИЯ. МОСКВА

21 НОЯБРЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ему позвонили рано утром, подтвердив, что в двенадцать часов дня к его дому подъедет автомобиль. Дронго недовольно поморщился, глянув на часы. В половине десятого утра он обычно еще спал, но позвонившему ничего не сказал. Следовало подняться, принять душ, побриться и подумать о предстоящей встрече.

Стоя под струей горячей воды, Дронго вспоминал вчерашний разговор с Владимиром Владимировичем. Если все пойдет нормально, то сегодня они соберут настоящий штаб, первой задачей которого будет разработать и опре-

делить векторы опасности. Однако надо быть готовым и к тому, что будет принято другое решение. Например, изолировать его, Дронго, до окончательного решения вопроса с этой опасностью, угрожающей политическому лидеру. В таком случае все решения будут приниматься без него, другими людьми. И хорошо еще, если его только изолируют. Кто-нибудь в Службе Безопасности может решить, что столь умного эксперта вообще нецелесообразно оставлять в живых. Вот такой вполне возможный конец всей его деятельности.

Но это, конечно, самый пессимистический вариант. Скорее всего, его могут вежливо поблагодарить и попросить не вмешиваться в работу сотрудников ФСБ и Службы Безопасности. Это — оптимистический вариант. И наконец, есть третий — фантастический. Его услуги принимаются, и они начинают совместный поиск противника. Третий вариант фантастический еще и потому, что Дронго не сотрудник российских

спецслужб и никто не обязан ему доверять столь уникальную операцию. Рассчитывать же, что ему поможет пенсионер, бывший сотрудник бывшего Первого Главного Управления КГБ СССР, его старый знакомый Владимир Владимирович, по меньшей мере, наивно.

Вот так, стоя под горячим душем, Дронго размышлял о предстоящей встрече. Жизнь сделала его реалистом и прагматиком. Он не любил чудеса и не верил в них. Но в душе все-таки считал возможным и такое развитие событий, при котором для схватки с неизвестным противником будут учтены его опыт и способности.

Без пяти двенадцать ему сообщили, что за ним подъехала машина. Он был уже готов. Оглядел свою квартиру, словно прощаясь. В этой четырехкомнатной квартире Дронго жил все последние годы, когда находился в Москве. И пускал сюда только Джил и детей в те редкие дни, когда они приезжали к нему. Дронго старался, чтобы об этой квартире

знало как можно меньше людей, и часто назначал встречи в московских отелях, где намеренно снимал номера.

В автомобиле находился только водитель. Это немного успокаивало. Хотя там тоже есть свои аналитики, которые знают психологию и умеют работать. Дронго сел в салон, вежливо поздоровался. Спрашивать, куда они едут, не стал. Просто откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. В конце концов, какая разница, где состоится их встреча? Важно, как она пройдет и не попросят ли его задержаться на достаточно долгое время.

Они ехали недолго, минут двадцать, и подъехали к зданию. Это было здание ФСБ в центре города. Не на Лубянке, но недалеко от нее. У Дронго проверили документы. И подтянутый молодой человек провел его в просторную комнату на третьем этаже, где уже собралось человек десять незнакомых Дронго людей. Среди собравшихся были две женщины. Войдя в комнату, Дронго

поздоровался и увидел Владимира Владимировича, сидящего в углу с отрешенным видом, словно он случайно зашел сюда по дороге.

— Садитесь, — пригласил Дронго пожилой мужчина лет шестидесяти с зачесанными назад седыми волосами. У него были крупные черты лица, густые брови.

Дронго подумал, что никогда не видел этого человека, и прошел к столу. Ему отвели место напротив этого седовласого мужчины, очевидно председательствующего на данном собрании. Так как все остальные сидели поближе к неизвестному, получалось, что все присутствующие были на одной стороне, а Дронго — на другой. Стол был длинный, рассчитанный человек на двадцать–двадцать пять. «Представляю, как они меня ненавидят за то, что из-за меня пришлось вытащить их сюда в воскресный день», — подумал Дронго.

Со своего места он не мог разглядеть всех находившихся в комнате. Однако

заметил, что при его появлении все повернулись в его сторону.

— Как к вам обращаться? — спросил председательствующий.

— Меня обычно называют Дронго, — ответил он.

— Мы знаем. Если вам так нравится...

— Да, — невежливо перебил Дронго, — именно так мне нравится более всего. Если возможно.

— Господин Дронго, вы знаете, зачем мы тут собрались. Но сейчас должен подойти руководитель нашей группы.

— Понимаю...

— Вы передали материалы, с которыми мы внимательно ознакомились. Они представляются нам заслуживающими серьезного внимания. Очень серьезного. Мы хотим поблагодарить вас за эти материалы.

— В первую очередь следует благодарить «товарища Хеккета», — не удержался Дронго от соблазна зло пошутить. Ему не понравилось обращение «господин». Он знал, что среди сотруд-

ников спецслужб и в армейской среде России это обращение не прижилось и здесь по-прежнему называли друг друга по-старорежимному «товарищ». Говоривший, очевидно, понял его намек и поэтому улыбнулся.

— А я Алексей Николаевич Полухин, — представился он, — мне поручено возглавить группу, которая проведет анализ предоставленной вами информации.

Дронго кивнул в знак приветствия. «Интересно, откуда этот тип, — подумал он. — Для Службы Безопасности слишком интеллигентен, для ФСБ — не столь прямолинеен. Неужели из разведки? Или я ошибаюсь?»

— Здесь собрались представители различных ведомств, — пояснил Полухин, — каждый из них представляет конкретное ведомство. Нам поручено составить именно межведомственную комиссию с тем, чтобы реально оценить степень угрозы и вывести конкретные предложения.

— Когда хотят уйти от ответственности, обычно создают комиссию, — пробормотал Дронго и заметил, как сидящий в углу Владимир Владимирович неодобрительно покачал головой.

— Да, — согласился Алексей Николаевич. Он даже не обиделся, — наверно, вы правы. Но сегодня не тот случай. Насколько можно понять из предоставленных вами материалов, к... мистеру Хеккету обратился неизвестный с предложением о проведении террористического акта против конкретного политического лидера страны. Я верно излагаю суть дела?

— Пока да.

— Спасибо. Хеккет оказался невообразимо честным и благородным человеком, решив отказаться от неслыханного гонорара. В ответ ему прислали бомбу, которая только чудом его не убила. И тогда он решил найти вас, чтобы рассказать вам о сделанном ему предложении, желая как бы наказать своих обидчиков. Правильно?

Дронго кивнул.

— Вы понимаете, что эта история больше похожа на шпионский детектив, чем на реальность? Обращаться с таким запросом к незнакомому человеку верх глупости. Почему мы должны верить известному авантюристу и провокатору Уорду Хеккету? А если он придумал всю эту историю, чтобы привлечь к себе внимание и таким необычным образом подогреть к себе интерес? Ради больших денег он мог устроить взрыв в своем офисе. Вам не кажется возможным такой вариант?

Дронго почувствовал на себе изучающие взгляды присутствующих. Из двух сидящих за столом женщин одной с сухим морщинистым лицом, одетой в синее платье, было лет пятьдесят пять. Она внимательно слушала Дронго, делая какие-то записи в блокноте, лежащем перед ней. Вторая была моложе — лет сорока или чуть больше. Светлые, тщательно уложенные волосы. Элегантный темно-бордовый жакет, свет-

лая блузка. И легкая улыбка на губах. Дронго всегда нравились люди, умеющие улыбаться.

— Ради денег и рекламы Хеккет пойдет на все что угодно, — согласился он. — И в данном случае, мне кажется, неизвестные нам заказчики хотели воспользоваться именно этим. Ничего удивительного не вижу и в вашем предположении, господин Полухин, насчет взрыва в офисе этого циника. Такое, увы, случается. Насколько мне известно, перед недавними выборами в Государственную думу один из депутатов устроил взрыв в своем кабинете, решив инсценировать покушение на свою персону...

Полухин нахмурился. Сидящий рядом с ним мужчина что-то отметил в блокноте. Некоторые недовольно заворчали. Обе женщины с интересом уставились на Дронго. А Владимир Владимирович опять покачал головой. Дронго явно многим не нравился.

— Однако в вас говорят стереотипы мышления, — продолжил Дронго, — даже намек на подобные действия внутри страны вызывает у вас недовольство. Я абсолютно с вами согласен — Хеккет подлец, но он не дурак. И не самоубийца. При взрыве погибли его сотрудники, с которыми он проработал многие годы. Поэтому, думаю, версию провокации с его стороны мы должны рассматривать в самую последнюю очередь. Боюсь, репутация Хеккета гораздо хуже его самого. Поэтому-то заказчики и обратились к нему. Он известен в мире как мастер политических провокаций. На его счету немало убийств, осуществленных в интересах его клиентов. Одно такое преступление я лично расследовал примерно семь лет назад. Тогда Хеккет пытался скомпрометировать одного известного российского бизнесмена, осуществив реальное убийство его девушки, которую, кстати, сам ему и подослал...

— Мы это знаем, — перебил его Полухин, — этот человек способен на лю-

бое преступление. По нашим сведениям, за ним тянется целый шлейф преступлений. И вы хотите, чтобы мы поверили такому господину?

— Не хочу. Он не станет делать ничего, что не принесет ему конкретной выгоды. И, обратившись ко мне, поступил точно так же. Уверен, Хеккет передал мне эти сведения только с одной целью — чтобы хоть как-то обезопасить себя в дальнейшем от повышенного интереса этих людей. Других мотивов я не вижу.

— А если это часть крупной провокации, рассчитанной на дестабилизацию в нашей стране? — спросил Полухин. — Ведь после получения такого сообщения мы должны закрыть границы, проверять всех иностранцев, ввести ограничение на въезд в нашу страну, удвоить или утроить охрану всех наших лидеров, начать массовые проверки всех уже прибывших, что немедленно даст нашим оппонентам на Западе повод обвинить нас в нагнетании страстей и введе-

нии чрезвычайного положения. Накануне вступления нашей страны в ВТО подобные ограничения выглядят самоубийственным шагом.

— Я вас понимаю, — согласился Дронго, — но убежден: Хеккет пытается спасти прежде всего себя самого.

— Возможно. А возможно, и нет. На сегодня ситуация выглядит следующим образом. Неизвестные нам люди обратились к известному нам международному авантюристу и проходимцу Уорду Хеккету, который выбрал вас для передачи нам этого материала. Прошу меня извинить, но вы тоже не наш сотрудник, и даже не гражданин России. Почему мы должны вам верить больше, чем всем остальным? Извините, но я рассматриваю этот вариант в отрыве от вашей персоны. Так сказать, абсолютно беспристрастно.

Все снова посмотрели на Дронго. Владимир Владимирович молчал, но оставался абсолютно спокоен. Ему явно не нравилось поведение Дронго и неко-

торые его ответы. Но он почему-то не волновался, словно точно знал, что именно произойдет дальше. Дронго устало пожал плечами.

— Все правильно, — спокойно согласился он, — все так и должно быть. Хеккет действительно международный авантюрист и законченный подлец, не имеющий ничего святого. А я — подозрительный иностранец, к тому же кавказец, которому вообще нельзя доверять и еще нужно проверить его московскую прописку. Только учтите, если мы будем рассматривать этот вариант, то окажемся в дураках. Все вместе. Остальное можете согласовывать без меня. До свидания.

Он поднялся, чтобы уйти, однако Полухин его остановил.

— Подождите, — сказал он, — здесь не институт благородных девиц. Обижаться будете в другом месте. Или вы считаете, что мы обязаны верить любому подобному сообщению?

— Не обязаны, — согласился Дронго. И устало опустился на стул. — В

жизни всегда приходится выбирать: что надо делать, а чего делать не нужно или не обязательно. Мне казалось, что я был обязан к вам приехать. Обязан передать вам эти материалы, чтобы вы смогли оценить реальную опасность. Или убедиться в ее отсутствии.

— Не забывайте, что вы «вольный стрелок», а мы сотрудники государственных органов, — жестко заметил сидящий рядом с Полухиным невысокий мужчина лет сорока пяти. У него были редкие темные волосы, тонкие губы, карие глаза. Он явно неприязненно смотрел на Дронго, было ясно, что он его только раздражает.

— И на этом основании мне можно не доверять?

— Вам доверяют, — резко парировал мужчина, — именно поэтому вы находитесь здесь и мы с вами разговариваем.

В этот момент в комнату вошел еще один человек. Все присутствующие поднялись. Полухин уважительно кив-

нул вошедшему, но тот стремительно бросился к Дронго.

— Здравствуй, — стиснул он его в объятиях. — Когда мне сказали, что ты к нам приехал, я не поверил. Очень рад тебя видеть.

Ошеломленный Дронго только слабо кивал головой. Вошедший был примерно одного с ним роста и телосложения. Это был Виктор Машков, тот самый полковник Машков, с которым он работал в Париже летом девяносто восьмого, стараясь спасти американское посольство от взрыва бомбы, заложенной на балконе находившегося рядом отеля «Крийон». Тот самый полковник, вместе с которым три года спустя он искал убийцу, пытаясь вычислить его на стадионе во время футбольного матча. Тот самый человек, который вместе с ним не раз рисковал жизнью. А это значит — они доверяли друг другу по-настоящему.

— Извините, Полухин, что я опоздал, — пробормотал Машков, обращаясь к председательствующему. — Я спе-

циально предупредил, что обязательно приеду. Хочу вам представить моего друга, лучшего эксперта-аналитика, которого я когда-либо в жизни встречал. Это тот самый Дронго, о котором я вам говорил.

— Спасибо, генерал, — вежливо улыбнулся Полухин, — мы уже познакомились.

— Когда ты получил генерала? — осведомился Дронго. — Давно?

— Уже дважды, — улыбнулся Машков. — Четыре года назад стал генерал-майором, а в этом году — уже генерал-лейтенантом. Между прочим, я буду координировать действия группы, которая будет работать над твоим материалом. Вчера, как только мне сообщили, что ты снова появился в Москве, я решил, что стану с тобой работать.

— Прекрасно, — отозвался Дронго, снова опускаясь на свое место. Теперь он понял, почему был так спокоен Владимир Владимирович. Старик, видимо, знал, кто именно возглавит группу, по-

этому и не волновался. А все слова Полухина были обычной мерой предосторожности перед началом совместной трудной работы.

— Твой материал уже анализируется, — сообщил Машков, — хотя некоторые эксперты не исключают возможности провокации со стороны Хеккета.

— Мы об этом уже говорили, — вставил Полухин.

— Прекрасно. Кстати, познакомьтесь. Алексей Николаевич Полухин. Генерал Полухин представляет Службу внешней разведки. Он поможет нам в поисках аналитиков, к которым могут обратиться заказчики. Я познакомлю тебя с каждым из членов нашей группы. Мы получили специальное разрешение на твое включение в ее состав. А это генерал Богемский из Службы Безопасности. — Он показал на мужчину, сидящего рядом с Полухиным.

Здесь действительно собрались представители различных спецслужб. Дронго узнал, что сухая невысокая женщи-

на — сотрудница ФАПСИ Татьяна Чаговец, а ее молодая напарница Эльвира Нащекина — заместитель руководителя одного из управлений Службы внешней разведки. Представив всех остальных офицеров, собравшихся в комнате, Машков подвел итог:

— Теперь мы перейдем в другую комнату, где нас познакомят с кандидатами, уже отобранными нашей службой. Они работали всю ночь, пытаясь провести предварительный анализ. Пока число отобранных аналитиков довольно большое — более сорока человек. Я думаю, нам предстоит поработать, чтобы найти среди них того единственного, который согласился провести эту операцию.

РОССИЯ. МОСКВА
22 НОЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Каждое утро начиналось одинаково. На рабочем столе его ждала небольшая папка с самыми важными оперативны-

ми донесениями спецслужб страны, которые должен был знать президент. Предварительно они тщательно проверялись; многие при этом отсеивались, так что случайные новости в эту папку не попадали. Предыдущий президент иногда неделями не открывал эту тонкую папку. В отличие от него, действующий президент старался читать эти сообщения каждый день. Сказывалась дисциплина и привычка систематически знакомиться со всеми поступающими материалами.

Этим утром он тоже внимательно просмотрел все поступившие сообщения. И обнаружил, что два ведомства выдали ему одну и ту же информацию. ФСБ и СВР докладывали о конкретной угрозе — якобы против него готовится террористический акт, осуществить который должен специально приглашенный аналитик мирового класса. Указывалось, что источник, передавший эту новость, заслуживает доверия и внимания.

Президент несколько раз перечитал это сообщение, чуть нахмурившись. Если это угроза, то зачем они ему о ней сообщают? Эти сведения надо передать в Службу Безопасности президента, являющуюся автономной службой в государстве. А если это всего лишь предположение, то зачем его знать президенту? Он подчеркнул это сообщение, решив поговорить о нем с руководителем своей Службы Безопасности.

Все утро было расписано по минутам. Встреча с министром иностранных дел Франции, прием еще двух министров, разговор с губернатором Краснодарского края... Времени не было. Только после обеда он вспомнил о папке, которую ему принесли утром, и приказал вызвать руководителя Службы Безопасности.

Тот появился почти мгновенно. Они были знакомы много лет, и президент доверял ему — другу и коллеге, которого знал по прежней работе. Начальник Службы Безопасности Леонид Пахомов

ранее работал в органах КГБ, был кадровым офицером. Он стал начальником Службы Безопасности президента еще пять лет назад.

— Что за сообщение? — спросил президент. — Ты его читал?

— Да, — кивнул Пахомов. Он вообще был немногословным человеком.

— Зачем они мне об этом сообщают?

— Мы проверяем это сообщение. Но пока мы считаем его очень серьезным. По нашему предложению составлена межведомственная группа из сотрудников спецслужб, куда включены ведущие сотрудники ФСБ, ФАПСИ, СВР и нашей службы. Возглавляет группу генерал Машков. От нас туда включены Богемский и Краснов.

— Я Машкова помню, — кивнул президент, — очень толковый человек. Он ведь недавно стал генерал-лейтенантом?

— Так точно, — ответил Пахомов. — Кроме того, он лично знает этого экс-

перта, с которым встречался Хеккет. Мы проверяем сейчас всю поступившую информацию.

— Проверяйте, — равнодушно согласился президент. Он никогда не думал о таких опасностях. Это было заботой его службы охраны. Президент не был трусливым человеком. Хороший спортсмен, чемпион Санкт-Петербурга по самбо и дзюдо, подполковник разведки, президент менее всего боялся за свою персону. Но как умный человек понимал, какой удар может быть нанесен по властной вертикали в случае убийства лидера государства. Поэтому пунктуально выполнял все предписания своей службы охраны.

Правда, в отличие от прежнего президента, он был молод и энергичен. Поэтому то плавал на подводной лодке, то оказывался в кабине истребителя или летал на военном вертолете, побывал на учениях военно-морского флота и даже проехался на КамАЗе, управляемом опытным гонщиком. Во всех экстре-

мальных ситуациях он чувствовал себя вполне комфортно.

Президент отпустил руководителя Службы Безопасности и подумал, что еще несколько лет назад никто даже не мог предположить, что все так изменится. Тогда, в девяносто шестом году, он был первым заместителем мэра Санкт-Петербурга. Но на выборах они проиграли. Ни для кого не было большим секретом, что предыдущий президент не очень любил мэра Санкт-Петербурга. Президент был партийным выдвиженцем, а мэр — демократом новой волны, ни одного дня не проработавший на партийной или советской работе.

Предыдущий президент был уже в возрасте, измученный болезнями, его рейтинг равнялся всего лишь трем процентам перед началом выборов. Мэр северной столицы был сравнительно молодым человеком для политика и блестящим оратором в отличие от косноязычного главы государства. И умел нравиться женщинам. В общем,

он был полным антиподом президента. И его рейтинг всегда был неизмеримо выше рейтинга любого политика. Но как часто бывает в жизни, все получилось с точностью до наоборот. В девяносто шестом президент сумел выиграть выборы, несмотря на то что во время второго тура лежал в больнице и был фактически недееспособным человеком. Мэр при всей его популярности проиграл выборы и вынужден был уйти.

Пришлось уйти и почти всей его команде. Именно тогда нынешний президент впервые в жизни остался без работы. Он не представлял себе, что ему делать дальше. Пришедший к власти в результате выборов девяносто шестого года бывший вице-мэр города мог предложить ему какую-нибудь работу. Но он сам не хотел и не мог оставаться в мэрии после ухода человека, который был его педагогом и руководителем. Именно тогда он и произнес те известные слова, которые затем растиражировали средства массовой информации: «Луч-

ше быть расстрелянным за верность, чем повешенным за предательство».

Предстояло определиться, как жить дальше. У него были неплохие связи с бизнесменами, банкирами, коммерсантами из зарубежных стран, и он полагал, что начнет заниматься бизнесом на частной основе. Для человека, всю жизнь проработавшего на государственной службе, это было нелегкое решение. К тому же было ясно, что оставаться в северной столице ему будет сложно. Именно поэтому он решил тогда приехать в Москву. Ему позвонил один из тех близких к предыдущему президенту людей, которые и определяли тогда политику государства. Позвонил и пригласил в столицу. Будущий президент, оставшийся в тот момент без работы, согласился приехать. Здесь он терпеливо ждал, пока о нем вспомнят. Но никто больше не позвонил. И он решил вернуться в Санкт-Петербург, понимая, что все ожидания ни к чему не приведут. В аэро-

порт его провожал питерский друг, ставший крупным московским чиновником — Леша Мудрин. Именно он уговорил его позвонить в последний раз прямо из аэропорта управляющему делами президента. После этого телефонного звонка все изменилось. Управляющий предложил будущему президенту место своего заместителя. Будущий президент согласился и остался в Москве. Через три года он был уже председателем правительства. А затем стал президентом самой большой страны в мире.

Тот свой телефонный звонок он запомнил навсегда. Когда это было? Всего лишь восемь лет назад. А кажется, так давно. Или один день, проведенный в президентском кресле, нужно считать за три? А может, за все пять? Мера ответственности, свалившаяся на него, оказалась самой тяжкой ношей в его жизни. Когда бывший президент впервые предложил ему стать его преемником, он отказался.

Причем отказался совершенно искренне, полагая, что «шапка Мономаха» не для него.

Но через несколько дней согласился. Будучи человеком дисциплинированным и ответственным, он представлял себе невероятный объем работы и сложность руководства такой огромной страной. Но, оказалось, не мог представить все. В стране тысячелетиями складывались традиции. От первого лица зависело многое, если не все. К этому трудно было привыкнуть и почти невозможно этому соответствовать. Но он с самого начала понял, что обязан держать планку. И старался изо всех сил, хотя не всегда и не все получалось.

Вечером перед сном президент еще раз вспомнил о той папке и о разговоре с руководителем Службы Безопасности. Интересно, кого они найдут, подумал он без страха. Ему было действительно интересно. С этой мыслью президент и заснул.

РОССИЯ. МОСКВА

27 НОЯБРЯ, СУББОТА

Деньги привезли в небольшом чемоданчике — миллион евро, в различных купюрах. Чемоданчик лежал в спальне, и казалось, что Гельмут Гейтлер забыл об этих деньгах. Он еще несколько раз исчезал из поля зрения своих наблюдателей. Дзевоньский не снял наблюдения, пояснив, что эти люди нужны для охраны и помощи. Сальков по-прежнему ни о чем не догадывался, катая архитектора из Праги по городу. А Гейтлер все также неожиданно куда-то пропадал и отсутствовал по несколько часов, словно просто выпадал из этого пространства, а затем также неожиданно появлялся. Дзевоньский устал от его бесконечных поездок, но старался никак не комментировать действия своего подопечного. Так прошло еще несколько дней.

В этот вечер Гейтлер вернулся позже обычного, в половине двенадцатого ве-

чера. Поднялся к себе в комнату и довольно долго переодевался. Дзевоньский в гостиной терпеливо ждал, когда наконец Гейтлер спустится вниз. Генерал вышел в половине первого ночи, словно хотел окончательно его добить. Дзевоньский сидел перед камином, потягивая легкое чилийское вино. Когда Гейтлер наконец спустился, он, не оборачиваясь, спросил:

— Ужинать будете? Наша кухарка уже уехала, но оставила вам еду. Кажется, все наши сотрудники уже прониклись уважением к такому трудоголику, как вы. — Дзевоньский намеренно говорил по-немецки, словно для того, чтобы показать, как он недоволен поведением своего подопечного.

— У меня были дела, — устало пояснил Гейтлер. Он был в шерстяном джемпере и серых брюках. — Я понимаю, что со стороны это выглядит как издевательство. Но мне кажется, что мы договорились. В общем, я пытаюсь разобраться в нашей ситуации. Для этого

мне нужно получить как можно больше информации. Самому понаблюдать за передвижениями нашего «субъекта».

— Вы с ума сошли? — спросил Дзевоньский, поворачиваясь к собеседнику. — Каким образом вы это делаете? Или вы собираетесь следить за его передвижениями? Вас мгновенно вычислят. Любой человек, оказавшийся больше одного раза на пути маршрута президентского кортежа, сразу привлечет к себе внимание.

— Могли бы мне этого не говорить. Я случайно дважды оказывался в такси, когда их кортеж въезжал к Кремль. Я в это время говорил по телефону.

— Какому телефону?

— Я купил несколько мобильных телефонов. Не беспокойтесь, никаких особых разговоров я не веду. И вообще, я представляю, что нужно делать и как. Что нам оставили на ужин?

— Кажется, она готовила курицу, картофель, какие-то салаты. И какие-то котлеты. Она неплохая кухарка, но у

нее слишком специфическое понимание еды. Готовит в основном местные блюда.

— Я пойду на кухню, — решил Гейтлер.

Кухня была оборудована новой итальянской мебелью со встроенной техникой. Этот дачный поселок появился всего лишь несколько лет назад. И дом сдали всего лишь месяц назад, подписав договор аренды с фирмой, занимающейся ландшафтным дизайном. Предоплата была произведена за год вперед.

Гейтлер сидел за столом и сосредоточенно жевал холодные котлеты, когда на кухню вошел Дзевоньский.

— Хорошая еда, — одобрил Гейтлер. — Не понимаю, почему она вам не нравится. Я думал, у всех славян одинаковый вкус. Вам должно нравиться.

— Вы еще и расист? — беззлобно заметил Дзевоньский, усаживаясь напротив. — Не любите славян?

— Только в этом меня еще не обвиняли, — сообщил Гейтлер. — Я, между

прочим, вступил в партию в девятнадцать лет. И не выходил из нее до самого последнего момента, пока мне не пришлось бежать из страны. А насчет расизма — это правда. Я вас не люблю, герр Дзевоньский, но не как представителя славянской нации, а как конкретного типа, который нанял меня на работу, угрожает семье моей дочери и следит за каждым моим шагом.

— Обмен любезностями закончен, — отмахнулся Дзевоньский. — Я все равно заказываю себе еду из города. У меня к вам есть один конкретный вопрос. Зачем вам нужны были деньги, если вы их не трогаете? Чемоданчик с деньгами стоит в вашей спальной комнате.

— А вы что, каждое утро их пересчитываете? — огрызнулся Гейтлер. Затем подошел к холодильнику и открыл дверцу. — Кажется, у нас закончилось пиво, — объявил он и выразительно посмотрел на Дзевоньского.

— А сосиски с капустой не хотите? — разозлился Дзевоньский. — Я сейчас

позвоню, и нам принесут ящик пива. У наших охранников холодильник гораздо больше этого. Там две морозильные камеры. — Он достал телефон и набрал номер. Попросил одного из охранников войти в дом и принести пива. Затем убрал телефон и сообщил: — Сейчас принесут. Но вы не ответили мне насчет денег. Или вы нарочно спросили о пиве, чтобы уйти от ответа?

— Ваша подозрительность делает вас похожим на параноика, — пробормотал Гейтлер. — Я не трогал деньги потому, что мне они пока не нужны. Я просил эти деньги не для себя. Они необходимы мне для конкретной операции. И давайте на этом закончим. Больше не спрашивайте меня об этих деньгах. Когда будет нужно, они исчезнут из дома.

— Предположим. Но вы здесь уже целую неделю. И пока я не слышал от вас конкретных предложений. Кроме массы газет и журналов, которые вы ежедневно привозите, никаких других

изменений я пока не заметил. Или я ошибаюсь?

— Неделя слишком короткий срок, герр Дзевоньский. Если хотите, давайте перейдем на польский, чтобы я мог называть вас паном. У меня пока нет никаких идей. Все слишком неопределенно.

— Семь дней, — напомнил Дзевоньский, — сто шестьдесят восемь часов. И вы ничего не можете нам предложить?

— Не могу. И не делайте удивленного лица, Дзевоньский. Такие операции готовятся по несколько месяцев.

Раздался звонок. Это охранник принес пиво и стоял перед входной дверью. Охранникам было запрещено входить в дом. Дзевоньский поднялся, вышел из кухни. Через минуту он принес упакованную связку пива и поставил ее на стол. Гейтлер удовлетворенно кивнул, достал одну банку. Потом открыл ее, наполнил кружку.

— Спасибо за пиво, — спокойно произнес он и продолжил ужинать.

— Не за что. Я жду ваших пояснений.

Гейтлер не спеша разжевал последний кусок, выпил пива, отодвинул тарелку, кружку.

— На кухне можно разговаривать или нам лучше вернуться в зал с камином? — спросил он по-русски.

— Лучше у камина, — согласился Дзевоньский.

Гейтлер аккуратно сложил всю грязную посуду в посудомоечную машину, включил ее. Затем, забрав банку пива, пошел в гостиную. Дзевоньский усмехнулся, покачав головой. Немецкая педантичность его всегда восхищала.

Когда они уселись у камина, Гейтлер поставил банку на столик.

— Будем говорить по-немецки, — решил он, — хотя если нас прослушивают, они все равно найдут хорошего переводчика.

Дзевоньский не отреагировал на шутку.

— Мы уже договорились, что для нас самое важное — решить где и когда

нужно нанести конкретный удар. Проникнуть сквозь защиту его Службы Безопасности и попытаться нанести удар в самое неудобное для них время. А для этого мы должны хотя бы представлять, где такой удар можно нанести.

— Об этом мы уже говорили, — поморщился Дзевоньский. — Не нужно объяснять мне такие азбучные истины. Я хочу знать, к какому выводу вы пришли?

— Существуют пять факторов, определяющих мою работу, — начал Гейтлер. — Первый — это определение момента, что, на мой взгляд, абсолютно нереально сделать. Насколько я сумел понять, согласно их дипломатическим стандартам, глава государства не встречает гостей в аэропорту и не провожает их. Все встречи происходят в Кремле, проникнуть куда совершенно невозможно. Если только не попытаться сбросить туда десант из нескольких террористов, что тоже невозможно. Самолет не сможет пролететь над территори-

ей Кремля, он туда просто не долетит, а всех парашютистов перестреляют еще в воздухе.

Второй фактор — его охрана. Насколько я могу судить, там не просто профессионалы. Это специальная служба, прошедшая особую подготовку, имеющая своих аналитиков и отличное техническое обеспечение. Они вооружены спецтехникой и другими чудесами нового века, о которых мы с вами даже не знаем.

Дзевоньский слушал молча. Он не совсем понимал, когда его собеседник шутит, а когда говорит серьезно. Но внимательно слушал.

— Третий фактор, — невозмутимо продолжил Гейтлер, — это невозможность определить время выезда «субъекта». Я внимательно прочел все газеты за последние несколько месяцев. Специально проверял по Интернету. Иногда глава государства появлялся в театре или на каком-то мероприятии, но никто не знает заранее, где именно он мо-

жет оказаться. Почти никто, за исключением его начальника службы охраны и, возможно, руководителя его администрации.

— Вы считаете, что мы должны завербовать одного из них, чтобы получить нужную нам информацию? — со злостью поинтересовался Дзевоньский. — Или вы по-прежнему шутите?

— Четвертый фактор — это невозможность проведения операции в другом месте. Для этого необходимо иметь точные маршруты передвижения нужного нам лица, заблаговременно выехать в город, куда он собирается отправиться, провести проверку на месте.

И наконец, пятый фактор — невозможность самого террористического акта. К его самолету, поезду, машинам подобраться нельзя, устроить засаду где-то по дороге — нереально, напасть в толпе — абсолютно немыслимо, а проникнуть на охраняемую территорию Кремля — вообще невероятная затея.

Гейтлер открыл банку пива и с удовольствием его выпил, затем положил пустую банку на пол, рядом с собой и, взглянув на Дзевоньского, насмешливо улыбнулся.

— Из всего вышесказанного становится ясно, что вся наша затея обречена на провал еще в стадии своего зарождения. Никаких шансов у нас нет. Ни одного. Сегодня он самый охраняемый человек в мире. Правда, может, есть еще один такой человек — президент Соединенных Штатов. Или два, если считать и премьера Великобритании. — Гейтлер опять улыбнулся и протянул руки к огню.

— Вы издеваетесь? — холодно спросил Дзевоньский. — Зачем вы все это мне рассказывали?

— Чтобы вы наконец начали понимать. Нельзя сидеть здесь и ждать результата. Это глупо. Вы все еще проверяете деньги в моем чемодане, считая меня мелким вором, а не генералом разведки, известным во всем мире. И по-

прежнему думаете, что, если вы заплатите мне несколько миллионов долларов, евро или даже фунтов стерлингов, я смогу придумать и осуществить для вас какой-нибудь невероятный фантастический вариант нападения, который увенчается успехом? Это глупо.

Он поднял банку, потряс ее и, убедившись, что она пустая, снова положил на пол рядом с собой. Дзевоньский сжал зубы.

— Это у вас глупый юмор, — гневно заявил он по-русски. — Скажите, чего вы хотите?

— Ничего. Просто пытаюсь втолковать, что вам нужно перестать оскорблять меня вашим недоверием. Попытайтесь наконец понять, насколько сложная задача стоит передо мной.

Дзевоньский тяжело вздохнул. Затем согласно кивнул:

— Понимаю. Что еще?

— Ничего. Я вам скажу, что семь дней — это не так много. Хотя я пытаюсь продумать один возможный вари-

ант. Мне пришлось вспомнить и проанализировать все «домашние» заготовки, которые когда-либо готовили наши аналитические службы.

— Уже лучше, — пробормотал Дзевоньский, снова переходя на немецкий.

— В семидесятые годы была совместно разработана операция против генералиссимуса Франко, — сообщил Гейтлер. — Я был тогда еще молодым офицером. Наша служба действовала совместно с управлением «Т» Первого Главного Управления КГБ СССР. Было решено задействовать все наши возможности, выйти на террористические организации басков и организовать покушение на «каудильо». Он был уже стариком, глубоким стариком, но очень цепко держался за власть. А в Португалии произошла революция и было просчитано, что смерть Франко приведет к революционным изменениям в самой Испании. Тогда был разработан очень оригинальный план, предусматривающий устранение Франко. Резидентом

КГБ в Париже в то время был Иван Петрович Кисляк. Мы уже готовили группу для переброски ее через Францию, когда выяснилось, что «каудильо» тяжело болен. Операцию приостановили. Через полгода он умер.

— Я об этом не слышал, — отреагировал Дзевоньский, — но не совсем понимаю, как этот вариант может быть использован в нашем случае?

— Операция разрабатывалась с учетом особенностей характера Франко, — пояснил Гейтлер. — Как жаль, что я взял только одну банку. Придется пойти за следующей. Дело в том, что мы предложили вариант, при котором сами определяли, когда и как увидеться с «каудильо». Хотя тогда не было таких технических возможностей, какие есть сейчас...

— Что вы хотите сказать?

Гейтлер начал говорить. И по мере того как он говорил, на лице Дзевоньского начала отражаться целая гамма чувств — напряжение, сомнение, удив-

ление, изумление. Когда Гейтлер закончил, Дзевоньский глубоко вздохнул. Хорошо, что они нашли именно такого специалиста. Хоть и долго пришлось искать, а все-таки сумели найти.

— Гениально, — пробормотал он. — Я не сомневаюсь, что ваш план может быть осуществлен. Но вы говорили, что всегда готовите резервный вариант. Про него вы пока не сказали ни слова.

— И не скажу, — усмехнулся Гейтлер. — Вы вспомнили не все. Я сказал, что если провалится основной вариант, то будет задействован резервный. Про который не будет знать никто, кроме меня. Даже вы, Дзевоньский. Вы узнаете о нем только тогда, когда он будет осуществлен. Или провалится.

— Ясно. И как вы смогли такое придумать? Или вы и раньше разрабатывали нечто подобное?

— Это я вам расскажу в другой раз, — пробормотал Гейтлер.

— Тогда скажите, с чего мы начнем?

— С журналистов, — ответил Гейтлер. — Думаю, мы должны начать именно с них. Как хорошо, что на кухне еще осталось пиво!

ЛОНДОН. ГОСПИТАЛЬ СВЯТОГО ГЕОРГА

29 НОЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

На часах было около четырех утра, когда к госпиталю подъехала машина. В серебристом «Мерседесе» находилось трое мужчин. Сидящий за рулем кивнул, и двое других вышли из автомобиля, направились к госпиталю. В приемной всегда бывает много людей, но в это время «собачьей вахты», как ее называют моряки, там не было никого, кроме двух дежурных врачей и сидящего в углу старика, ожидавшего решения какого-то своего вопроса.

Двое мужчин прошли в регистратуру к дежурной, полной женщине, очевидно приехавшей из Пакистана, которая

работала на компьютере. Один из вошедших мужчин вежливо обратился к ней:

— Простите, что отрываю вас от работы. Нам нужно узнать, не поступила ли к вам за прошедшие сутки миссис Кендалл?

— Нет, — ответила дежурная, — кажется, с такой фамилией никто не поступал. — Она начала проверять на компьютере, и в этот момент зазвонил телефон.

— Возьми трубку, Кэтрин, — попросила дежурная, обращаясь к своей напарнице, — девушке лет двадцати пяти. У нее были рыжие волосы, выдвинутый вперед, типичный английский подбородок. И большие очки, спадающие с носа.

Девушка поправила очки и подняла трубку. Откуда ей было знать, что это звонит третий мужчина из стоящего на улице «Мерседеса».

Первый мужчина еще потоптался перед дежурной, загораживая ей об-

зор, а в это время второй незаметно юркнул в коридор. Старик, сидящий на стуле, встрепенулся, но первый мужчина покачал указательным пальцем правой руки, и старик снова закрыл глаза.

Мужчина, проникший в коридор, уже через минуту стал подниматься по лестнице, стараясь ступать как можно тише. Навстречу ему попался санитар в голубом халате. Санитар удивленно посмотрел на незнакомца в штатской одежде, неизвестно откуда взявшегося здесь в пятом часу утра, но ничего не спросил. Это было не его дело. Мужчина поднялся на четвертый этаж, достал пистолет, глушитель. Быстро навинтил глушитель и двинулся дальше.

У палаты, к которой он шел, сидели двое охранников. Один клевал носом, другой постоянно теребил его, чтобы тот не уснул. Наконец не выдержав, послал своего сонного напарника за кофе. Но тот лениво отмахнулся, за-

явив, что не хочет пить кофе. Тогда первый охранник встал и, строго предупредив напарника, чтобы тот не смел спать, двинулся к лифту. На нем он спустился вниз, чтобы взять в автомате два кофе — себе и товарищу. Естественно, охранник не мог предположить, что этим спас свою жизнь. Когда кабина лифта двинулась вниз, мужчина с пистолетом появился в коридоре четвертого этажа. Спрятав руку с оружием за спину, он стремительно приблизился к полусонному охраннику. Тот услышал быстрые шаги и глянул в сторону приближающегося человека. Что-то ему не понравилось. Может, слишком быстрые его шаги. Или закинутая назад рука.

Охранник вскочил со стула, крикнул, чтобы мужчина остановился. Даже успел вытащить оружие. Но тот оказался проворнее. Подняв руку, он трижды выстрелил в охранника, который рухнул на пол как подкошенный. Мужчина подошел к нему, еще раз выстрелил ему

в спину. Затем мягко открыл дверь. В палате находился только один больной. Весь перевязанный бинтами. Когда открылась дверь, он открыл глаза и увидел убийцу.

— Нет! — успел крикнуть больной. — Не нужно!

И тут же три пули вошли в его тело. Мужчина подошел к постели и сделал контрольный выстрел в голову больного. При этом он держался в стороне, чтобы не испачкаться его кровью. Затем повернулся и быстро вышел из комнаты. Кабина лифта поднималась наверх, когда он начал спускаться по лестнице.

— Эй! — крикнул кто-то ему вслед. — У вас на брюках кровь.

Но мужчина только отмахнулся, не оборачиваясь. Его вместе с напарником ждал серебристый «Мерседес» на улице.

На следующий день несколько газет сообщили об убийстве Уорда Хеккета в госпитале святого Георга.

РОССИЯ. МОСКВА

30 НОЯБРЯ, ВТОРНИК

Не привыкший к такому ритму жизни, когда нужно просыпаться в восемь утра, чтобы к десяти успеть на первое утреннее заседание группы, Дронго уже через несколько дней заметно осунулся. Иногда они работали до одиннадцати—двенадцати часов ночи. Каждую кандидатуру аналитика, способного по заказу разработать чудовищный террористический акт, рассматривали в отдельности. Кроме них в этих расследованиях участвовали сотни людей по всему миру. Но информация стекалась к ним, для анализа.

К этому дню стало ясно, что реальных претендентов, кроме Хеккета, может быть еще тридцать восемь человек. На каждого было заведено досье. В рассмотрении и изучении «кандидатов» участвовали сотрудники дипломатических представительств, местных отделений ФСБ, использовались даже возможнос-

ти Службы внешней разведки России. Один из предполагаемых злодеев-аналитиков проживал в Америке, и было решено задействовать возможности американской стороны. Одним словом, проверяли каждого, кто мог оказаться тем самым аналитиком, которого могли купить вместо Уорда Хеккета.

В это утро Дронго приехал в мрачном настроении. Ему казалось, что их поиски затянулись и они тратят неоправданно много времени. До сих пор им не удавалось вычислить конкретного человека, который мог бы заняться столь сложной операцией. С другой стороны, не было никаких гарантий, что противная сторона, уже допустившая одну ошибку с Хеккетом, продолжила искать другого аналитика, а не решила обойтись собственными силами. Никто не мог сказать точно, увенчаются ли их поиски успехом или это напрасный труд.

Для получения оперативной информации и ее переработки им выделили трех офицеров из ФСБ и Службы Безо-

пасности. Проверялись все известные специалисты по террористическим группам, все бывшие аналитики из спецслужб, все возможные кандидаты на решение столь важной задачи. По предложению генерала Богемского началась проверка в самой Службе Безопасности. Проверялись все бывшие сотрудники, которые невольно или добровольно могли стать осведомителями террористов. Число задействованных людей постоянно росло.

Дронго поздоровался со всеми, снял пиджак и подсел к офицеру, уже работающему на компьютере. Рядом устроилась Татьяна Чаговец, которая постоянно диктовала оператору новую информацию. У нее было строгое выражение лица, говорила она ровным, спокойным голосом, словно занималась не поисками террориста, а преподавала ботанику в школе. Дронго невольно подивился ее выдержке.

В этот момент они проверяли данные по американскому эксперту Роберту

Берарди, который раньше работал в ЦРУ и вышел на пенсию в девяносто пятом.

— У него такой послужной список! — с восхищением произнес оператор. — Посмотрите, где он только не работал. А сейчас ему уже шестьдесят восемь...

— В Америке много разведслужб, — недовольно заметил Дронго. — Вместо того чтобы организовать такую суперструктуру, как КГБ, они предпочли разделить свои разведслужбы на несколько частей. Считается, что в демократических государствах должно быть несколько спецслужб, чтобы они могли конкурировать друг с другом и контролировать друг друга.

— Вы даже не можете себе представить, сколько разведывательных ведомств в США, — охотно поддержала Дронго сидящая рядом с соседним оператором Нащекина.

— Неужели больше десяти? — рассмеялся молодой оператор.

— Пятнадцать, — ответила Нащекина. — Мы как раз недавно рассматривали их структуры.

— Сколько? — переспросил оператор. Он был офицером ФСБ, но не мог даже предположить такое количество разведслужб в США.

— Введите наш пароль и распечатайте список, — обратилась Нащекина к своему оператору, которому было уже за тридцать.

Тот согласно кивнул, ввел нужные данные и распечатал список.

— Возьмите, — предложила Нащекина Дронго. — Если в каждой из этих служб есть хоть один такой ветеран, как Берарди, нам придется проверять их целый год.

Дронго взял список. Он был достаточно подготовленным человеком, неплохо знал структуру и организацию многих спецслужб. Но пятнадцать организаций потрясли и его. Он просмотрел список. Центральное разведывательное управление. С этим ясно. Разведка Ми-

нистерства внутренней безопасности США. Она была создана только в прошлом году. Разведка ВВС. Слишком специфична. Они проводят разведку с помощью современных самолетов-разведчиков. Среди них не может быть аналитика по организации убийства политического лидера. Или специалиста такого класса. Разведка Министерства финансов. Это специалисты из охраны президента. В Америке служба безопасности президента традиционно подчиняется Министерству финансов. Так. Среди них может оказаться эксперт, который знает, как охранять президента и как к нему подобраться.

Военно-морская разведка. Тоже подходит. Агентство по национальной безопасности. Нет. Эти занимаются разведкой из космоса. Федеральное бюро расследований. У них своя спецслужба. Тоже годится. Армейская разведка, разведки госдепартамента, береговой охраны, Министерства энергетики, морской пехоты. Национальная геокосми-

ческая разведка. Разведывательное управление Министерства обороны...

Дронго передал список оператору, чтобы тот ввел данные в свой компьютер. Сидевшая рядом Чаговец нахмурилась, увидев этот длинный перечень.

— Так мы никогда не вычислим нужного нам человека, — заявила она, — просто не сумеем его найти.

Все посмотрели в ее сторону.

— Это невозможно, — громко пояснила она, — таких специалистов десятки и сотни.

— Что вы предлагаете? — спросил Полухин. В отсутствие Машкова он заменял руководителя группы.

— Сообщить всем, что мы ищем возможного пособника террористов и просим оказать нам срочную помощь, — предложила Чаговец. — Мы теряем время. В любой момент террористы могут решить, что пришла пора, и начнут действовать. А если аналитика привезли из Ирака, где сейчас таких «специалистов» сотни и тысячи? А если он из Пакиста-

на или Афганистана? Если мы вообще о нем никогда не слышали? Кто придумал Беслан? Чья это чудовищная фантазия? И вы хотите, чтобы мы вычислили такого человека? Они готовы на любой террористический акт, а мы сидим и проверяем бывших офицеров спецслужб, среди которых много героев и порядочных людей.

— Я согласен с Татьяной Георгиевной, — вмешался генерал Богемский. — Эти бесполезные поиски могут нас далеко завести. Нужно усилить оперативную работу, попытаться вычислить их по факту.

— Извините, — вмешался Дронго, — я боюсь, что мы действительно отвлекаемся. Если эти люди, которые пытались выйти на Хеккета, решили, что им нужен такой специалист, это значит, что они не хотят устраивать обычный террористический акт, понимая всю бессмысленность подобного кровавого кошмара. У них нет никаких гарантий, что они смогут хоть каким-то образом

оказаться рядом с нужным им человеком. И поэтому они так усиленно ищут настоящего специалиста. В пользу этой версии говорит и то обстоятельство, что они пытались устранить Хеккета, устроив взрыв в его офисе. Значит, продолжают искать нужного человека, а Хеккета хотели заставить замолчать. Взрыв в его офисе — самое убедительное доказательство их поисков.

Полухин согласно кивнул и обвел взглядом присутствующих.

— Я согласен с нашим экспертом, — сказал он. — Не нам решать, что мы должны делать. У нас есть конкретное указание руководства. Наша группа сформирована для поиска возможного злодея-аналитика. И мы должны сделать все, чтобы его найти.

В комнату стремительно вошел Машков с каким-то листком в руках. Закрыв дверь, он обвел взглядом всех присутствующих.

— Товарищи офицеры, — привычно произнес старший по званию Полухин.

Он был генералом разведки и не привык к армейским правилам. К тому же все присутствующие были в штатском.

Машков махнул рукой, чтобы никто не вставал.

— У нас срочное сообщение, — негромко сообщил он. — Вчера ночью было совершено покушение на Уорда Хеккета, находившегося в госпитале святого Георга. Был убит один из его охранников и сам фальшивый Хеккет. Сегодня все английские газеты написали об этом убийстве. Второй охранник уже задержан, но он ничего не видел.

Полухин тяжело поднялся. Подошел к Машкову.

— Это значит, что у них уже появился другой кандидат, — предположил Полухин, — и они хотят заставить Хеккета замолчать, чтобы скрыть свою ошибку от нас.

— Да, — согласился Машков. — Поэтому мы должны работать круглые сутки. Если понадобится. Нам дадут еще трех операторов из Службы Безопасно-

сти. И еще двух сотрудников из ФСБ. Министерству иностранных дел предложено помогать нам по дипломатическим каналам, подключив к этому расследованию все наши посольства за рубежом. Пограничная служба усилила контроль на границе. Как ты думаешь, Дронго, где теперь Хеккет?

— Не знаю, — пожал тот плечами. — Может, где-нибудь в Тасмании или Исландии. Но он наверняка знает о своем «убийстве». И ждет вестей из Москвы. Пока мы не сообщим о наших результатах, он не станет «оживать». Это не в его интересах.

— Вы говорили, что они так настойчивы именно из-за второго кандидата, — напомнила Чаговец, — вы в него так верите?

— Я верю в факты, — ответил Дронго, — раз они идут до конца, то это не просто упрямое желание наказать отступника. Серьезные люди такими вещами не занимаются. Это почерк профессионалов. Они не знают, что Хек-

кет уже застраховался от нападения на него. Но убийством несчастного двойника Хеккета они лишь усилили наше подозрение и подтвердили наши опасения. Теперь мы будем искать, точно зная, что второй кандидат существует. И вполне вероятно, что он уже в Москве.

РОССИЯ. МОСКВА
1 ДЕКАБРЯ, СРЕДА

В это утро снег начал засыпать московские улицы часов с восьми, а примерно в девять Гейтлер решил выехать с дачи. Он попросил Салькова поменять легковую машину на внедорожник, чтобы беспрепятственно доехать до города. Увидев, какой идет снег, Дзевоньский предложил ему вообще не выезжать из дома. Гейтлер молча пожал плечами и пошел одеваться. Когда он спустился вниз, Дзевоньский уже стоял у входных дверей.

— Сегодня плохая погода, герр Шайнер, — сказал он по-немецки, — неужели вам так необходимо ехать в город? Можете застрять в сугробах или попасть в автомобильную пробку.

— Надеюсь, вы искренне за меня беспокоитесь, — пошутил Гейтлер.

— Как хотите, — обиженно ответил Дзевоньский, — это ваше право.

— Спасибо, пан Юндзил, — вежливо поблагодарил его Гейтлер, — вы очень любезны.

Дзевоньский оказался прав. Они попали в автомобильную пробку, протянувшуюся на несколько километров. И Сальков с удивлением заметил, как нервничает его клиент, все время поглядывая на часы. За все дни, проведенные вместе, этот пунктуальный чех никуда и никогда не опаздывал. Правда, иногда куда-то исчезал на три, четыре и даже шесть часов, но неизменно был вежлив, заранее предупреждал о задержке и даже звонил, отпуская Салькова на обед. Но сегодня он

странно нервничал, все время посматривая на часы. Когда их «Ниссан» въехал на Тверскую, мистер Шайнер попросил свернуть к «Шератону». Сальков послушно повернул машину. Шайнер предупредил, что в отеле у него важная встреча и он выйдет через три часа. Сальков согласно кивнул, он давно привык к многочасовым ожиданиям, заранее запасаясь какой-нибудь занимательной книгой.

Гейтлер вошел в отель через главный вход, пересек холл и вышел с другой стороны, непосредственно на Тверскую, где довольно быстро поймал проходившую мимо машину и попросил отвезти его к Петровскому пассажу. У пассажа он расплатился и вышел, оглядываясь по сторонам. Затем вошел в пассаж и быстро вышел с другой его стороны. После чего, перейдя улицу, довольно долго наблюдал за проходящими мимо машинами и прохожими, всматриваясь, нет ли за ним слежки. Наблюдателей Дзевонь-

ского он не боялся. Гейтлер знал их всех в лицо. К тому же они не успевали следовать за ним, и несколько дней назад сам Дзевоньский разрешил им не сопровождать Гейтлера в его поездках по Москве. Во-первых, это могло привлечь внимание посторонних наблюдателей, а во-вторых, было абсолютно бесполезным занятием, так как Гейтлер с его опытом работы легко отрывался от любых наблюдателей, а высылать за ним группы поддержки в количестве десяти или двенадцати человек для организации перекрестного наблюдения Дзевоньский не имел возможности. У него просто не было столько людей.

Гейтлер подождал минут двадцать, затем снова появился на улице и быстро перешел ее, двигаясь по направлению к Большому театру. Обойдя здание, он на мгновение остановился, подняв голову. Генерал помнил этот театр. Но за столько лет здесь ничего не изменилось. Сменилась эпоха, а Большой театр сто-

ял на прежнем месте как символ стабильности в этом стремительно меняющемся мире. Зато здание поблизости, казалось бы еще более монументальное и уже успевшее стать историческим, снесли. Как-то непривычно было видеть на месте гостиницы «Москва» какие-то рекламные щиты неизвестных компаний, которые очерчивали пустое пространство. Гейтлер нахмурился. В отеле «Москва» он несколько раз жил, когда приезжал в Москву. Там было уютно и комфортно. «И зачем снесли такое красивое и прочное здание», — недоуменно подумал он. Кажется, его построили во времена Сталина, а тогда умели строить настоящие здания, не жалея ни мрамора, ни цемента, ни кирпича.

Пройдя мимо Большого театра, он увидел вход в метро и, оглянувшись по сторонам, снова перешел улицу. В вестибюле было довольно много народа. Он взглянул на часы. До назначенного времени оставалось около трех минут.

Гейтлер поднял голову и увидел... нужного человека. Она стояла чуть в стороне, настороженно разглядывая проходящих мимо людей. Их взгляды встретились. Генерал видел, как она обрадовалась, вспыхнула. Он предостерегающе поднял бровь. Она все поняла. Гейтлер повернулся и пошел к эскалатору. Она последовала за ним. На эскалаторе они спускались вместе, разделенные четырьмя или пятью пассажирами. Затем вместе ждали поезда и вместе вошли в один вагон.

Там они оказались ближе друг к другу. Постепенно толпа сближала их, подталкивая к выходу. На одной из станций Гейтлер быстро вышел из вагона. Она последовала за ним. В следующий состав они не вошли, пропустив поезд. Гейтлер стоял на станции минуты две. Она терпеливо ждала. Наконец он решился войти в один из очередных проходивших составов. Она вошла следом. Двери захлопнулись. Они посмотрели друг на друга.

— Я рад тебя видеть, Рита, — сказал Гейтлер по-русски так, чтобы только она могла его услышать.

— Здравствуй, Гельмут. — Она смотрела на него с такой жадностью, с таким нетерпением, как будто не видела целую вечность. Хотя, если подумать, с тех пор действительно прошла целая вечность, целая эпоха с ее достижениями, промахами, ошибками, трагедиями.

Она была одета в скромное пальто, темные брюки. Светлые волосы коротко острижены. Голубые глаза, ровный носик, тонкие губы, высокий лоб. Он так часто видел эту женщину в своих снах. Гейтлер смотрел на нее, чувствуя, как сильнее бьется его сердце. В их встречу невозможно было поверить. Первую минуту, глядя друг на друга, они молчали. Каждый вглядывался в другого, словно спрашивая, что именно потерял и приобрел стоявший перед ним человек за столько лет разлуки.

«Сколько же лет прошло», — думал Гельмут, глядя ей в глаза, хотя на самом

деле знал, что они не виделись больше восемнадцати лет. Гельмут видел, что она изменилась, постарела. Когда они встречались последний раз, ей было около тридцати. Значит, сейчас уже под пятьдесят или немного меньше. Он и сам тогда был гораздо моложе. Ему было чуть больше сорока. А теперь? Интересно, что она думает, глядя на него?

— Сколько лет прошло, — произнесла она очень тихо, — сколько лет! Я думала, что больше никогда тебя не увижу.

— Я тоже так думал, — сдержанно подтвердил он. Вагон дернулся, Гельмут поддержал ее, чтобы она не упала, и шепотом предупредил: — Выходим на следующей станции.

На следующей станции они вышли из вагона, поднялись эскалатором наверх. На улице прошли еще метров двести. Он оглянулся. Ни одного прохожего. Напротив — здание небольшого кафе. Он сжал ее локоть, и они вошли в него. Внутри почти никого не было, за

исключением двух студенток, весело щебетавших в углу. Они заказали кофе и сэндвичи. После чего сели наконец за столик, чтобы поговорить впервые за столько лет.

— Я слышала, что у тебя были неприятности, — начала Рита, — читала в газетах, что ты исчез. В девяностом говорили, что ты уехал в Москву с семьей. Потом здесь произошел переворот, и ты уехал из страны, вернулся в Германию. И снова исчез. А затем я прочла, что тебя нашли и посадили в тюрьму.

— Мне тогда пришлось вернуться, — хрипло пробормотал Гельмут. — У меня тяжело болела жена.

— Что с ней случилось?

— Она умерла.

Рита помолчала. Она не произнесла слов соболезнований, понимая, что это будет выглядеть неискренне. И не сказала слов сожаления или извинения. Просто продолжала говорить:

— Я не знала, чему верить, но не могла тебя искать. Ты ведь меня тогда

предупредил, что так может случиться. Я думала, что ты просто забыл обо мне.

— Никогда не забывал, — возразил Гейтлер. — Когда мы познакомились, тебе было девятнадцать. А мне тридцать четыре. Только представить, какие молодые мы были!

— В Дрездене, — вспомнила Рита, улыбаясь сквозь набежавшие слезы, — ты был неотразимым. Красивый, мужественный, умный, внимательный. Я влюбилась в тебя по уши. И, не раздумывая, пошла за тобой...

Он это помнил. Тогда их отдел разрабатывал способ внедрения своего агента в федеральную налоговую службу Федеративной Республики Германии. Было ясно, что налоговая служба, имеющая возможность проверять достоверность доходов любого из граждан, обладает невероятными возможностями в смысле поставки информации. Рита Хайден приехала в Дрезден навестить свою тетю и собиралась вер-

нуться обратно в Мюнхен, где работала в налоговой службе Баварии. Если учесть, что Пуллах, где размещалось разведывательное ведомство ФРГ, тоже находился в Баварии, то ценность подобного агента вырастала во много раз. На вербовку отправился сам Гейтлер. Ему понравилась эта молодая подтянутая невысокая женщина, еще когда он знакомился с ее фотографиями и личным делом. В восточногерманской разведке было создано целое подразделение, которое называлось «группа Ромео». Это были молодые, красивые, интеллигентные мужчины в возрасте от двадцати пяти до сорока пяти. Им вменялось в обязанность знакомиться с женщинами, работавшими в западных землях, для последующих контактов. Операция была разработана психологами и аналитиками. Для контактов выбирались несчастные, одинокие женщины в возрасте от тридцати и выше, работавшие в различных федеральных ведомствах.

Расчет оказался верным. Женщины охотно шли на контакт с интеллигентными мужчинами, не понимая, что попадают в расставленные ловушки. Некоторые даже выходили замуж, другие предпочитали остаться друзьями. Но почти все соглашались передавать информацию своим новым друзьям. Расчет психологов оказался верным. Информация, получаемая таким образом, оказалась сравнимой с той, которую выдавали нелегалы, работавшие в ФРГ.

Но случай с Ритой Хайден был совсем другим. Ей было только девятнадцать. И она действительно нравилась Гейтлеру. Поэтому он и пошел сам на вербовку. И познакомился с молодой женщиной. Начался бурный роман. Он действительно увлекся Ритой Хайден. Склонить ее к сотрудничеству было совсем не трудно. Она согласилась уже во время второй встречи. Потом даже призналась, что почувствовала в нем разведчика, едва познакомившись с ним.

Это было в семьдесят шестом. Потом было десять лет совместной работы. И большой любви.

Они встречались в разных местах. Каждый раз, когда Рита выезжала в отпуск или в командировку, он летел следом за ней. Они встречались в Париже, Копенгагене, Берне, Брюсселе, Роттердаме, Марселе. Это были лучшие годы их жизни. Рита уверенно продвигалась по служебной лестнице, у нее были превосходные показатели. Она была собранной, точной, умной, деловой женщиной. В восемьдесят втором ей предложили перейти на работу в Министерство иностранных дел. Она размышляла недолго и дала согласие. По совету Гейтлера Рита начала учить русский язык и довольно скоро очень неплохо заговорила по-русски. Именно поэтому ее взяли в отдел, занимавшийся проблемами германо-советских отношений, а Берлин и Москва начали получать еще более важную информацию.

Встречаться им пришлось реже, но Рита Хайден стала одним из самых ценных агентов генерала Гейтлера. К тому времени он уже был генералом и не мог позволить себе столь частые поездки, как раньше, для встречи с агентом. Теперь их встречи проходили вопреки устоявшимся правилам. С ней работали другие связные. Последняя встреча была в декабре восемьдесят шестого на Рождество, когда ее неожиданно послали в командировку в Осло. Гельмут бросил все свои дела и, хотя это не диктовалось служебной необходимостью, вылетел в Норвегию.

В отеле «Континенталь» они провели свою последнюю ночь. Ему тогда было уже сорок четыре, ей — двадцать девять. Они стали взрослыми людьми. Рита так и не вышла замуж. Она знала, что он женат, но по обоюдному молчаливому согласию они никогда не говорили об этом. Ее очень ценили за получение важной информации. Гейтлер понимал, что нарушает все негласные правила

конспирации, но считал себя ответственным за агента, завербованного более десяти лет назад.

Утром они простились. Гельмут вернулся в Берлин и получил выговор, первый выговор в своей жизни. Потом были годы напряженной работы. Он полагал, что ему удастся вырваться, удастся еще раз встретиться с Ритой. Но это были самые сложные, самые трудные годы в его жизни. К тому же он возглавил управление и не имел права так глупо подставляться. Однако за Ритой и за ее сообщениями продолжал следить. В восемьдесят девятом грянула революция.

В ноябре толпы людей начали сносить Берлинскую стену. К этому моменту стало ясно, что Советский Союз предпочтет не вмешиваться и восточногерманское государство обреченно доживает последние дни. В стране царил хаос, люди прорвали границу, бросились громить здания «Штази», захватывать документы. Гейтлер, забрав семью, уехал в Москву. Его хорошо приняли,

выделили квартиру, определили денежное пособие, помогли устроить внуков в школу. С ним работали лучшие специалисты Первого Главного Управления КГБ СССР. Четвертый отдел, занимавшийся германоязычными странами, получил ценную информацию об агентах, внедренных в правительственные и разведывательные структуры Федеративной Республики Германии. По существу, переехавшие в Москву генералы «Штази» и других спецслужб ГДР сдавали свою агентуру советским разведчикам, понимая, что нужно спасать своих людей.

Но среди тех, кого назвал Гейтлер, не было Риты Хайден. Генерал был опытным профессионалом. Он понимал, что нельзя сдавать такого агента даже своим союзникам. Это была его страховка на будущее. А может, сказалась немецкая сентиментальность и он не смог сдать человека, которого так искренне любил. Или, может быть, прочувствовал ситуацию, при которой

ему придется покинуть и Советский Союз. Тогда в январе девяностого произошли кровавые события в Баку. Вспыхнувшие провокационные погромы армянского населения, совершаемые в целях дестабилизации существующего режима, привели к настоящей трагедии. Сначала погибли десятки армян. Тысячи бакинцев выходили на улицу, чтобы защитить своих соседей, десятки тысяч людей были спасены. Погромы и убийства были остановлены через три дня. А еще через три дня в город были введены войска, состоявшие из резервистов и необученных молодых военнослужащих. Солдаты, вошедшие в город ночью и не подготовленные к подобному испытанию, стреляли в любую движущуюся цель. В результате погибали случайные люди, врачи «скорой помощи», просто прохожие, ученые, выехавшие на опытную станцию, дворники, сотрудники милиции. Среди погибших были дети и старики, представители многих нацио-

нальностей, проживающих в Баку. Трагедия была страшной и оглушительной. Горбачев, как обычно, отрекся от этого кровавого кошмара, заявив, что не знал всех подробностей. Тогда Гейтлер понял, что рано или поздно придется бежать и из этой страны. Это было как первый сигнал.

Еще через год произошли январские события в Риге и в Вильнюсе. Крах огромной державы стремительно приближался. На Кавказе начались настоящие войны, в которые были втянуты все три кавказские республики.

Еще через полгода произошли августовские события. Однако последняя попытка высших чиновников Советского Союза спасти собственную страну не увенчалась успехом. Тогда никто не понял, что это было не торжество демократии, а настоящий переворот. Ровно через четыре месяца страна перестала существовать, когда три республиканских лидера, так и не сообразивших, что именно произошло, развалили

страну, история которой насчитывала тысячи лет.

Гейтлер не сдал Риту ни когда сбежал из Германии, опасаясь ареста, ни когда передавал свою агентуру советским разведчикам, ни позже, когда вернулся на родину и его посадили в тюрьму. Он заставил себя забыть о ее существовании, не помнить о женщине, оставшейся в Мюнхене. Так прошло много лет. Глядя теперь на нее, он видел возрастные изменения, которые невозможно было скрыть никаким макияжем. Ей было уже сорок семь лет. Однако она сохранила все ту же подтянутую, моложавую фигуру. Интересно, что она думает про него? Он в шестьдесят два выглядел гораздо старше своих лет. Сказались разочарования последних лет, заключение в тюрьме, смерть жены, одиночество. Сказались все эти годы бесцельной жизни, когда он прятался, словно загнанный зверь, опасаясь быть узнанным.

— Я изменился, — горько сказал он, — сейчас перед тобой настоящий старик, Рита. Мне уже шестьдесят два.

— Я помню, сколько тебе лет, — отозвалась она, — ты неплохо сохранился.

— Спасибо, — усмехнулся он, — буду считать твои слова комплиментом. Ты уже не работаешь с дипломатами?

— Нет. Ушла три года назад. Я решила, что достаточно времени отдала моей стране и нашему Министерству иностранных дел. Я пришла туда еще при Геншере. Все эти годы я ждала, когда обо мне вспомнят. Но ты не появлялся, и никто не приходил ко мне от тебя. Много лет подряд, Гельмут. Сначала я ждала, очень ждала. После объединения Германии я начала бояться. Каждый день передавали о все новых и новых разоблаченных бывших агентах Восточной Германии. Я каждую минуту ждала, когда за мной придут, чтобы меня арестовать.

Потом немного успокоилась. Начала ждать связных. Но не было никого.

Ни из контрразведки, ни бывших «товарищей» по борьбе. И тогда я поняла, что ты решил не подставлять меня, уничтожив все документы, связанные с моей работой. Я поняла, что ты сделал это ради меня. И тогда я осознала, что мне не стоит оставаться в МИДе. Все, что было можно, я уже сделала. К тому же я не знала, что именно произошло с тобой.

Поэтому и ушла. Сейчас я работаю в фирме, являющейся дочерней компанией «Дойче телеком». Руковожу отделом по связям с прессой. Живу в том же самом доме, который ты знаешь. Но уже одна. Моя старшая сестра давно вышла замуж и переехала в Новую Зеландию. Хорошо, что ты сам мне позвонил, иначе я не поверила бы, что ты жив. Но ты обговорил нашу встречу столькими предосторожностями, заставил звонить тебе из другого города, приехать в Москву, ждать тебя в метро. Я много раз бывала в Москве и хорошо знаю этот город, но почему ты снова

оказался здесь? Что вообще происходит, Гельмут? И зачем ты вспомнил меня спустя столько лет? Неужели моя работа снова кому-то интересна? Или ты считаешь, что сведения о работе операторов нашей компании могут заинтересовать российскую разведку?

Он невесело усмехнулся. Положил руку на ее ладонь.

— Я так рад тебя видеть, — выдохнул он, — очень рад. Скажи, какая у тебя зарплата?

Она нахмурилась. Затем улыбнулась.

— Это у русских принято спрашивать о зарплате, — напомнила Рита, — мы не ведем подобных разговоров.

— Сколько? — настаивал Гейтлер.

— Больше пяти тысяч евро, — ответила она.

— Сколько ты получаешь без налогов?

— Больше трех с половиной тысяч евро. Почему ты спрашиваешь?

— В год получается сорок — сорок пять тысяч евро?

— С бонусами больше шестидесяти, — ревниво произнесла она.

— Шестьдесят, — задумчиво подвел итог Гейтлер. — Значит, если проработаешь еще лет двадцать, то получится миллион двести тысяч евро. А если сорок, то два с половиной миллиона. Верно?

— Нужно еще прожить сорок лет, — улыбнулась она.

Он убрал руку.

— Я хочу сделать тебе предложение, — начал он.

Она усмехнулась.

— Точно такими же словами ты начинал мою вербовку много лет назад. Или ты решил повториться?

— Я хочу сделать вам предложение, мисс Хайден, — сказал Гейтлер, переходя на немецкий, — и мне очень важно получить ваш искренний ответ.

— Ты решил меня разыграть? — спросила она тоже по-немецки.

— Я предлагаю тебе сотрудничество, — пояснил он, — и гарантирую тебе

заработную плату на сорок лет вперед. Для этого ты должна уволиться из твоей компании и переехать в Москву.

— Хорошая шутка, — улыбнулась она, — но это невозможно. На какие деньги я буду здесь жить? У меня нет квартиры, нет денег, чтобы жить в отеле. Я заплатила сегодня за проживание в «Мэрриоте» около трехсот евро. Больше нескольких дней я не смогу здесь оставаться.

Он глянул на студенток, сидящих в углу. Затем достал конверт, положил его на столик.

— Здесь двадцать тысяч евро, — пояснил Гейтлер. — Подай заявление и поясни, что тебе нужно срочно уехать к старшей сестре, которая тяжело заболела. Ты собираешься переехать в Новую Зеландию и ухаживать за сестрой. Пусть тебе дадут отпуск на несколько месяцев без сохранения содержания. Или пусть уволят, если первый вариант их не устроит. Затем ты переедешь сюда и снимешь квартиру где-нибудь на северо-

западе, я помогу тебе и выберу нужный дом.

— А что будет потом?

— Потом ты снова станешь работать на меня, — коротко сообщил ей Гейтлер.

К ним подошла официантка.

— Что-нибудь еще? — спросила она недовольным голосом.

— Повторите еще кофе и сэндвичи, — попросил Гейтлер.

Девушка быстро отошла.

— Зачем ты это сказал? — удивилась Рита. — Я не хочу больше кофе. И сэндвичи мне не нужны.

— Тебя плохо учили в вашем МИДе, — заметил Гейтлер, — нужно понимать местный менталитет. Он до сих пор почти не изменился. Если в Германии можно взять чашку кофе и сидеть в кафе весь день, то здесь категорически нельзя устраивать подобные эксперименты. Официантка решит, что мы над ней издеваемся. Чем больше заказ, тем больше денег мы здесь оставим. Ее на-

чальство просматривает все счета. И чаевые мы платим, тоже исходя из общего заказа. Поэтому она все время к нам подходит.

— Мне предстоит еще многое узнать, — согласилась Рита. — Я не знаю, что ты задумал, но надеюсь, что ты сумеешь мне внятно объяснить, зачем ты вспомнил меня спустя столько лет и как именно я могу тебе помочь.

— Спасибо, — взволнованно произнес Гейтлер, — я в тебя очень верил, Рита. Большое спасибо.

— И еще, — сказала она, глядя ему в глаза, — у меня хороший номер в отеле. Очень хороший и дорогой. Я могу попросить тебя поехать ко мне прямо сейчас? В прошлый раз ты завербовал меня после того, как мы вместе провели ночь. Или ты забыл?

Ее голубые глаза вспыхнули как тогда. Разве он мог забыть их первую ночь?

— Рита, — пробормотал он, чувствуя себя почти виноватым, — только не сегодня. Если ты разрешишь, завтра днем

я приеду к тебе на час или два. Пойми, так нужно. Потом мы станем встречаться чаще.

— Хорошо, — согласилась она. Затем положила ладонь на его руку и добавила: — Гельмут, я так долго тебя ждала. Можешь не сомневаться, я сделаю все, как ты скажешь.

РОССИЯ. МОСКВА

4 ДЕКАБРЯ, СУББОТА

В этот день директор ФСБ был на приеме у президента. Такие закрытые приемы не фиксируются телекамерами, сообщения об этих встречах не попадают в газеты. Разговоры носят исключительно конфиденциальный характер. Президент благосклонно относился к директору ФСБ. Это был его преемник на этом посту. Когда сам будущий президент переходил на работу в правительство, он оставил именно этого генерала на своем месте. Генерал знал, что

его выбрали из нескольких кандидатов. И точно знал, кому он обязан своей должностью.

Директор ФСБ рассказывал о положении дел в Чечне. Он не скрывал фактов, не старался преуменьшить или преувеличить опасность. Генерал был точен, расчетлив, сухо излагал цифры. Президент, сам предпочитающий такой же деловой стиль, благосклонно кивал головой. В конце беседы директор затронул последний вопрос.

— У нас появились сообщения о возможном появлении аналитика, приглашенного для разработки операции, направленной против нашей страны и лично против вас, — доложил он.

— Мне об этом уже говорил Пахомов, — вспомнил президент и нахмурился.

— Работает специальная группа экспертов, — сообщил директор ФСБ. — На сегодняшний день мы оцениваем уровень опасности как достаточно вы-

сокий. Дело в том, что человек, передавший эту информацию — некий Уорд Хеккет, подвергся нападению. Сначала ему послали бомбу в офис, которая уничтожила его сотрудников и лишь по счастливой случайности не убила его самого. Но он решил, что нужно имитировать свое ранение, и отправил в госпиталь своего двойника. Несколько дней назад двойника и охранявшего его полицейского убили.

— Ясно, — мрачно отозвался президент. Ему хотелось сказать, что не стоит заниматься такими делами, но он понимал, что обеспечение его безопасности — государственная проблема, которая важна именно для сохранения стабильности всего государства.

— А кто такой этот Уорд Хеккет? — поинтересовался он.

— Международный авантюрист, аферист, организатор многих преступлений, — пояснил директор. — У нас на него большое досье.

— И вы верите такому источнику?

— Не совсем. У нас работает специальная группа, составленная из представителей различных ведомств.

— Работайте, — кивнул президент. — Что еще?

— Мы собираемся разработать новый график ваших перемещений по стране совместно со Службой Безопасности, — сообщил директор. — Пахомов уже дал согласие.

— Хорошо. Поступайте так, как считаете нужным, — разрешил президент. — Что-нибудь еще?

— Да. — Директор ФСБ несколько замялся. Президент удивленно посмотрел на него. Генерал не был кисейной барышней, он всегда излагал свои мысли ясно и четко. К тому же он знал, что пользуется благосклонной поддержкой президента. И тем не менее сейчас явно нервничал.

— В чем дело? — наконец спросил президент. — Что вы хотите мне сказать?

— У нас есть очень серьезные основания считать, что заказчиками данно-

го преступления являются не этнические группы сепаратистов, а конкретные бизнесмены, — доложил наконец директор.

Президент стиснул зубы. Он всегда ненавидел этих толстосумов, инстинктивно чувствовал, какая угроза исходит от них. И точно знал, как именно они относятся к нему. Руководство ФСБ и ФАПСИ заботливо снабжало его сообщениями о разговорах, происходивших в среде олигархов. Они не скрывали своего презрения и своего возмущения этим «выскочкой», который посмел стать главой государства. Каждый из них считал, что заработанные им миллиарды дают ему право на эту должность. И вдруг «наследником» страны объявили ранее никому не известного человека, к тому же бывшего подполковника бывшего КГБ.

Олигархи не просто его ненавидели. Они ненавидели всю команду, которую президент привел вместе с собой. Этих исполнительных, дисциплинирован-

ных, ответственных, менее вороватых и более исполнительных чиновников. Для них они все были серыми, бесталанными, тупыми исполнителями. Любой, кто не сумел украсть больше ста миллионов долларов, не заслуживал, по их мнению, никакого уважения.

Президент нахмурился.

— Кто именно? — зло спросил он.

— Пока не знаем. Но наши аналитики полагают, что за этим поиском нужного специалиста могут стоять конкретные олигархические структуры. Это очень похоже на их почерк. Чеченцы не стали бы искать такого специалиста.

— У вас все?

— Так точно.

— Стоит более конкретно узнать, кто и когда принял такое решение, — посоветовал президент, прежде чем директор ФСБ собрал свои документы и вышел из комнаты.

Оставшись один, президент откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Они решили не останавливаться, пока не уничтожат его окончательно. Им кажется, что все их проблемы только в нем. И не понимают, как ошибаются. По данным любых социологических опросов, их ненавидит большинство населения. И пока он ведет борьбу с олигархами, его рейтинг зашкаливает за семьдесят процентов. Президент открыл глаза. Неужели они решились на открытое противостояние? Хотя почему бы и нет? Разве он не знает, как именно они финансируют оппозиционные издания и оппозицию? Разве он не знает, как покупали депутатов в прежней Государственной Думе? Разве он не знает, как они разворовывали огромную страну, наживая миллиардные состояния? Но тронуть многих из них он не может. Они являются составной частью той системы, которая была выстроена при прежнем президенте. Многие из них в свое время сделали миллиардные состояния именно на своей близости к нему. И выстроили эту систему, кото-

рую он теперь должен разбирать по кирпичику, заменяя их на свои собственные кирпичи.

Президент встал, прошел по комнате. С одной стороны, нужно сохранять всю эту систему сдержек и противовесов, а с другой — менять конкретных людей, намертво вросших в саму систему государственности. Это, конечно, трудно. Но ему было трудно еще тогда, когда он только-готовился стать президентом. Впрочем, легко не было никогда. Такова уж его жизнь. С раннего детства. Ему всегда было сложно и трудно, но он никогда не отступал, не искал для себя легких путей.

Еще в школе он был щуплым и хилым мальчиком, на котором могли отыгрываться более старшие ребята. Не обладавший большими физическими данными, невысокий, худощавый паренек решил заняться самбо и дзюдо. И достиг в этом очень больших успехов. Был многократным чемпионом Ленинграда по самбо, а в семьдесят третьем году по-

лучил звание мастера спорта. И еще через два года стал мастером спорта по дзюдо.

Впечатлительный мальчик рос в окружении сверстников. Книги читал, но их было не так много в их доме. Зато фильмы он смотрел с удовольствием и более других любил появившийся в конце шестидесятых «Щит и меч», в котором действовал так похожий на молодого президента разведчик Иоганн Вайс в исполнении актера Любшина. Его приключения и выдержка потрясли молодого человека. И тогда будущий президент твердо решил посвятить всю свою жизнь этому благородному делу — разведке. Фильмы о разведчиках и их подвигах все время крутили в кинотеатрах, но самым любимым оставался четырехсерийный «Щит и меч». Уже позже снимут «Мертвый сезон», в котором появится интеллигентный Донатас Банионис, игравший советского разведчика.

Молодой человек, решив работать в КГБ, сразу по окончании школы при-

шел в местное управление и попросил взять его на работу. В управлении его выслушали и посоветовали сначала получить высшее образование. При этом ему рекомендовали выбрать юридический факультет. Он так и сделал, поступив на юридический факультет. Но в КГБ не забыли о молодом человеке, так наивно и отважно попросившемся на работу в их ведомство. По строгим правилам, заведенным в КГБ, все заявления и встречи строго оформлялись. И пожелание молодого человека было занесено в особую папку для последующей работы.

Он закончил юридический факультет в семьдесят пятом. К тому времени самым главным разведчиком всех времен и народов стал легендарный Штирлиц. После просмотра этого телесериала молодой человек уже не сомневался, кем он станет в будущем. И когда закончил юридический факультет Ленинградского университета, его отправили по распределению на

работу в органы государственной безопасности. Разумеется, в такую организацию, как КГБ, студентов просто так, без соответствующих проверок не брали. Очевидно, что все годы учебы в университете за ним было установлено негласное наблюдение, которое он достойно прошел. Его отец был участником войны, мать прошла блокадный Ленинград. В те годы, когда цинизм и безнравственность еще не считались нормой, таким анкетным данным придавали большое значение. И он получил распределение в КГБ.

Базовое юридическое образование, тем более обретенное в таком престижном университете, значило очень многое. Но ему пришлось учиться. Его взяли в элиту КГБ — в Первое Главное Управление, известное как разведка Советского Союза. Учиться пришлось долго и настойчиво. В разведке готовили настоящих профессионалов, отбор был очень жестким. А завершив учебу, он получил не только офицерское зва-

ние, но и блестящее владение немецким языком.

Выдержанный, дисциплинированный, аккуратный, добросовестный, настойчивый, энергичный — все эти эпитеты взяты из личного дела молодого офицера КГБ. Даже своей будущей жене он не сразу сказал, где работает и куда собирается поехать. По странному стечению обстоятельств, его будущая жена родом из Калининграда, из того самого бывшего немецкого Кенигсберга, который отошел после войны к Советскому Союзу и в котором, несмотря на почти полное переселение немцев, все же сохранялся некий немецкий дух.

Молодого офицера направили на работу в Германию. Наконец сбылась его мечта. Но его отправили не нелегалом, как виделось ему в молодости, а на рутинную работу в Дрезден, в Германскую Демократическую Республику. В ней были размещены советские войска, повсюду сидели советские советники. Ни-

кто и не думал скрывать, что Путин работает на советскую разведку. Он не стал нелегалом, ему поручили обычную работу под прикрытием в стране, где почти легально работали все спецслужбы Советского Союза. Некоторые коллеги будущего президента потом посчитали, что это была не слишком обременительная и даже несколько унизительная работа для офицера четвертого отдела ПГУ КГБ СССР.

Конечно, он не был Джеймсом Бондом, но в условиях Дрездена подобный героизм не мог быть принят и понят его начальством. Однако он сумел дослужиться за эти годы до подполковника, отмеченного наградами СССР и ГДР. Работавшие с ним разведчики отзывались о нем как об исключительно надежном и добросовестном офицере.

Когда в восемьдесят девятом году началась революция в ГДР и административные здания начали захватывать митингующие, в Дрездене произошел чрезвычайный случай. Толпа митингу-

ющих двинулась к зданию общества советско-немецкой дружбы, за которое отвечал будущий президент. Рядом с ним в тот момент было только два автоматчика.

Конечно, он точно знал, что за его спиной вся мощь Советской Армии. Конечно, он понимал, что митингующая толпа немцев — это не обычный «бессмысленный бунт», а всего лишь вышедшие на улицы законопослушные граждане, недовольные политическим строем и запретами в собственной стране. Но в тот момент могла произойти любая провокация. Достаточно было одного выстрела, одного крика. Он вышел к толпе и на хорошем немецком языке начал уговаривать людей разойтись. Ему всегда было трудно выступать перед толпой, перед аудиторией. Такие люди идеальные исполнители, надежные воины, но не ораторы, способные зажечь своим темпераментом тысячные толпы людей. Однако в тот день ему удалось остановить толпу. Он убеждал

их не штурмовать здание, объяснял, что все должно пройти спокойно. Ему поверили и начали расходиться. Никто, кроме его жены, не мог даже представить себе, какого физического и душевного напряжения ему стоила эта речь.

Через несколько месяцев он вернулся в родной Ленинград. И его снова обидели. Профессионального разведчика, имеющего многолетний стаж работы, подполковника Первого Управления, отправили работать помощником проректора ЛГУ по международным вопросам. Для такой роли вполне мог подойти бывший завхоз посольства или какой-нибудь офицер на пенсии. Но ему поручили эту работу, и он согласился. В тот момент все офицеры, вернувшиеся из объединенной Германии, считались не совсем надежными, так как в процессе объединения двух стран непонятная пассивность советских спецслужб и армии привела к полному провалу всей политики СССР в Центральной Европе.

Через несколько месяцев ректор ЛГУ Станислав Алтуфьев рекомендовал своего толкового и энергичного помощника проректора своему бывшему профессору, ставшему председателем Ленсовета Анатолию Кобчаку.

В течение многих месяцев будущий президент был советником председателя Ленсовета. Он вышел в отставку и открыто объявил о своей работе в КГБ СССР. В начале девяностых это был мужественный шаг. Правда, знающие люди сразу понимают, чем отличается работа разведчика за рубежом от работы контрразведчика, который ловит диссидентов в собственной стране. Но нарастающий хаос сказался и на всей жизни окружающих людей. Будущему президенту пришлось не раз услышать упреки в свой адрес, оскорбительные выпады, глупые подозрения. Сильно досталось и его бывшему преподавателю, ставшему его руководителем. Кобчак был типичным продуктом новой советской избирательной системы, когда

на поверхности оказывались демагоги с хорошими ораторскими данными, умеющие правильно формулировать и высказывать свое отношение к существующей проблеме. На фоне бывших партийных работников, часто мычащих и блеющих, на фоне лидера страны, не умевшего правильно говорить и допускавшего чудовищные ляпы, на фоне министра иностранных дел, так и не выучившего русского языка, новый лидер Кобчак казался одним из самых умных и достойных людей нового времени.

Доктор юридических наук, профессор права стал одним из самых ярких депутатов. Прямая трансляция по телевизору мгновенно превратила его в одного из самых популярных людей нового времени.

Он клеймил позором партократию, выступал как непримиримый демократ и либерал. Его громовые речи становились известны всей стране, его выбирали во всевозможные комиссии, ему по-

верили миллионы людей. Никто не вспомнит спустя много лет, как блестящий Кобчак издевался над партократами, выбранными от национальных округов. Его речь, полная сарказма, стала символом борьбы новых демократов с отживающей партийной номенклатурой. Спустя много лет его супруга будет избрана в сенат по списку от национального округа, но это уже не будет столь существенным фактом, на который необходимо обращать внимание.

Кобчак был назначен в комиссию по расследованию трагедии в Тбилиси, когда противостояние между армией и толпой людей завершилось кровавой драмой, в которой погибли восемнадцать молодых женщин и девушек. На волне возмущения этой трагедией в Тбилиси прибыла комиссия Верховного Совета. В нее входили писатели и ученые. Комиссия почти единогласно обвинила руководство Грузии и командование армии в умышленном убийстве несчастных жертв этой трагедии. Вер-

сия о «саперных лопатках», применяемых солдатами во время безоружной демонстрации протеста, еще долго гуляла по всем средствам массовой информации.

И никто, ни один беспристрастный наблюдатель, не захотел задать элементарного вопроса, который напрашивался после вынесения этого невероятного вердикта сам собой. Как могло получиться, что в этой трагедии погибли только женщины и девушки? Неужели грузинские мужчины стояли и смотрели, как убивают их сестер и дочерей? Почему среди погибших не было мужчин? И почему эксперты не обратили внимания на мнение многих независимых патологоанатомов, утверждавших, что смерть девушек наступила в результате сжатия тел, возникшего во время давки у дома правительства. Но на трагедии было решено заработать дополнительные очки. В те дни в Тбилиси был настоящий траур, город почернел от горя. И прислушаться к другому мне-

нию означало опровергнуть выводы комиссии. В тот момент такие выводы были нужны новым властям Грузии, московским либералам, так неистово разрушающим собственную страну, и самой комиссии, доказавшей свою беспристрастность и честность.

Кобчак стал настоящим героем. Уже открыто обсуждался вопрос о его выдвижении в президенты страны. В июне девяносто первого его избрали мэром Ленинграда. А через несколько недель он провел референдум и переименовал город в Санкт-Петербург, несмотря на протесты почти половины населения города. Будущий президент стал председателем Комитета по внешним связям. Кобчак оценил его умение работать, сдержанность, честность и компетентность, выдвинул на пост руководителя комитета.

Еще через три года будущий президент стал первым заместителем мэра города. Без его визы не проходило ни одно важное решение, ни одна сделка мэ-

рии. Но это было потом, несколько лет спустя, уже после того как развалилась огромная страна и две попытки переворота стали суровым испытанием для самого Кобчака и его первого заместителя.

Президент вернулся на свое место и вспомнил, что должен поговорить с руководителем администрации. Он поднял трубку, чтобы вызвать к себе нужного ему чиновника. На часах было около двенадцати.

РОССИЯ. МОСКВА

6 ДЕКАБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

В этот день далекого сорок первого года началось зимнее наступление советских войск под Москвой. Тогда казалось, что перелома достичь невозможно, немецкие передовые части были уже на окраинах города. Но именно в этот момент началось контрнаступление советских частей. Враг был отбро-

шен от столицы, и это была первая крупная победа советских войск в самой страшной войне, которую знала страна.

Ветераны войны, генералы, руководители города возлагали цветы к памятнику Неизвестному солдату и к сотням других памятников, разбросанных по всему городу. Это был день, который традиционно помнили все фронтовики.

Гейтлер находился у здания Манежа. Теперь вся площадь была перекрыта различными постройками, а под землей разместился целый комплекс. Гейтлер видел, как к Александровскому саду тянулись ветераны войны. В основном это были глубокие старики и старухи. Приехала делегация во главе с энергичным мэром города.

Гейтлер пересек улицу и оказался около отеля «Националь». Он помнил, что рядом находилось здание отеля «Интурист». Но, проходя мимо «Националя», обнаружил, что здания этого высокого отеля тоже нет. Это вызывало

по меньшей мере недоумение. Сразу два крупных, сравнительно новых отеля в центре города снесены. Гейтлер прошел дальше, поднимаясь к зданию Центрального телеграфа. Он помнил это здание. Сюда он приходил много раз, чтобы позвонить в Берлин, поговорить с женой, с дочерью, с еще живыми родителями. Он прошел мимо него скорым шагом, не останавливаясь.

У здания мэрии он перешел подземным переходом на другую сторону улицы и остановил машину. Водителя темно-красного «Москвича» он попросил довезти его до здания отеля «Украина», рядом с которым его должен был ждать Сальков. Еще через два часа Гейтлер был уже дома, переодевался к обеду. Дзевоньский сидел за столом. Кухарка принесла еду. В ее присутствии они говорили только по-немецки, чтобы не выдавать своего хорошего знания русского языка. Правда, Дзевоньский общался с ней по-русски, успешно коверкая язык.

— Как ваша поездка? — спросил Дзевоньский. — Сегодня вы что-то вернулись рано.

— Решил доставить вам удовольствие, — пошутил Гейтлер, усаживаясь за стол. — Я думаю, нужно подумать о замене нашего дома. Мы можем тут примелькаться.

— Я об этом подумал, — согласился Дзевоньский. — Вам необходимо почаще появляться в офисе нашей фирмы. Вы однажды там уже были. Мистер Карл Гельван один из немногих людей, кому я могу доверять.

— Он знает обо мне?

— Нет. Об этом мы уже много раз говорили. Ни один человек, кроме меня, не знает, кто вы такой. Гельван знает только нашу задачу в общих чертах. Но в любом случае нам могут понадобиться помощники. Карл Гельван один из тех, кто будет нам помогать.

— Ясно. Скажите ему, чтобы он приехал к нам.

— Когда?

— Прямо сейчас. Данке шен, — поблагодарил он кухарку, которая принесла еду.

Дзевоньский достал телефон и набрал номер.

— Карл, — сказал он, услышав знакомый голос, — срочно приезжай к нам. Мы тебя ждем.

— Вы не отпустили Салькова? — спросил он, убирая аппарат.

— Нет, — ответил Гейтлер, — если я начну отпускать его в два часа дня, он решит, что у нас не так много работы. Пусть ждет.

— Прекрасно. В таком случае, появление здесь Гельвана будет очень кстати. Сальков убедится, что мы вызываем к себе руководителя нашего офиса.

— Сколько человек работают с вашим Гельваном?

— Две женщины и два водителя. Есть еще курьер.

— Вы их проверяли? Там не может случайно оказаться внедренного со-

трудника КГБ? Хотя сейчас контрразведка называется ФСБ.

— Проверял. Не волнуйтесь, генерал. Каждый занимается своим делом. Я получил генерала даже на год раньше вас, герр Гейтлер. За хорошую работу в контрразведке. Традиционно считается, что в контрразведке получить звание гораздо труднее, чем в разведке.

— Никогда об этом не слышал. У нас хорошая кухарка, — одобрительно сказал Гейтлер, попробовав жареные грибы со сметаной.

— Надеюсь, — пробормотал Дзевоньский, — мы платим ей большие деньги.

— Ваши охранники из местных?

— Разумеется. Кроме нескольких людей, которые за вами следят. Я привез их с собой. Но они живут в другом месте.

— Все вместе?

— Нет. Парами. Одна пара на одной квартире, другая — на другой.

— Обе пары мужские?

— Нет. Я думал, вы заметили. Вторая пара смешанная. Они муж и жена.

— На самом деле супруги?

— Это имеет для вас принципиальное значение?

— Нет, никакого. Документы в порядке? Как они проходят по документам? Здесь несколько иные нормы нравственности. Если мужчина и женщина снимают одну квартиру и не являются супругами, то об этом рано или поздно узнает участковый сотрудник милиции.

— Вы так хорошо знаете их менталитет?

— Надеюсь, что знаю. Вторая пара не оформлена как супруги? — Дзевоньский почувствовал сарказм в словах Гейтлера.

— Не оформлены. Они друзья из Америки. Оба граждане Америки и снимают одну квартиру. Так дешевле, они приехали сюда для практики по обмену опытом. Документы у них тоже в порядке.

— Прекрасно, — Гейтлер повернул голову, — кажется, она забыла принести пиво.

— В холодильнике, — сообщил Дзевоньский, — я уже выучил ваши вкусы.

Гейтлер издал короткий смешок, поднялся и достал две банки пива.

— Я не люблю пива, — заметил Дзевоньский.

— Знаю, — ответил Гейтлер, — я достал обе банки для себя. — Он вернулся на свое место.

— Могу я задать вам личный вопрос? — неожиданно спросил Дзевоньский.

— Конечно, — отозвался Гейтлер, — какие у нас могут быть секреты друг от друга? — Он налил себе пива в большую кружку.

— У вас появилась любовница?

Кружка в руках у Гейтлера не дрогнула. Просто он сделал еще два глотка и поставил кружку на стол. Затем очень спокойно посмотрел на Дзевоньского:

— С чего вы взяли? Вы умеете читать мысли?

— Не умею. Я проверяю белье, которое вы сдаете в стирку. Все рубашки, брюки, носки, трусы. Все без исключения. Вы можете забыть какую-нибудь бумагу, а я не имею права ошибиться. И несколько дней назад я обратил внимание, что на рукаве вашей рубашки был отчетливый след губной помады. Очень нечеткий след, но это была губная помада. Кроме того, ваша майка отчетливо пахла женским парфюмом.

— Неужели вы еще и нюхаете мое грязное белье? — беззлобно поинтересовался Гейтлер. — Должен вам признаться, Дзевоньский, что я тоже все проверяю перед тем, как сдаю белье в чистку. Но вы меня снова потрясли. Такой необычный нюх и такая наблюдательность.

— Значит, женщина была?

— Я был у проститутки. Снял номер в отеле и вызвал по телефону женщину. Я еще достаточно здоровый человек, Дзе-

воньский, и у меня нормальная потенция.

— И вы потратили на проститутку почти полмиллиона евро? — спросил Дзевоньский. — Я проверял ваш чемоданчик. Оттуда исчезла половина ваших денег.

— Именно моих. Я ведь не прошу у вас других денег.

— Хорошо, — кивнул Дзевоньский, — если не хотите, можете не отвечать. Вы можете встречаться с кем угодно. Только не приглашайте сюда женщин по вызову. Они привлекут внимание бандитов, сутенеров, заодно и милиции.

— Я учту ваше пожелание. Обещаю, что посторонние женщины здесь не появятся.

— Вы должны понимать мое беспокойство, Гейтлер. В России идет самая настоящая война. Сейчас каждый иностранец, прибывающий в эту страну, находится на особом учете. И вполне вероятно, что за вами могут следить. Или подставить вам человека.

— Возможно, вы считаете, что я потерял квалификацию? У каждого своя работа, генерал.

В наступившей тишине появилась кухарка, которая принесла мясо индейки. Оба сосредоточенно придвинули к себе тарелки, словно ждали именно этого блюда. Когда женщина вышла, Дзевоньский быстро заметил:

— Мы делаем одну работу, генерал. Не нужно так нервничать. Я обязан обеспечивать в том числе и вашу безопасность.

— Не сомневаюсь. В следующий раз я специально испачкаю мое нижнее белье, чтобы вы могли найти его по запаху, — раздраженно заявил Гейтлер. Ему было неприятно, что он мог допустить такую оплошность, не заметив пятна на своем рукаве. Наверное, он был слишком невнимательным. Для разведчика такой промах абсолютно непростительная ошибка. Но больше на эту тему они не говорили. Гейтлер понял, что Дзевоньский ему не поверил. Дзевоньский

понял, что Гейтлер лжет и знает, что его собеседник ему не верит. Каждый остался при своем мнении. Они слишком много времени провели в спецслужбах, чтобы верить друг другу.

Через час приехал Карл Гельван. Это был высокий тридцатипятилетний латыш, бывший спецназовец, который служил в десантных частях Советской Армии еще в восемьдесят девятом году. Затем он вернулся в Ригу, устроился на работу в полицию. В девяносто четвертом переехал в Бельгию. Работал охранником, телохранителем, инструктором по рукопашному бою. В девяносто восьмом устроился работать к Дзевоньскому и с тех пор выполнял его деликатные поручения. Гельван вошел в дом и прошел в гостиную с камином, где его уже ждали. У него были светлые волосы, немного выпученные глаза, строгие, словно вырубленные черты лица.

Войдя в зал, Гельван замер, ожидая разрешения сесть. Дзевоньский благосклонно кивнул. Ему нравился армей-

ский стиль его помощника. Гельван прошел к ним и сел на стул, ожидая дальнейших указаний шефа. По-немецки он говорил свободно, немного знал французский.

— Вы уже знакомы, — сказал Дзевоньский по-немецки, — герр Шайнер хотел поговорить с вами, Карл, чтобы прояснить некоторые вопросы.

Гельван посмотрел на гостя. Он вообще не любил много говорить.

— Где вы служили, Гельван? — неожиданно поинтересовался Гейтлер. — В какой армии? Я же вижу вашу армейскую выправку.

— В Советской Армии, — ответил Карл, — в десантных частях.

— Прекрасно, — кивнул Гейтлер, — значит, вы примерно знаете, как могут вести себя ваши бывшие коллеги. Еще вопрос. Вам известно, зачем мы все сюда приехали?

Гельван посмотрел на Дзевоньского. Тот закрыл глаза, разрешая ответить.

— Известно, — ответил Карл.

— Что именно? Зачем мы сюда приехали?

Гельван снова взглянул на Дзевоньского. И тот снова разрешил ответить.

— Готовить важную операцию, — чуть подумав, произнес Карл.

— Прекрасно, — откликнулся Гейтлер, — значит, вы знаете, какую именно операцию мы будем готовить. Не нужно ничего говорить. Я спрашиваю, да или нет?

— Да, — ответил Гельван.

— Тогда скажите, любите ли вы театр?

— Что? — не понял Карл. Он не удивился, просто не понял.

— Я спрашиваю, любите ли вы театр?

Гельван посмотрел на Дзевоньского, но тот молчал, не подавая никаких знаков. Карл перевел взгляд на сидящего в кресле гостя.

— Я не знаю, герр Шайнер, — наконец произнес Гельван, — я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете.

Гейтлер посмотрел на Дзевоньского и укоризненно покачал головой.

— Какие языки вы знаете? — спросил он у Карла.

— Латышский, русский, немецкий, французский. Немного литовский.

— Ясно. — Гейтлер обратился к Дзевоньскому по-английски: — Боюсь, такой помощник нам не подойдет. Нужно найти другого. Более сообразительного.

— Спасибо, Карл, — закончил разговор Дзевоньский, — вы можете подождать нас в другой комнате. Если вы проголодались, наша кухарка вас накормит.

Гельван поднялся и вышел из комнаты.

— Вы знаете, генерал, что при всей моей сообразительности ваши вопросы иногда ставят в тупик даже меня, — признался Дзевоньский. — При чем тут любовь Карла к театру? Какое это имеет отношение к нашему делу? Может, вам любопытно, нравится ли ему балет или чем Верди отличается от Пуччини?

— Если это понадобится для нашего дела, то Гельвану придется научиться отличать их друг от друга, — невозмутимо заметил Гейтлер, — но мне нравится ваш вопрос. Если даже такой профессионал, как вы, не понял сути моего интереса, то боюсь, наш замысел может оказаться неудачным.

— Какой замысел? — занервничал Дзевоньский. — При чем тут наша работа и любовь Гельвана к театру?

— Вы примерно представляете, как работает служба безопасности президента? — спросил Гейтлер. — Они отслеживают все, что касается безопасности охраняемого лица. Специальные аналитики анализируют все возможные угрозы, все перемещения любых известных террористов, изучают все уловки, к которым они могут прибегнуть. Анализируются их возможности, приемы, проверяется новая техника, исследуется весь путь президента от его резиденции до дома. Одним словом, там не только охранники с накачанными мускулами,

а умные и думающие люди. Как вы, Дзевоньский. Но ни один аналитик никогда не задаст такой глупый вопрос: любит ли Карл Гельван театр?

Дзевоньский промолчал. Он уже понял, что Гейтлер задал свой странный вопрос не просто так. Но по-прежнему не мог понять, какая может быть связь между их операцией и абсолютно непонятным разговором о любви к театру.

— Меня пригласили сюда не для того, чтобы я сидел на этой даче и наслаждался вашим обществом, — заметил Гейтлер. — Вы, кажется, поставили передо мной конкретную задачу, решив выплатить мне большой гонорар за мою работу. А моя основная работа — это думать головой. Вот поэтому я и придумал парадоксальную ситуацию, которую никогда ни одна служба безопасности не сможет просчитать. Они будут проверять все что угодно: от еды президента до бумаг, которые приносят ему на подпись. Будут видеть в каждом посетителе террориста, проверять приходя-

щую корреспонденцию, мебель, брать даже пробы воздуха. Но никто не задаст себе такого вопроса: любит ли Карл Гельван театр?

— Объясните наконец, что происходит, — не выдержал Дзевоньский. — Я все еще ничего не могу понять.

— Вы можете заставить президента приехать в место, которое вам нужно? — спросил Гейтлер. — Помните, я рассказывал вам о подготовке покушения на Франко? Тогда мы разрабатывали именно такую ситуацию, при которой мы должны были заранее знать, где и когда окажется «каудильо». Здесь мы ничего такого сделать не можем. Мы не знаем, куда поедет президент, с кем он будет, каков маршрут его передвижения, какие транспортные средства он использует, где и сколько времени пробудет. Мы ничего не знаем, если только вы не сможете завербовать руководителя его Службы Безопасности или руководителя его администрации. У вас есть такая возможность?

Дзевоньский не ответил, только насмешливо фыркнул.

— Правильно, — улыбнулся Гейтлер. — Таким образом я намеренно моделирую ситуацию, при которой буду точно знать, где и когда появится президент. Буду знать и смогу подготовиться к этой встрече еще до того, как об этом узнает его Служба Безопасности, еще до того, как об этом будет знать сам президент.

— Сейчас я начну потихоньку сходить с ума, — пробормотал Дзевоньский. — О чем вы говорите? Вы будете знать, где появится президент, еще до того, как он сам будет об этом знать? Еще до того, как об этом будет знать его охрана?

— Да, — невозмутимо ответил Гейтлер. — Поэтому я и задаю такой смешной вопрос. Дело не в любви Гельвана к театру. Дело в том, что страницы, посвященные культуре, не будет читать ни один аналитик Службы Безопасности. Разве что для собственного удовольст-

вия. А пресс-служба президента читать будет. Более того, они обязаны делать краткие выжимки из наиболее известных статей для информирования руководителя государства. Теперь вы начали понимать, мистер Дзевоньский?

— Вы сами моделируете ситуацию? — ошеломленно переспросил Дзевоньский.

— Правильно. И мне нужна всего лишь определенная сумма денег, чтобы заплатить журналистам. Если в течение месяца во всех крупных периодических изданиях будут хвалить какую-нибудь конкретную постановку или писать о ней в неоднозначных тонах, то вероятность появления на этом спектакле самого президента настолько велика, что легко просчитывается аналитиками. Служба Безопасности, конечно, не обратит внимания на спектакль, который усиленно пропагандируют и вокруг которого бушуют страсти. А вот пресс-служба обязательно это заметит и упомянет этот спектакль в своем отчете.

Один раз, второй, третий... Рано или поздно любой нормальный человек, знакомясь с этими отчетами, заинтересуется такой повторяющейся закономерностью. И наконец можно прямо потребовать, чтобы именно глава государства высказался по проблеме этого спектакля. Или лично посмотрел его. Как вы думаете, какова вероятность того, что он появится в этом театре? Я думаю, очень высокая. Но пока ни он и никто в мире не знают, что через месяц или через два он должен побывать в этом театре.

— Вы самый поразительный человек из всех, с кем я когда-либо общался, — пробормотал изумленный Дзевоньский.

— Я занимался этим всю жизнь. Вернее, первую половину моей жизни, пока у меня не отняли мою работу и мою страну, — сухо отреагировал Гейтлер.

— И вы хотите вызвать такой шквал интереса к какой-то конкретной постановке?

— Конечно. Нужно проанализировать все премьеры сезона, выбрать конкретную постановку, желательно в известном театре, находящемся в центре. И оплатить рекламную кампанию журналистам. Думаю, с этим проблем не будет. В последнее время я внимательно читал газеты и журналы, достаточно внимательно смотрел телевизионные программы по многим каналам. Не замечать скрытую рекламу на каналах и оплаченные статьи в газетах и журналах просто невозможно. Остается потратить немного денег и получить результат. Ведь самое важное в нашей операции — знать, где и когда появится нужный нам «субъект власти». Мы не можем позвонить ему и пригласить его в определенное место. Но мы можем сделать так, чтобы он сам захотел попасть в это место. И тогда наша задача практически решена. Мы будем знать заранее, где он появится. Вот вам и решение нашей задачи.

— В театре будут проверять всех пришедших, — заметил Дзевоньский.

— Вы не хотите ничего понимать. Меня интересует не сам театр. Конечно, это закрытое помещение и там заранее все будет проверено. Появятся группы с собаками, натасканными на взрывчатку, по помещениям пройдутся с миноискателями, при входе могут быть охранники. Но нам важны не эти малозначительные факты. Нам важна сама возможность манипуляции. Если этот номер пройдет, то мы сможем подготовиться к той самой операции, о которой я вам говорил.

— Гельван не годится на такую роль, — заявил Дзевоньский.

— Абсолютно не годится. Спектакль и театр мы можем выбрать сами. А вот толкового посредника нужно найти. Какого-нибудь журналиста, обладающего нужными связями. Если публикации пройдут сразу в пяти-шести популярных газетах, то это будет неплохо. Конечно, с разницей во времени. От

нескольких дней до двух-трех недель. Я внимательно читаю местную прессу и думаю, что при желании найти нужных журналистов — не проблема.

— Можно выйти на журналистов через Гельвана? Или найти другого человека?

— Обязательно другого. Учтите, что он нам понадобится не только во время подготовительной стадии, но и на основной, когда мы собственно и будем проводить нашу операцию. Поэтому такой специалист должен быть найден в Москве. Будет неплохо, если найдется специальный корреспондент западного журнала или газеты. Им больше верят и они лучше платят. Если даже нет такого корреспондента, то его всегда можно «придумать». Две-три недели пребывания в модных клубах, на закрытых приемах, участие в разных презентациях, небольшие знаки внимания нужным людям, и он становится своим. Легко узнаваемым и принятым в круг журналистов.

— Будем искать, — кивнул Дзевоньский, — а спектакль и театр вы выберете сами?

— Выберу. С этим у вас не будет проблем. Между прочим, Дзевоньский, нельзя рассчитывать только на кулаки Гельвана. Я думал, у вас есть помощники с мозгами.

— Для этого мы нашли вас, — криво усмехнулся Дзевоньский, — мозги сейчас большой дефицит, мистер Шайнер. Давайте перейдем на русский. Мне нужна практика.

РОССИЯ. МОСКВА

10 ДЕКАБРЯ, ПЯТНИЦА

Проверки продолжались. Они оказались гораздо более масштабными и сложными, чем предполагалось на начальном этапе их совместной работы. Возникали все новые и новые имена, проверялись специалисты не только из Америки и Европы. Начали составлять

списки сотрудников спецслужб азиатских стран. Это была самая непредсказуемая часть работы. Многие из этих профессионалов были неизвестны даже своим собственным спецслужбам, настолько засекретили их деятельность. Приходилось проверять по обрывкам поступивших сведений, по косвенным фактам, имевшимся в распоряжении группы, что не давало полной уверенности в получаемой информации и не помогало воссоздавать общую картину.

Однако, даже сталкиваясь с такими трудностями, к десятому декабря группа Машкова оставила только восемнадцать подозреваемых, каждый из которых мог оказаться в числе аналитиков, приглашенных для участия в разработке террористического акта.

Дронго приехал к десяти утра. За последние годы он забыл о той административной дисциплине, которая является составной частью работы любого должностного лица. Лишь очень немногие люди в мире могут позволить

себе свободный график работы, появляясь на службе, когда это нужно им самим. Лишь люди творческих профессий, свободные художники, независимые эксперты могут позволить себе такие вольности. Даже руководители государств и крупные бизнесмены не имеют свободного графика, жестко очерченные рамками своих служебных обязанностей.

Дронго по-прежнему появлялся тщательно выбритый, сосредоточенный, готовый к работе. Каждый вечер они устраивали своеобразное «мозговое совещание», предлагая различные варианты решения ситуации. Все спецслужбы страны поставляли собственную информацию, которую необходимо было перерабатывать. Среди присутствующих наибольшее раздражение у Дронго вызывал генерал Богемский из Службы Безопасности. Богемский не скрывал, что ему не нравится участие в их группе независимого эксперта. Собранные по просьбе Дронго, они анализировали во-

просы, которые не должен был знать посторонний человек. В свою очередь Дронго понимал отношение к нему Богемского и также недолюбливал генерала.

В тот день они начали проверку бывших сотрудников спецслужб ГДР. Среди тех, кого отобрали в первую очередь, были три бывших руководителя «Штази»: Маркус Вольф, Зепп Виммер, Гельмут Гейтлер. Когда список появился на экране, Полухин задумчиво покачал головой, но ничего не сказал. Они обычно обедали и ужинали на месте, чтобы не отвлекаться на поездки в город. По предложению генерала Машкова было организовано питание для всей группы. Вместе с операторами их стало уже более двадцати человек. В перерыве, когда все отправились обедать, Алексей Николаевич вдруг вспомнил про этот список.

— Я давно знаю Вольфа, — сказал он, — этот человек ни при каких обстоятельствах не будет выступать против нашей страны. Никогда. Он еще по-

мнит время, когда его называли в Москве «Мишей». И, несмотря на все случившееся с ним, сохранил удивительно доброе отношение к нашей стране. И к своей профессии. Маркус Вольф — человек долга. Он до сих пор не сдал ни одного из известных только ему агентов. Ни одного. Хотя американцы много раз предлагали ему сотрудничество, и бывший директор ЦРУ Уэбстер даже посылал к нему своего специального представителя. Вольфа можно сразу исключить из этого списка. В мире просто нет такой суммы, за которую его могли бы купить.

— Серьезная рекомендация, — неодобрительно заметил Богемский, тщательно пережевывая пищу. — Но он ведь остался без работы уже много лет назад. На какие деньги он существует? Насколько я знаю, его судили в ФРГ и приговорили к большому штрафу. Кто помог ему выплатить эти деньги?

— Его друзья, — ответил Полухин. — Кроме того, он получает гонорары за

свои книги, которые издаются и переведены на многие языки. Недавно Вольф приезжал в Москву. Я уверен, что его никогда не смогут уговорить выступить в роли аналитика. Хотя он один из лучших в мире специалистов по моделированию возможных ситуаций. И любой, самый неслыханный гонорар, который бы он попросил, я лично заплатил бы ему, учитывая его профессионализм. Но это не он. Серьезные люди к нему даже не пойдут. Им известна его репутация.

— Сами говорите про гонорар, — проворчал Богемский. — Я считаю, что никого нельзя исключать. Каждого нужно проверить.

— Его можете исключить, — улыбнулся Полухин. — Ему уже за восемьдесят, и он очень известный человек, которого многие знают в лицо. Можете даже исключить под мою ответственность.

Богемский промолчал. А Машков поддержал генерала Полухина.

— Я тоже слышал про Вольфа, — вставил он, — и думаю, вы правы, Алексей Николаевич. Мне рассказывали о его удивительной судьбе. Еще совсем мальчиком он приехал к нам в страну и получил советское гражданство вместе с родителями. Его отец поехал сражаться в Испанию, он был врачом. А потом их эвакуировали в Алма-Ату. Вы знаете, с кем они вместе туда поехали? С Анной Ахматовой. Можете себе представить? Сохранились воспоминания Вольфа об этом периоде его жизни.

— Между прочим, Бродский тоже был знаком с Ахматовой, — заметил Богемский, — что не помешало ему уехать из нашей страны и не вернуться, когда ему предоставили такую возможность.

— Вы еще и Бродского вспомнили, — улыбнулась Нащекина. — А он любил Ленинград. Вы помните его стихи «На Васильевский остров я приду умирать».

Дронго, любивший стихи Бродского, улыбнулся ей в ответ. Богемскому такое

вмешательство очень не понравилось, но он не стал спорить.

— Он умер в Америке, а был похоронен в Венеции, — сухо и немного ревниво напомнила Чаговец. Она видела, как относятся мужчины к ее более симпатичной коллеге. И вступилась за Богемского.

— И на этом основании его можно считать предателем? — весело поинтересовался Машков. — Вам не кажется, что Бродский уже давно стал такой величиной в мировой культуре, что нам не стоит обсуждать его поведение.

— Я только хотел заметить, что знакомство с Ахматовой не сделало из него патриота, — ответил Богемский.

Дронго не хотел вмешиваться, понимая, что лучше молчать. Но Нащекина не стала молчать.

— Иногда я начинаю понимать, почему Бродский не вернулся обратно, — негромко сказала она. Но так негромко, чтобы ее услышал Богемский.

— В вас по-прежнему сидит сотрудник Пятого Управления, — мягко заметил Полухин, обращаясь к Богемскому, — вы ведь тогда курировали деятелей культуры и литературы?

Пятое Управление КГБ СССР занималось вопросами творческой интеллигенции, идеологии и диссидентами. Позднее оно было переименовано в Управление защиты конституционного строя. Сотрудники Первого Главного Управления КГБ СССР, то есть специалисты из внешней разведки, традиционно не любили своих коллег из Второго Главного Управления, из контрразведки. Но еще больше не любили сотрудников Пятого Управления, многие из которых занимались, по их мнению, внутренней цензурой, что соответствовало действительности.

— А вы считаете, что все было правильно? — разозлился Богемский. — Они развалили страну, растащили по частям, подорвали наш строй, отрицали

наши ценности. И я теперь должен делать вид, что ничего не произошло?

— Хватит, генерал, — поморщился Машков. — Вам ведь около пятидесяти. Откуда такая непримиримость? Мы сейчас заняты своим делом, а подобные чувства только мешают установлению истины. — Чтобы перевести разговор на других кандидатов, он снова обратился к Полухину: — А других двоих вы знаете?

— Я о них только слышал. Виммер, по-моему, был специалистом по диверсионной работе, а Гейтлер — руководитель аналитического управления. Он часто работал с нашими сотрудниками, особенно с четвертым отделом, занимавшимся немецкой проблематикой, и с двумя управлениями ПГУ.

— Какими?

— Управлениями «Т» и «Р». Первое занималось активными действиями за рубежом, второе — оперативным планированием и анализом.

— Серьезная рекомендация, — заметил Машков. — Нужно найти людей,

которые работали с Виммером и Гейтлером.

— Гейтлера можно исключить, — неожиданно сказала Нащекина.

— Он тоже вырос у нас? — нехорошо улыбнулся Богемский.

— Как ни странно, да. Родился в Советском Союзе, кажется, в Уфе, в сорок втором.

— Он, наверное, вырос вместе с Пастернаком, — зло пошутил Богемский. — И по этой причине мы должны его тоже исключить из списка подозреваемых?

— Ценю ваше чувство юмора, — заявила Нащекина, — но причина гораздо более прозаичная. По нашим сведениям, он погиб. Попал в автомобильную аварию. Его машина свалилась с моста.

— Когда это произошло? — заинтересовался Машков.

— Тридцатого октября, — ответила Нащекина, — мы все проверили. У него был старый автомобиль. Случился сердечный приступ, и машина свалилась в реку. Автомобиль достали, труп опозна-

ли. Провели вскрытие, все подтвердилось. Ему было уже за шестьдесят.

— Тогда нужно исключить его из нашего списка подозреваемых, — согласился Машков.

— Не нужно, — вдруг подал голос Дронго.

— Что? — Все повернулись в его сторону. Многие уже привыкли, что он молчит, не вмешиваясь в общие разговоры.

Богемский нахмурился. Он вообще считал, что этого постороннего человека нельзя пускать на столь ответственные совещания. К тому же этот тип мог узнать детали работы совместной группы, о которых никто не должен был знать.

— У вас есть какая-то своя идея? — неприятным голосом осведомился Богемский.

— Такие совпадения случаются очень редко, — пояснил Дронго, стараясь не обращать внимания на недовольство генерала из Службы Безопасности, — или

вообще не случаются, когда речь идет о таких профессионалах.

— Поясните, пожалуйста, — попросил заинтересовавшийся Полухин.

— Посмотрите, что получается. Второго октября Уорд Хеккет отказывает некому пану Дзевоньскому. Двадцать седьмого октября офис Хеккета получает своеобразную «посылку» в виде бомбы. Они считают, что Хеккет должен умереть, но он всего лишь тяжело ранен, по версии самого Уорда Хеккета. Тридцатого октября, ровно через три дня после этого, погибает генерал Гейтлер. А еще через несколько дней в госпитале святого Георга убивают двойника Хеккета. Они могли пойти на такое только в том случае, если вопрос с преемником Хеккета уже решен и они готовы рискнуть, чтобы заставить опасного свидетеля замолчать навсегда.

— У тебя все? — спросил Машков.

— Нет, не все. Если учесть, что Гейтлер родился в России и должен знать

русский язык, как родной немецкий, то это уже очень интересный факт. Насколько я сумел понять, он еще является и крупным специалистом в области анализа информации. Я думаю, что он может быть тем самым профессионалом, которого мы пытаемся вычислить. Нужно срочно лететь в Германию и выяснять все на месте.

Машков посмотрел на остальных офицеров, сидящих за столом. Все молчали, никто не стал возражать. Даже Богемский.

— Предлагаю проверить, — сказал Машков в полной тишине. — Отправить нашего эксперта вместе с полковником Нащекиной в Берлин для проверки этой версии на месте. Вы ведь хорошо владеете немецким языком, Эльвира Марковна?

— Да, — кивнула она.

— Тогда решили. Завтра вылетите в Берлин.

— Завтра суббота, — возразила Нащекина. — Может, лучше послезавтра?

Мы успеем ознакомиться с его личным делом.

— Хорошо, — согласился Машков, — тогда послезавтра. Мы свяжемся с нашим посольством, чтобы вам оказали содействие.

Дронго глянул на свою напарницу. И вспомнил ее слова про Бродского. С ней ему будет гораздо интереснее, чем с Богемским. Хорошо, что тот не знает немецкого языка.

ГЕРМАНИЯ. БЕРЛИН
13 ДЕКАБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Им заказали номера в очень недорогом отеле, расположенном в самом центре Берлина, недалеко от посольства России. Отель назывался по имени улицы, на которой находилось посольство — «Унтер-ден-Линден». Комнаты были небольшие, узкие, вытянутые. Дронго вспомнил, что однажды уже останавливался в этом отеле четыре года

назад. Но ничего не сказал своей напарнице, считая невозможным поменять отель и переехать в другое место, оставив женщину одну.

Он еще помнил те времена, когда в конце этой улице, у Бранденбургских ворот, находилась государственная граница, разделяющая Берлин на Восточный и Западный. Помнил, как пограничники стояли у стены, разделившей всю Европу пополам. Рейхстаг был на Западной стороне, с Восточной были видны лишь его купола. Иногда, попадая в Западный Берлин, Дронго подходил к этой границе с другой стороны. Он помнил эти времена. Даже спустя много лет, глядя на эти места, он испытывал некое чувство ностальгии, словно тоску по ушедшей молодости, когда возведенная в центре города стена так зримо делила весь мир на «свой» и «чужой».

Они прилетели в Берлин накануне вечером. Нащекина сухо пожелала ему спокойной ночи и прошла в свой но-

мер. Он даже не решился ей предложить где-нибудь поужинать. Хотя в самом отеле был довольно вместительный ресторан. Дронго поужинал в одиночестве и поднялся в свой номер. На часах было около девяти. Достав газеты, купленные в аэропорту, он просмотрел некоторые из них и незаметно уснул.

Проснувшись ночью, Дронго долго вспоминал, где и зачем он находится. Постоянные переезды из города в город, из страны в страну, проживание сразу в трех абсолютно разных местах, сама его работа, требующая большого напряжения, сказывалась и на его жизни. Он вдруг понял, что не может вспомнить, в каком городе находится и зачем сюда приехал. Дронго включил светильник и поднял голову. Память услужливо подсказала все остальные детали: город, страну, отель, с кем он сюда приехал, зачем и что они собираются тут делать, чем заниматься. Все это вернулось быстрее, чем можно было даже произнести. Он тряхнул голо-

вой. В первый момент Дронго еще не проснулся, поэтому и был в таком состоянии. Или ему приснилось что-то неприятное? Странно. Сны он обычно запоминал. Они были цветные и интересные. Почти каждую ночь. И еще Дронго до сих пор летал. При этом поднимаясь странным образом, лежа на спине, словно вертолет, вращая руками. Он поднимался над людьми, замечая их изумленные взгляды, летал по комнатам, над деревьями, домами. Иногда полеты были сложными, он никак не мог подняться выше, иногда — легкими, он буквально парил над городами.

Дронго взглянул на часы. Было около пяти часов утра. Все правильно, как и должно быть. За последние дни он привык подниматься именно в это время, чтобы успеть подготовиться к девяти, когда за ним придет машина. Берлинские пять часов утра означали московские семь. Организм запомнил время систематического пробуждения и

дал утренний сигнал по инерции. Сказалась разница во времени.

Дронго выключил свет и снова лег. Если его предположения верны, то это генерал Гельмут Гейтлер. В последний раз генерал официально был в Москве с конца восемьдесят девятого по август девяносто первого. Тогда после провала ГКЧП многие высокопоставленные генералы «Штази» покинули Советский Союз навсегда. У него должна была остаться естественная обида на своих бывших товарищей. По воспоминаниям офицеров, работавших с Гейтлером, он говорил по-русски свободно, безо всякого акцента. У него осталось много знакомых в Москве, это минус. Но с другой стороны, такое знание русского языка, местных обычаев, традиций, условий жизни — большой плюс. Если это Гейтлер, то, возможно, этот вариант самый худший из всех, какой только может быть. Если это действительно Гельмут Гейтлер.

Он успел отсидеть в тюрьме, у него умерла жена. Такой человек должен озлобиться. Судя по его личному делу, у него больше наград, чем у любого другого генерала «Штази». Больше, чем у легендарного Маркуса Вольфа. Многие операции Гейтлера, проведенные совместно с бывшей советской разведкой, до сих пор находятся под грифом «Совершенно секретно». Дронго так и не разрешили прочитать это досье. Нащекиной — разрешили. Генерал Полухин извинился, что не может выдать документы иностранцу. Ни при каких обстоятельствах, даже в случае разрешения самого Директора СВР. Дронго его понял. Парадокс заключался в том, что он стал иностранцем в Москве, в которой вырос, в которой несколько раз учился, которую считал столицей своего государства в течение тридцати двух лет своей жизни. И вдруг в одночасье эта страна стала для него иностранным государством, после декабря девяносто первого. Все верно. Нужно принимать

исторические реалии такими, какие они есть.

Он проворочался в постели до восьми утра, уже не пытаясь уснуть. Затем поднялся, пошел принять душ и побриться. Через полчаса спустился в ресторан на завтрак. Нащекина уже сидела за столиком. Он подошел к ней.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Дронго, — как вы спали?

— Не очень, — призналась она, — переезды на меня всегда действуют. Особенно разница во времени. Я проснулась где-то в половине шестого.

— А я в пять, — улыбнулся Дронго, — вы разрешите?

— Садитесь. У нас есть еще полчаса времени. В девять утра нас будет ждать в посольстве первый секретарь Владлен Коровин.

Дронго прошел чуть дальше, выбрал себе булочку, сыр, масло, мед. Затем вернулся за столик.

— Вы так мало едите? — удивилась Нащекина.

— По утрам да, — ответил он. — Я обычно плотно ем ночью, хотя знаю, что это вредно.

— По вашей фигуре не скажешь, — заметила Нащекина, — вы хорошо выглядите.

— Это просто костюмы создают впечатление подтянутого человека. На самом деле я жутко толстый.

— Неправда. Я сама страдаю склонностью к полноте. При моем росте в метр семьдесят во мне почти шестьдесят три килограмма. Можете себе представить?

— Женщины обычно боятся говорить о таких вещах. Все что угодно, кроме своего веса. Что касается вас, Эльвира Марковна, то у вас почти идеальный вес.

— Не делайте мне комплиментов, — отмахнулась она, — мне уже почти сорок. В моем возрасте немного смешно их выслушивать.

— Больше не буду. Обещаю не затрагивать эту щекотливую тему.

Она улыбнулась.

— Зато я знаю все ваши параметры, — вдруг сообщила Нащекина.

— Не сомневаюсь, что в вашей службе на меня есть полное досье.

— Не полное, но есть. Мне говорили, что вы об этом знаете. Вы успели отличиться в стольких местах! Раньше я думала, что вас просто придумали, как некий собирательный образ. Такого человека просто не могло существовать.

— Теперь верите?

— Почти. Рост метр восемьдесят семь, вес под сто килограммов. У вас баскетбольный рост и бицепсы боксера, а лицо мыслителя.

— Просто кентавр, — рассмеялся Дронго. — Наша операция тоже попадет в мое личное досье?

— Можете не сомневаться.

— Вы меня успокоили. Приятно сознавать, что где-то фиксируются все мои поездки и расследования. Я рассчитываю, что много лет спустя их издадут отдельной книгой.

— Не издадут, — честно ответила Нащекина, — никогда.

— Жаль. А я так рассчитываю на посмертную славу.

— Можно, я задам вам личный вопрос?

— Конечно.

— Почему вы не хотите нормально оформить свои отношения с нами? Устроиться к нам на работу. Вы бывший советский гражданин, у вас есть квартира в Москве, вы известный человек. Думаю, что и с получением гражданства у вас не было бы проблем.

— Возможно. Но я не хочу ничего менять. Более всего на свете я ценю мою свободу. А если я снова вернусь куда-то на работу, мне будет сложно. Мне и так трудно вставать каждое утро в семь часов, но я очень рассчитываю, что рано или поздно мы закончим наше расследование. Можно, я тоже задам вам один личный вопрос?

— Только один, — улыбнулась она.

— Вам поручили проработать со мной этот вопрос или это была ваша личная инициатива?

У нее изменилось выражение лица. Она нахмурилась. Затем опять улыбнулась.

— Никогда больше не стану задавать вам таких вопросов. Вы бываете беспощадным.

Он не ответил. Только пожал плечами.

К девяти часам они подошли к массивному зданию российского посольства на Унтер-ден-Линден. Это был целый комплекс величественных зданий, в которых размещалось еще советское посольство. Их уже ждал первый секретарь посольства Коровин. Это был мужчина среднего роста, с прилизанными волосами, бесцветными глазами и стертыми чертами лица.

Он уже знал, по какому вопросу приехала эта странная парочка. Еще в субботу посольство получило указание из Министерства иностранных дел свя-

заться с руководством полицейского управления Берлина и помочь прибывшим гостям. Разумеется, ни Коровин, ни сам чрезвычайный и полномочный посол не могли решить такой вопрос в субботу вечером. Немцы не работали по выходным дням, и изменить это обстоятельство было практически невозможно.

Именно поэтому Дронго и его спутнице пришлось ждать почти до трех часов дня, пока Коровин решал необходимые вопросы, согласовывая разрешения поочередно с руководством полиции города, министерством внутренних дел Германии, министерством иностранных дел. Коровин, при всей его внешней бесцветности, оказался толковым сотрудником, и уже к трем часам дня они получили разрешение приехать в управление криминальной полиции и поговорить с ее руководителем Паулем Герстером.

Управление находилось в западной части города, и им дали машину. Еще

через полчаса они уже входили в кабинет комиссара Герстера, который любезно согласился принять их вместе с сотрудником российского посольства герром Коровиным. В кабинете комиссара оказался еще один человек — полный мужчина лет пятидесяти, которого Герстер представил как герра Энгеля из Министерства иностранных дел. Дронго обратил внимание, как кивнули друг другу Коровин и Энгель, понимая, что оба лишь числятся дипломатами, а работают совсем по другим ведомствам. При этом каждый знает, где именно работает другой.

— Нам сообщили о вашем желании встретиться с нами, — начал беседу комиссар Герстер. Ему было чуть больше сорока. Это был высокий, уверенный в себе мужчина.

Дронго обратил внимание на его большие руки и широкие ладони. Но он мог лишь догадываться, о чем говорит Герстер, так как не знал немецкого языка.

— Позвольте вам представить моих спутников. Это фрау Нащекина, — сказал Коровин, — а это герр... — он замялся. Затем автоматически спросил по-немецки, — как вас называть?

Дронго понял, о чем его спросили.

— Меня обычно называют Дронго, — по-русски ответил он.

— Извините, — поняла Нащекина, — я запамятовала, что вы не знаете немецкого языка. Теперь буду вашим переводчиком.

Коровин представил своего второго спутника как герра Дронго. Затем представился сам.

— У нас несколько необычная просьба, — продолжил Коровин, — мы хотим посмотреть протоколы осмотра трупа погибшего полтора месяца назад бывшего генерала «Штази» Гельмута Гейтлера.

Нащекина перевела слова Коровина Дронго. Герстер взглянул на Энгеля, и тот кивнул в знак понимания. Очевидно, немецкую сторону уже информиро-

вали о цели приезда группы экспертов из Москвы.

— Почему вас так интересует Гейтлер? — спросил Энгель. — Вы хотите узнать нечто конкретное? Вы можете рассказать нам, почему такой повышенный интерес к покойному?

Коровин взглянул на Нащекину, словно предлагая ей высказаться.

— Дело в том, что Гейтлер не совсем обычный гражданин, — пояснила она. — У нас есть определенные подозрения, что Гейтлер не погиб, а всего лишь инсценировал свою смерть. И мы хотим проверить этот факт. Учитывая его прошлое, мне кажется, такое вполне возможно.

Она хотела перевести свои слова Дронго, но тот понял их смысл и сделал знак рукой, чтобы она ничего не говорила.

— Мы тоже знаем его прошлое, — отозвался Герстер, — и поэтому проверили все обстоятельства смерти генерала Гейтлера. Он купил старую машину и

пытался на ней ездить. Но у него было больное сердце. И когда он сел за руль тридцатого октября, у него случился сердечный приступ. Машина сбила ограждение и свалилась в реку, где он и захлебнулся. Его автомобиль и труп достали, провели тщательное исследование. На вскрытии были трое патологоанатомов, наши лучшие специалисты. Все трое пришли к единому выводу. Сначала у него было резкое сокращение сердечной мышцы, он даже попытался принять лекарство. Мы нашли остатки его препарата в кабине автомобиля. И несколько таблеток у него на коленях. Пузырек лежал рядом. Абсолютно точно установлено, что он захлебнулся. Не было никакого насилия, в него не стреляли, его не душили, не убивали. — Герстер замолчал.

И тут еще несколько слов добавил Энгель:

— Для опознания тела пригласили его дочь и внука. Они подтвердили, что погибший Гельмут Гейтлер. Вопрос был закрыт.

Нащекина перевела слова обоих мужчин сидящему рядом с ней Дронго.

— Машина, — сразу сказал тот. — Он купил ее за несколько дней до аварии. Верно?

Нащекина перевела. Герстер с Эльнером переглянулись.

— Да, — ответил Герстер, — но мы считаем, что этот факт лишь подтверждает версию случайной смерти. Ведь он долгое время не сидел за рулем.

— Гейтлер взял машину, чтобы инсценировать свою гибель, — убежденно заявил Дронго.

— Вы говорите по-английски? — спросил Эльнер. И когда Дронго кивнул, спросил его уже по-английски: — Почему вы в этом так уверены?

— У нас есть факты, указывающие, что он мог решить таким образом незаметно исчезнуть из Берлина.

— Мы проверили даже зубные коронки, — возразил Эльнер, — вы же понимаете, как в нашей стране следят за

деятельностью бывших генералов «Штази».

— Ему было шестьдесят два, — напомнил Дронго, — это был подготовленный человек, бывший спортсмен. В его личном деле сказано, что он занимался теннисом, боксом, волейболом. И в этом возрасте у него неожиданно заболело сердце? Он ведь сидел в тюрьме. Вы проверяли по данным тюремной администрации, обращался ли Гейтлер хотя бы один раз за помощью к врачам по поводу болезни сердца? Хотя бы один раз?

Эльнер посмотрел на Герстера и нахмурился. Затем что-то негромко сказал, и Герстер быстро вышел из кабинета. Наступило томительное молчание.

— Его предъявляли родственникам до вскрытия или после? — поинтересовался Дронго.

— Конечно, после, — ответил Эльнер.

— Тогда понятно, почему родственники его узнали. В таком положении

трудно рассматривать погибшего. Тем более если до вскрытия он был в воде. Хотя я не исключаю, что он был очень похож. А экспертов, конечно, интересовала не его внешность, а его внутренности. Они проверяли, были ли перекрашены его волосы? И не были ли коронки поставлены недавно? Вот самые важные вопросы. А вместо этого их наверняка интересовало, от чего умер человек и состояние его внутренностей. Как и все патологоанатомы мира, они всего лишь специалисты в своей области. Им важно препарировать конкретный труп, а не узнать историю его жизни. Это просто не их дело.

— У вас разве иначе? — спросил Эльнер.

— Нет. Но именно поэтому я об этом вас и спрашиваю. Они проводят трепанацию черепа, стягивая кожу с лица. Затем потрошат тело. Я профессиональный юрист по образованию, герр Эльнер, и проходил судебную медицину в полном объеме, как и положено

выпускникам юридического факультета. А потом я много раз присутствовал на вскрытиях, к моему большому сожалению, и примерно знаю, как это делается. За Гейтлера они могли выдать совсем другого погибшего человека. Достаточно было исправить ему зубные протезы, придать некоторое сходство с генералом. А устроить сердечный приступ, насыпав таблеток в машину и сделав несчастному незаметный укол, абсолютно не трудно. Меня смущает еще одно обстоятельство. Труп попал в воду и пролежал там несколько часов. Если бы он умер в постели, это было бы не так подозрительно. Но в воде с телами происходят удивительные метаморфозы, которые они тоже могли просчитать. Не забывайте, что мы имеем дело с бывшим генералом «Штази», а они умели работать.

Нащекина и Коровин молчали. Оба не так хорошо владели английским. Нащекина — чуть лучше, Коровин — чуть хуже. Но оба поняли речь Дронго.

— Вам не кажется, что вы несколько демонизируете «Штази»? — невесело усмехнулся Эльнер.

— Мне кажется, что вы их просто недооцениваете, — парировал Дронго. — Это была одна из самых эффективных и лучших спецслужб в мире, особенно их разведка. Боюсь, у вас еще осталась эйфория после объединения Германии. Вам кажется, что вы победили и можете не обращать внимания на подобные мелочи.

Вернулся Герстер. Он что-то недовольно буркнул. Все замолчали. Дронго терпеливо ждал, когда ему наконец переведут слова хозяина кабинета. И Нащекина наклонилась к нему.

— Он ни разу не обращался за врачебной помощью. Его трижды осматривали врачи — сердце, легкие, почки, печень. Все было в идеальном порядке. Он вообще был очень здоровый человек. Но врач говорит, что потрясение после смерти жены могло сказаться на его сердце.

— Могло, — согласился Дронго. — Почему вы не провели дактилоскопирование трупа?

— Каким образом? — разозлился Эльнер. — Труп пролежал в воде почти сутки. Пока организовали спасательные работы, пока вытащили автомобиль... Или вы думаете, что в течение такого времени у него могли сохраниться достаточно четкие рисунки на пальцах? Может, нам сейчас провести эксгумацию трупа и попытаться проверить отпечатки его пальцев? После того как он полтора месяца пролежал в земле?

— Это невозможно, — заявил Герстер. По-английски он говорил с сильным акцентом. — Труп не сохранился.

— Что? — на этот раз были изумлены все, даже Эльнер.

— Нашли его старое завещание, — смущенно пояснил Герстер. — Гейтлер просил кремировать его труп.

— И вы это сделали?

— Примерно месяц назад. Мне очень жаль, я узнал об этом только сейчас.

Дронго нахмурился. Все обстоятельства были против них. Нащекина подумала, что они напрасно совершили это путешествие. Все можно было узнать из Москвы. Если трупа уже нет, значит, не может быть никаких дополнительных проверок.

— Он был дважды ранен, — вспомнил Дронго, — на его теле должны были остаться шрамы.

— Это указано в акте, — подтвердил Герстер, — два ранения. Патологоанатомы отметили рубцы на его теле.

— Все совпадает, — безжалостно добавил Эльнер, — это был Гельмут Гейтлер, как бы вам ни хотелось думать иначе.

— Мне кажется, вы просто внушили себе, что погибший мог быть другим человеком, — заметил Герстер. Он тоже понял, что приехавший эксперт не знает немецкого языка.

— Я не верю, — упрямо заявил Дронго, — таких совпадений не бывает. Я не верю, что у здорового шестидесятидвух-

летнего человека вдруг отказало сердце, именно в тот момент, когда он купил подержанный автомобиль. И точно свалился в реку. А потом вы находите его завещание, где он просит кремировать его тело. И плюс все случившееся вокруг этой странной и такой своевременной смерти. Я не верю...

— Это ваше право, — равнодушно заявил Эльнер.

— Завещание, — вспомнил Дронго. — Вы сказали — «старое завещание». Насколько старое?

— Десятилетней давности, — ответил Герстер. — Он оставил его у нотариуса.

— Тогда еще была жива его жена, — напомнил Дронго. — Какое странное завещание. Совсем как-то не по-немецки. Ведь они прожили с женой много лет. Он должен был отметить, что хочет быть похоронен рядом со своей супругой. Тем более что тогда они были живы и никто не знал, кто уйдет первым. Ее похоронили на кладбище, а его тело кремировали. Это очень не по-немецки.

— Бывает, что человек боится захоронения, — отметил Герстер, — в моей практике такое случалось. Некоторые боятся, что их похоронят живыми. Это своего рода фобия.

— У генерала «Штази» могла быть такая фобия? — не поверил Дронго. — Давайте найдем нотариуса, который фиксировал завещание. И узнаем, насколько оно «старое».

— Как вы сказали вас зовут? — спросил Эльнер. — Я, кажется, где-то про вас слышал. Вы не тот самый Дронго, о котором ходит столько легенд?

— Нет. Тот придуманный персонаж из сказки, а я реальный человек.

РОССИЯ. МОСКВА

14 ДЕКАБРЯ, ВТОРНИК

В этот вечер Гейтлер наконец сообщил Дзевоньскому, какую премьеру он выбрал. С этого момента начался новый этап их совместной операции.

— А я уже нашел человека, который может провести рекламную кампанию, — отозвался Дзевоньский, — его характеризуют как гения в области рекламы. Холмский Аркадий Яковлевич. Я попросил собрать о нем материалы. Ему шестьдесят лет. Он четырежды был женат, трое детей от разных браков. Провел несколько рекламных кампаний. У него небольшая фирма, где работает он сам и несколько сотрудников. Однако фирма лишь ширма для его истинных талантов. Он умело проводит разные рекламные кампании, в том числе пиар-акции для разного рода политиков — депутатов, сенаторов, губернаторов. Говорят, этот человек отличается поразительной неразборчивостью в средствах ради достижения своей цели. Он вхож в самые различные круги, среди его знакомых даже члены правительства...

— Возможно, подходящая кандидатура, — согласился Гейтлер, — но вам нельзя с ним встречаться. Слишком опасно. У вас есть подходящий канди-

дат? Только не говорите мне про вашего Гельвана. Он наверняка исполнительный помощник, но абсолютный кретин во всем, что касается мозговой деятельности. Нужен другой, более гибкий и толковый человек.

— У меня есть такой. Он хорошо говорит по-русски. Работает корреспондентом западных изданий в Варшаве. Я вызову его и поселю в «Метрополе», где он сможет встретиться с Холмским.

— Как его зовут?

— Ежи Курылович. Он достаточно известный журналист в Польше. Мы с ним давно знакомы.

— Он знает ваше настоящее имя?

— Разумеется, нет. Я для него пан Дзевоньский, коммерсант из Западной Европы. Почему вы спрашиваете?

— Я в который раз напоминаю вам, что решающее условие выполнения поставленной задачи — это абсолютная секретность. Ваш туповатый помощник Гельван знает о нашем существовании. Это уже неприятно.

— Мой «туповатый помощник» блестяще провел операцию по вашему «убийству», — недовольно напомнил Дзевоньский. — Тогда вы были довольны.

— Тогда да. Но я подозреваю, что он всего лишь точно выполнил ваши и мои распоряжения, что, согласен, тоже неплохо. Тем не менее он знает обо мне и знает о том, где мы с вами живем. Плюс четверо ваших «наблюдателей», плюс наши охранники, кухарка, горничная, плюс водитель, который возит меня, и водитель, который возит вас. Пальцев одной руки не хватит, чтобы всех перечислить.

— Никто ничего про нас не знает, — возразил Дзевоньский. — Только Гельван примерно представляет, зачем мы здесь. Но ничего конкретного.

— Слишком много людей, — пробормотал Гейтлер.

— Это всего лишь обслуживающий персонал. Если у меня появится малейшее подозрение в отношении кого

бы то ни было, этот человек сразу исчезнет.

— Только этого не хватает! И сразу вызовет подозрение своим исчезновением. Я забыл еще вспомнить про девушек в офисе Гельвана. Надеюсь, он не спит с ними?

— Не знаю, не проверял.

— А вы поинтересуйтесь, это будет полезно.

— Обязательно. В следующий раз установлю камеры в туалете нашего офиса.

— Не смешно, пан Дзевоньский, совсем не смешно. В вас глубоко сидит контрразведчик. Это иногда мешает. Вы считаете, что любую проблему можно решить, уничтожив носителя информации. А я считаю, что лучше самим моделировать новые ситуации и не допускать неожиданных ляпов. Все время хочу вам напомнить. Вы наверняка знаете, что на генерала де Голля было организовано более полутора десятков покушений со стороны офицеров ОАС,

не согласных с его политикой. Полтора десятков покушений, проведенных лучшими специалистами своего дела, среди которых были аналитики, снайперы, саперы, минеры, десантники, одним словом, цвет французской армии. И ни одного удавшегося. Почему?

Дзевоньский улыбнулся.

— Меня учили на других операциях, которые удались, — заявил он, — чтобы понять возможные ошибки.

— В этом ваша проблема. Вы хотите понять ошибки правительственной стороны, чтобы не допускать их впредь. А мы пытались анализировать провалы нападавших, чтобы понять, почему они провалились.

— Поняли?

— Думаю, что да. Дело не в эффективности французских спецслужб. Они работали как обычно. Пятнадцать покушений — это много, чрезвычайно много. Можно даже просчитать, что случайно они должны были добиться успеха, хотя бы в двух или трех случаях. Но ни одно-

го ранения генерала мы не знаем. За исключением того инцидента, когда пули стрелявших попали в машину и де Голль пригнул голову своей жене, заявив, что никогда не простит террористам стрельбу в женщину. Он был галантным, этот французский президент, но даже он не представлял себе, какую работу ведут его спецслужбы. А секрет был прост. Среди высшего руководства ОАС были агенты спецслужб, которые сообщали обо всех возможных покушениях. Все закончилось тем, что в шестьдесят втором году был арестован руководитель ОАС генерал Рауль Салан. И его тоже сдал кто-то из своих. Французы придумали гениальную поговорку «Предают только свои». Надеюсь, вы поняли все, что я хотел вам сказать.

— Я держу ситуацию под полным контролем. Никто не догадывается, зачем мы сюда приехали. Пока не догадывается.

— Когда ваш журналист прилетит в Москву?

— Если мы решим, то послезавтра.

— Что вы ему объясните? Почему такой интерес к конкретному спектаклю?

— Скажу, что есть некие спонсоры, заинтересованные в рекламе этого спектакля. И порекомендую ему встретиться с Холмским. Вы уже нашли подходящий спектакль?

— Нашел. Постановка Андрона Сóнчаловского во МХАТе. Он поставил там «Чайку». Я думаю, этот спектакль как раз то, что нам нужно.

— Почему именно этот? — заинтересовался Дзевоньский. — Почему вы считаете, что президент может появиться именно на этом спектакле, а не на другом?

— Элементарный расчет. Президент позиционирует себя как руководитель государства, озабоченный национальными проблемами его деятельности, в том числе и культуры. Я думаю, вы знаете, насколько сильны чувства антисемитизма в среде некоторых высших чиновников, недовольных засилием оли-

гархов — представителей определенной национальности. Разумеется, об этом не принято говорить вслух, но это заметно настолько, что становится неприличным. На бытовом уровне это чувствуется еще сильнее. В этих условиях поддержать театр, известный своими историческими и культурологическими традициями, очень важно. Плюс руководителем театра с такой историей является некто Сигаретов. В газетах пишут, что он талантливый организатор. И плюс Сончаловский. Несмотря на такую фамилию, он русский человек, я специально проверял. Сын автора национального гимна и брат известного режиссера, руководителя Фонда культуры страны. Посмотрите, сколько плюсов, один на другой. Остается изменить общее мнение газет. После первого спектакля почти все критики отметили неровную игру актеров и слабую постановку. Нужно поменять знаки. С минуса на плюс. Нужно начать активную кампанию по рекламе этого спектакля.

Везде. На телевидении, радио, в газетах и в журналах. И можно гарантировать, что наш «Субъект власти» появится на этом спектакле. Общий интерес, гарантированная ангажированность, явственная поддержка культуры. Если этот план сработает, можете рассчитывать, что наша операция получится. Но для этого ваш пан Курылович должен убедить Холмского хорошо поработать на наш план.

— Считайте, что мы уже начали, — криво усмехнулся Дзевоньский, — пан Курылович получит все необходимые средства для работы. Между прочим, насчет антисемитизма. Вы знаете, что премьер-министр этой страны еврей?

— Конечно, знаю. Но это ничего не меняет. Я умею читать газеты и чувствовать общее настроение. Многие считают, что среди олигархов слишком большое засилие людей всего лишь одной национальности.

— Также было и в Германии, в двадцатые годы, — улыбнулся Дзевонь-

ский, — тогда считалось, что все банкиры и бизнесмены евреи. Вы помните, к чему это привело?

— Никто не считает Гитлера нормальным человеком, — обиделся Гейтлер, — а фашистская идеология вообще напоминает религию умалишенных. Между прочим, насчет антисемитизма я могу и поспорить. Вы знаете, в каких государствах всегда был ярый антисемитизм? И где традиционно были самые страшные погромы? Не в Германии, дорогой пан Дзевоньский, а в Польше и на Украине. Это поляки сдавали своих соседей в гетто, это польские мальчики обстреливали камнями вагоны с еврейскими узниками, это польские «стражники» устраивали настоящие облавы на бежавших из концлагерей евреев. Есть такая арабская поговорка, что живущий в стеклянном доме не должен бросать камни в дом своего соседа.

— И вы, немец, смеете говорить мне подобные вещи? — изумился Дзевонь-

ский. — Это мы организовали концлагеря? Это мы придумали геноцид евреев по всему миру? И разве только евреев? Вы ведь, кажется, умудрились перебить еще миллионы людей других национальностей, в том числе и славян. И смеете обвинять поляков в антисемитизме.

— Мои родители были антифашистами, — сурово отрезал Гейтлер. — И родился я, как вам хорошо известно, в России. Что касается антисемитизма, то бациллы этой заразы проникают и в самые цивилизованные нации, и в самые благополучные государства. Вы знаете, что в оккупированной Франции в гестапо висели объявления, что прием заявлений по поводу евреев уже завершен. Соседи-французы так усердно доносили на евреев, что в гестапо не успевали всех забирать. Вот вам пример «цивилизованной нации».

Что касается России, то здесь ситуация несколько иная. Униженная развалом огромной страны, потерявшая свое

величие, пережившая несколько тяжелых экономических кризисов, обнищавшая страна стала питательной средой для всякого рода националистов и ультрарадикалов. На этом фоне появились невероятно богатые люди, которых хочется обвинить во всех смертных грехах. Учитывая, что среди олигархов много представителей одной нации, легко возбудить ненависть именно против нее. Так уже было в истории, пан Дзевоньский. И не один раз. Легче всего при любых трудностях найти врагов. Это могут быть евреи, масоны, католики, протестанты, мусульмане, индейцы, сикхи, славяне, кавказцы — выбор большой. Вспомните Варфоломеевскую ночь, тогда было не до евреев. Это был погром гугенотов в одном из самых цивилизованных городов мира на тот период.

— Вы меня убедили. Человечество не становится лучше, — шутя согласился Дзевоньский, — давайте вернемся к нашему плану.

— Согласен. Я надеюсь, что пан Курылович не будет информирован о моей особе. И вообще не будет знать, где мы находимся. Какую сумму вы намерены потратить?

— Думаю дать им сто тысяч долларов. Или двести.

— Лучше дайте миллион. Это самый дорогой город в Европе, здесь другие цены. Все равно четверть стащит ваш знакомый Курылович, а другую четвёрть — сам Холмский.

— Тогда дам полмиллиона и сам буду контролировать, куда они тратят деньги.

— Прекрасно. Будет еще лучше, если вы вместе с Холмским будете сами раздавать деньги. Нет, Дзевоньский, это тот случай, когда вам придется поверить им на слово. Но предупредить, чтобы воровали не слишком откровенно. Хотя говорить это всегда неприятно, когда разговариваешь с человеком, нагло и открыто ворующим у тебя деньги.

ГЕРМАНИЯ. БЕРЛИН

14 ДЕКАБРЯ, ВТОРНИК

Накануне вечером они не смогли найти нотариуса Фредерсдорфа, находившегося в Потсдаме. Дронго никак не мог успокоиться. Он чувствовал, что все совпадения носят неслучайный характер и не могут быть объяснимы с рациональной точки зрения.

Они вышли из полицейского управления в седьмом часу вечера. Коровин сухо попрощался и удалился. Дронго предложил своей напарнице пообедать и одновременно поужинать где-нибудь в западной части города, и они отправились в популярный у немцев ресторан аргентинской кухни. Нащекина попросила принести ей слабо прожаренное мясо, Дронго — сильно прожаренное. Взяли бутылку красного чилийского вина.

— Вы все никак не хотите успокоиться, — задумчиво произнесла Нащекина. — А если мы все-таки ошибаемся?

— Завтра узнаем, — отрезал Дронго. — Но я не верю в такие случайности. Почему в тюрьме он ни разу не пожаловался на сердце? А тут случился неожиданный сердечный приступ именно в тот момент, когда Хеккет отказался сотрудничать? Нужно проверить завещание и поговорить с патологоанатомами. Я не верю в случайную смерть этого человека.

— Это может быть ложный след, — заметила Нащекина, — и мы лишь зря потеряем время.

— В Москве отрабатывают и другие варианты, — возразил Дронго. — А мы должны проверить до конца этот. И убедиться, что погиб действительно Гейтлер. Или что нам подставили искусно сделанную «копию».

— Не хотите смириться со своим поражением? — спросила она.

— Я не могу успокоиться, пока не установлена истина, — пояснил Дронго. — Интуиция подсказывает мне, что Гельмут Гейтлер — идеальная кандида-

тура на роль аналитика. Абсолютно идеальная. Знание русского языка, наличие множества знакомых, наконец, возможная обида на Москву... Клубок причин. И я хочу понять, почему он попросил кремировать его тело? Откуда такое странное желание?

Нащекина промолчала. Она понимала, что Дронго прав. Но ей казалось, что установить истину, после того как тело погибшего сожгли, просто невозможно. Вечером они церемонно попрощались и разошлись по своим номерам. Утром за ними заехал Коровин и они снова отправились в управление, где их ждали Герстер и Эльнер. Нотариус должен был появиться к десяти утра с копией составленного завещания. Пока они его ждали, Дронго попросил найти врача, проверявшего зубные коронки погибшего. Герстер, которому уже начала надоедать его назойливость, нехотя согласился. Они позвонили врачу, и Дронго попросил Нащекину уточнить, какие зубные протезы были у погибшего. Она

перевела вопрос Герстеру. Тот, в свою очередь, задал его стоматологу.

— Они полностью соответствовали его карточке, которая у нас была, — заявил врач. — Не понимаю, почему это вас так волнует?

Герстер неприязненно посмотрел на Дронго.

— Все совпало с его карточкой, — сообщил он. — Мы можем даже не ждать нотариуса.

Он хотел положить трубку.

— Извините, — остановил его Дронго, — а зубные коронки были старые или новые?

Герстер понял вопрос и повторил его стоматологу.

— Новые, конечно, — ответил тот, — хотя подождите. Насколько я помню, у погибшего в карточке было отмечено, что зубы ему лечили пять лет назад, в тюремной больнице. Или даже шесть. А протезы и коронки были недавно поставленные. В этом я убежден. Но вы об этом не спрашивали.

Герстер сжал зубы. Затем посмотрел на присутствующих. Он был честным полицейским и мужественным человеком. Даже если эта версия не совпадает с его собственной, он обязан о ней сообщить.

— Коронки и протезы были новые, — коротко доложил он. — Но врач вспомнил, что в карточке были указаны совсем другие сроки.

— Почему же он не вспомнил об этом раньше? — разозлился Дронго.

— Его об этом не спрашивали. Мы просили проверить соответствие зубов погибшего стоматологической карточке Гейтлера.

Эльнер шумно вздохнул. Коровин и Нащекина обменялись понимающими взглядами. В этот момент в кабинет вошел нотариус. Это был невысокий лысоватый мужчина лет пятидесяти с характерными мешками под глазами. Он церемонно поздоровался со всеми. В руках нотариус держал большой кожаный портфель.

— Вы знаете, зачем мы вас пригласили, герр Фредерсдорф?

— Конечно. Мне вчера позвонил ваш помощник. Вы хотите узнать, есть ли у нас копия нотариально заверенного завещания герра Гельмута Гейтлера? Разумеется, есть. Подлинник мы передали семье покойного, а копию оставили себе. Мы всегда делаем копии и храним их десять лет или даже больше, если завещание оговаривает особые условия наследования. Но в данном случае была только последняя воля погибшего генерала. И кроме его дочери и внуков, нет никаких других наследников.

Нащекина перевела его речь Дронго.

— Он просил кремировать его тело? — быстро спросил Эльнер.

— Да. Там ясно указана его воля.

— Когда было составлено завещание?

— Давно. Больше десяти лет назад. Там стоит точная дата, я могу вам показать.

Нотариус полез в портфель за бумагами.

— Спросите его, не менял ли погибший завещания? — не выдержал Дронго.

Нащекина задала вопрос. Нотариус не спеша достал бумаги, положил их на стол. Затем также не торопясь достал очки, надел их и очень вежливо ответил:

— Все осталось без изменений. Только за несколько дней до своей смерти он попросил изменить пункт, касающийся захоронения его тела. Раньше они с женой просили похоронить их вместе, а в последний раз он просил его тело кремировать. Но так как общий смысл документа о наследовании в завещании не был изменен, мы сохранили старое число, когда эта бумага была составлена.

— Черт подери! — выругался Герстер. — Почему вы не сообщили об этом?

— Согласно нашим законам, мы не обязаны сообщать обо всех изменени-

ях, которые производят наши клиенты в своих завещаниях, — ответил нотариус, снимая очки. — Более того, мы можем оставить старую дату, если в завещании не изменились условия наследования, так как в данном случае закон не был нарушен.

— Вас волнуют только деньги и его имущество, — проворчал Герстер.

— Простите, герр комиссар, но вы не правы, — вежливо заметил Фредерсдорф, — дело в том, что имущество, деньги и недвижимые объекты являются частью наследства, которое должно перейти к его наследникам. Это отчуждаемая и делимая часть. Что касается собственно самого тела покойного, то оно не может рассматриваться как объект наследования. Поэтому в данном случае мы лишь фиксируем волю нашего клиента, выполнить которую могут его наследники. При этом они не обязаны этого делать, если в завещании не предусмотрены определенные санкции за невыполнение пожелания покойного.

— Спасибо, — кивнул комиссар, сдерживая гнев. — Вы поразительно хорошо все объяснили.

Нащекина едва успевала переводить.

— Вас всегда волнует только имущество клиента? — рассерженно спросил Эльнер, вскочив с места.

— Для этого мы и работаем, — резонно заметил Фредерсдорф. — Наша задача — фиксировать волю правообладателя и проследить за точным ее исполнением. Вопросы морального плана мы не обсуждаем. Клиент может высказать пожелание, чтобы его прах был доставлен на Луну или развеян в Антарктиде. Мы обязаны сообщить об этом его наследникам. Если клиент захочет, чтобы мы проследили за выполнением этого пункта, значит, мы обязаны следить. Гельмут Гейтлер всего лишь внес пункт, касающийся кремации его тела, причем в форме пожелания, а не обязательного условия для получения наследства наследниками. Мы передали его волю дочери и внукам. Они согласились. Я могу уйти?

— Конечно, — нехотя ответил комиссар.

Нотариус поднялся, сложил очки, убрал бумаги в портфель, пожелал всем доброго дня и вышел из кабинета. В наступившей тишине Эльнер пробормотал что-то невразумительное и подошел к окну. Он не хотел никак комментировать ошибки полицейских властей.

— Вы правы, — нехотя признал Герстер, обращаясь к Дронго. — Гейтлер действительно все подстроил. Изменил завещание, нашел человека, которому были имплантированы его зубные протезы и коронки, купил нужную машину, разыграл сердечный приступ с падением в воду. Вы правы, герр Дронго, — повторил комиссар, — мы недооценили этого старого разведчика. Он оказался гораздо умнее всех нас. — Он произнес эти слова по-немецки и терпеливо подождал, когда Нащекина переведет его слова.

— Гейтлер был специалистом по делам именно такого рода, — великодуш-

но отозвался Дронго. — Так что нет ничего удивительного в том, что он так безупречно разыграл свою «смерть». Если бы не другие факты, мы тоже поверили бы в эту неожиданную аварию.

— Какой профессионал! — восхищенно добавил по-английски Эльнер. — И почему только они так глупо себя ведут? Мы стольким генералам «Штази» предлагали работать с нами. И все отказываются.

Дронго, глянув на него, неожиданно спросил:

— Вы переехали в Берлин с Запада?

— Да, из Бонна. А как вы догадались?

— Спросите лучше ваших руководителей, почему эти генералы не хотят с вами сотрудничать. Может, дело в том, что они вам не верят и не очень вас любят? Может, они считают, что таким невероятным образом сохраняют верность той стране и той разведке, которых уже нет и которым они однажды присягали? Вам никогда не приходило в голову такое объяснение?

РОССИЯ. МОСКВА

16 ДЕКАБРЯ, ЧЕТВЕРГ

Курылович не был в Москве три года. Он неплохо говорил по-русски, знал литовский и украинский языки. Каждый раз попадая в Москву, он невольно изумлялся концентрации невероятного богатства и демонстрации роскоши. Ни в одном европейском городе не было таких заоблачных цен в отелях, ресторанах и модных бутиках, которые, однако, никого не удивляли.

Его пригласил в Москву соотечественник, бизнесмен из Бельгии, пан Дзевоньский. Заказал для него номер в одном из лучших московских отелей — «Метрополе» и согласился оплатить билет. Если учесть, что командировочные должны были составить неплохую сумму, то ничего лучшего Курылович не мог и придумать. Он знал Дзевоньского с девяносто восьмого года. Говорили, что этот бизнесмен из Брюсселя занимался нелегальной торговлей оружия,

имел сомнительные сделки с итальянской мафией и даже был связан с бывшими сотрудниками спецслужб Польской Республики, но все это были слухи, на которые Курылович не обращал никакого внимания. Он несколько раз пересекался с паном Дзевоньским, когда нужно было подготовить конкретный материал для польской печати. Дзевоньский платил хорошие деньги, а Курылович выполнял поставленные задачи. Иногда у заказчика были странные просьбы. Например, передать в центральную газету статью о бывших сотрудниках спецслужб или, наоборот, опубликовать статью о прошлом двух известных польских бизнесменов. Одним словом, у Дзевоньского бывали разные планы, но Курылович никогда не задавал ненужных вопросов. Он только выполнял его поручения.

В «Метрополе» ему отвели одноместный номер и назвали цену, превышающую пятьсот долларов. Услышав ее, Курылович чуть не упал у стойки, но любез-

ный администратор успокоил его, пояснив, что номер оплачен за неделю. Курылович облегченно выдохнул. Таких денег у него с собой просто не было. Вечером в отель приехал сам пан Дзевоньский. Они поужинали в ресторане, разговаривая на разные отвлеченные темы. Курылович понял, что его собеседник не хочет ни о чем говорить в отеле. Это его обрадовало. Значит, задание будет сложным и немного секретным. А за такие задания Дзевоньский платил двойную цену. Курылович честно пересказал все последние польские новости. После десерта оба вышли на улицу и стали прогуливаться перед отелем. Курылович был среднего роста, рыжеватый, с одутловатым лицом, немного выпученными глазами, полными губами и курносым носом. Даже в самых дорогих костюмах и галстуках он умудрялся выглядеть помятым и неопрятным.

— У меня к вам важное дело, Курылович, — начал Дзевоньский. — Мне нужно, чтобы вы встретились с одним человеком, который является руководителем

небольшого рекламного агентства. На самом деле это всего лишь ширма для его деятельности. Весьма бурной деятельности. Он гарантированно может разместить во всех центральных газетах нужные материалы, чтобы кого-то развенчать или, наоборот, поднять до небес. В общем, это «местный Курылович», если хотите. Его зовут Аркадий Яковлевич Холмский. Мне важно, чтобы вы с ним встретились и обговорили все условия нашей сделки.

Курылович слушал внимательно. Он не знал, что за ними наблюдают сразу несколько сотрудников Дзевоньского. Комплимент ему понравился, и он улыбнулся.

— Необходимо убедить Холмского провести рекламную акцию в поддержку конкретного спектакля, о котором я вам скажу. Нужно, чтобы в течение месяца во всех газетах, журналах, на телевизионных каналах, по радио звучала реклама этого спектакля. Не открытая реклама, а скрытая. Чтобы высказывались

критики, восторгались зрители, обсуждали режиссеры. Вы все понимаете?

— Какой спектакль? — деловито спросил Курылович.

— «Чайка» Чехова, — улыбнулся Дзевоньский.

— Что? — изумился журналист. Он был уверен, что его вызвали для рекламы какого-нибудь американского мюзикла.

— Постановка Андрона Сончаловского в Московском Художественном театре. Нужны материалы на тему, насколько интересна интерпретация этого спектакля и как важно его увидеть. Вы все поняли?

— Конечно. Вы были спонсором спектакля? — не удержался от вопроса Курылович.

— Ненужный вопрос, — покачал головой Дзевоньский.

— Извините, — торопливо сказал Курылович. — Я понял задачу. Нужна скрытая реклама спектакля. И для этого необходимо встретиться с паном Холмским. У вас есть его координаты?

— Есть. Но он достаточно известный человек, и поэтому я не дам вам его координат. У вас есть неделя, чтобы с ним встретиться и договориться. Ваш отель я оплатил. Сколько стоил ваш билет?

— Шестьсот долларов, — сделал скорбное лицо Курылович. Он не стал сообщать, что купил билет за триста.

— Вот вам пять тысяч долларов за билет и на расходы, — достал из кармана деньги Дзевоньский.

Согнутая пачка долларов быстро оказалась в руке Курыловича. Он широко улыбнулся. На таких условиях Курылович был готов рекламировать даже пребывание в аду.

— Вам нужно выйти на Холмского и заказать скрытую рекламу этого спектакля. Пусть он сам назовет ее цену. Узнайте, сколько он хочет, и сообщите мне по телефону. Я оставляю вам мобильный аппарат для связи. У вас есть еще вопросы?

— Никаких, — радостно ответил Курылович, — хотя нет, есть один. Я могу

посмотреть спектакль или это не обязательно?

— Вам не обязательно. Но если хотите, пойдите и посмотрите. Мне лично все равно.

— Спасибо. Я все понял.

— И учтите, Курылович, это очень важное задание. Если вы с ним справитесь, мы, возможно, начнем работу на постоянной основе. Вы все понимаете?

— Безусловно. Я всегда рад на вас работать, пан Дзевоньский. Можете не волноваться, все будет сделано аккуратно и вовремя. Какой срок?

— Чем быстрее, тем лучше. Будет прекрасно, если рекламная кампания начнется сразу, как только вы договоритесь с Холмским. И учтите, вам нужно самому выйти на этого Холмского. Чтобы вас представил ему человек, которому он доверяет. Или хотя бы которого знает.

— Сделаю, — самоуверенно откликнулся Курылович. — У меня полно знакомых в Москве.

— До свидания. — Дзевоньский повернулся и пошел к подземному переходу.

Курылович сжал пачку денег в кармане. Доллары приятно согревали пальцы. Пять тысяч долларов на семь дней! Можно потратить несколько сотен на еду, остальные он отложит. Как приятно, что именно к нему обратился пан Дзевоньский. Он ведь мог сам позвонить этому Холмскому. Интересно, каким будет рекламный бюджет? При большом бюджете от него можно будет немного отщипнуть. Это тоже приятный довесок к его работе. Курылович улыбнулся. Жизнь была прекрасна.

РОССИЯ. МОСКВА
16 ДЕКАБРЯ, ЧЕТВЕРГ

В Москву они вылетали утром. Коровин провожал их в аэропорту. Он был задумчив и как-то подавленно молчал почти все время. И лишь когда они по-

шли на посадку, вдруг обратился к Дронго:

— Откровенно говоря, я считал, что вы только перестраховываетесь. Хотите проверить все до конца. Даже злился, что вы приехали. Они ведь уверяли меня, что все в порядке. И вскрытие было, и его зубы проверяли. А оказалось — все обман. Теперь на всю жизнь запомню, как вы смогли настоять на своем. До свидания.

Уже в салоне самолета Нащекина обратилась к Дронго:

— А вы умеете создавать о себе легенды. Теперь Коровин и эти господа из полицейского управления будут уверены, что имели дело с абсолютно непредсказуемым аналитиком, который блестяще доказал им свою правоту.

— А вы как считаете? — лукаво спросил он.

— Вы хотите, чтобы я начала вам льстить?

— Не хочу. Но и не вижу в этом ничего необычного. Я вспоминаю рассказ

одного американского фантаста. Кажется, Азимова или Брэдбери, сейчас уж точно не вспомню, кого именно. Там шла речь о невероятном космическом разуме, вобравшем в себя все знания Вселенной. Но этот разум оказывается бесполезным, так как никто из прибывших не может нормально сформулировать для него вопрос. И делается гениальный вывод из этой парадоксальной ситуации: чтобы задать правильный вопрос, нужно хотя бы отчасти знать на него ответ...

— И вы всегда знаете ответ? — усмехнулась Нащекина.

— Не всегда, — сознался Дронго, — но стараюсь помнить об этой притче. Беда людей заключается в том, что они мыслят привычными категориями, не пытаясь выйти за рамки своей профессии. Что интересовало полицейское управление? От чего умер Гейтлер? Как он умер? Был ли у него сердечный приступ? Является ли найденное тело трупом погибшего генерала? В общем,

обычные вопросы, которые всегда задают в таких случаях полицейские следователи. И еще они проверили его зубные протезы, пригласили на опознание родственников, убедились, что шрамы на найденном теле соответствуют ранам, полученным Гейтлером. В этом и состояла ошибка работников полиции.

Сердечный приступ, конечно, был создан искусственно. Очевидно, несчастному сделали укол, сокративший его сердечную мышцу. Затем насыпали в кабину машины таблетки, бросили туда пузырек, создав видимость, будто человек боролся с приступом. Несчастного задушили в воде, чтобы создать полную иллюзию. Затем усадили в машину и столкнули вместе с ней в реку.

Нужно было поставить перед патологоанатомами совсем другие вопросы. Я уверен, что если бы они не проводили обычное вскрытие, а проверили бы рубцы на теле погибшего, то быстро установили бы, что они свежие и никаких внутренних повреждений от его ране-

ний нет. Теперь зубные протезы и коронки. Они сравнили его челюсти с сохранившимся у стоматолога снимком и убедились, что они совпадают. Но этого было мало. Нужно было задать всего один элементарный вопрос: у погибшего новые протезы или старые? Почему все зубы у трупа оказались только-только обработанными? Разве не ясно, что это вызвало бы как минимум подозрение. И наконец, необычное завещание Гейтлера. Когда мне про него сообщили, я уже был уверен, что мы правы.

— Почему? — заинтересовалась Нащекина.

— Этот человек долгие годы скрывался от германского правосудия. Если бы он захотел, никто никогда его не нашел бы. Тем более что сами немцы уже не очень охотно ищут представителей бывшей ГДР, о которой многие начали забывать. Но Гейтлер узнал, что его жена смертельно больна, и вернулся. Правда, не успел застать ее в живых, она умерла. Но он поехал на кладбище, что-

бы с ней проститься. И этот человек, который так относился к своей жене, мог больше десяти лет назад написать завещание, в котором просил бы, чтобы его тело сожгли? Почему он не завещал похоронить себя рядом с женой? Тем более что тогда они оба были живы. Здесь произошел обычный парадокс. У полиции свой взгляд, у нотариуса — свой. Полицейским было важно узнать, когда было составлено завещание. Нотариус сообщил, что больше десяти лет назад. Все остались довольны. Никто не нарушил закона. Сотрудники полиции отдали тело родственникам, разрешив его кремировать. Нотариус не стал уточнять, что пункт, касающийся захоронения, завещателем был изменен. Формально нотариус был прав. Ведь основное завещание, составленное много лет назад, не изменялось. Поменялся всего лишь один пункт. Нотариус не обратил на него внимания, потому что в нем речь шла не об имуществе. А полиция была обязана проверить именно

этот пункт. Но мне стало ясно, что необходимо еще раз поговорить с нотариусом, который и подтвердил мое предположение. Тут, можно сказать, сработало все: немецкая сентиментальность, немецкая педантичность, немецкая аккуратность. Учитывая ментальные особенности этого народа, можно было выстроить некое заключение.

— Ясно. — Нащекина улыбнулась, откинувшись на спинку кресла. — Может, они правы, и вы действительно герой из сказки?

— Тогда Иванушка-дурачок, — парировал Дронго, закрывая глаза.

Она посмотрела на него, но больше ничего не сказала. Дронго сидел с закрытыми глазами, пока самолет поднимался в небо. Через два часа они были в Москве.

На следующее утро Машков собрал всех, входящих в группу. Они выслушали невероятное сообщение Нащекиной — Дронго любезно предоставил говорить ей. Нужно отдать должное его

напарнице, она не скрывала, что их успех был достигнут благодаря настойчивости Дронго. Богемский недовольно морщился, пока ее слушал. Все остальные часто поглядывали на Дронго.

— Можно сделать вывод, — закончила Нащекина, — что генерал Гейтлер умело инсценировал свою гибель. Мы в этом уверены. При этом ему явно помогали толковые и способные помощники. Мы не можем исключить и того факта, что бывший генерал «Штази» в настоящее время находится в Москве.

— Пограничники уже проверяют, — сообщил Машков, — но пока никто похожий на Гейтлера не пересекал нашей границы и не оставался в нашей стране надолго. Правда, пока мы проверяем только московские аэропорты и вокзалы. На проверку всей страны понадобится гораздо больше времени.

Все молчали, понимая масштабность задачи.

— Я считаю, что мы не имеем права зацикливаться на этой версии, — вдруг

подал голос Богемский. — Прямых доказательств все равно не существует. Новые зубные протезы и измененный пункт в завещании — еще не прямые доказательства.

— Что вы предлагаете? — спросил Машков.

— Продолжать проверку, — твердо произнес Богемский.

— Правильно, — поддержала его Чаговец.

— Мне кажется, что фактов насчет Гейтлера вполне достаточно, — тактично заметил Полухин.

— И мне так кажется, — вставила Нащекина.

Машков оглядел собравшихся.

— Продолжаем поиски, — решил он. — Вся группа по-прежнему работает под моим руководством. Алексей Николаевич, а вас попрошу заняться поисками генерала Гейтлера. По моим сведениям, у него в Москве много знакомых, поговорите с ними, проверьте всех...

— Вы знаете, кто встречался с ним два раза? — вдруг спросил Полухин. — Нам удалось установить невероятные факты. Гейтлер дважды встречался с нашим президентом в Германии. Они лично знакомы.

— Интересно, — задумался Машков. — И все-таки будем продолжать проверку. Если это Гейтлер, то мы его обязаны найти. Если другой, значит, мы должны вычислить его. Вопросы есть?

Все молчали.

— И поблагодарим нашего эксперта, — вдруг добавил Машков.

Дронго изумленно взглянул на генерала. Что происходит? В глазах многих было откровенное недоумение.

— Приглашенный в нашу группу эксперт Дронго прекрасно поработал, — продолжал Машков, стараясь не смотреть в глаза своему другу. — Я думаю, будет правильно, если мы выразим ему благодарность от имени всей группы и пожелаем дальнейших успехов в его трудной деятельности.

Он первый зааплодировал, по-прежнему не глядя на Дронго. Остальные зааплодировали следом за ним.

— Спасибо, — сказал Машков, все еще избегая смотреть в глаза другу. — Мы благодарим вас, господин Дронго. Вы можете быть свободны. — Он даже перешел на «вы», настолько ему было стыдно.

Дронго понял, что ситуация изменилась. Пока он ездил в Германию, здесь что-то произошло. Не в его пользу. Он поднялся и сказал:

— Спасибо за доверие. Надеюсь, вы сумеете найти этого генерала. До свидания.

Машков сделал вид, что хочет протянуть ему руку, но Дронго повернулся и пошел к двери. Все подавленно молчали. Нащекина встала, пытаясь выйти следом за ним, но ее остановил предостерегающий взгляд генерала.

Вечером этого дня в квартире Дронго раздался звонок. Он пошел открыть дверь, точно зная, что это приехал Вик-

тор Машков. И, открыв дверь, посторонился, чтобы тот мог войти.

— Обиделся? — спросил Машков, снимая пальто.

— Обрадовался, — зло парировал Дронго.

Они прошли в гостиную. Машков сел в кресло. Дронго — напротив.

— Напрасно обижаешься, — мягко заметил генерал, — я думал, что ты все поймешь.

— Что я должен понять? Что вы меня выгнали?

— Мы не могли иначе. Богемский все время докладывал, что в группе присутствует иностранец, не имеющий права доступа. А тут еще и сообщение Нащекиной.

— Какое сообщение? Она тоже хотела, чтобы меня выгнали?

— Наоборот. Она прислала из Берлина восторженное послание. Расписала тебя как настоящего гения. Это насторожило руководство. Меня вызвали и прямо спросили: почему я держу такого

опасного и подозрительного аналитика со столь выдающимися способностями в своей группе? Ведь он может узнать все секреты охраны, всю закрытую информацию, а потом его перекупят другие. Формально они правы. Ты иностранец, частный детектив. Работаешь на того, кто больше заплатит.

— Ты специально приехал, чтобы сообщить мне эти гадости? Неужели ты не узнал меня за столько лет?

— Я-то узнал, а они не знают. В общем, я получил приказ, а у нас приказы не обсуждаются. Директор ФСБ приказал убрать тебя из группы, как только ты вернешься в Москву. Скажи спасибо, что еще не установили наружное наблюдение.

— Спасибо.

— В общем все. Тебе спасибо за все и можешь обо всем забыть. А еще лучше уехать куда-нибудь в Италию к семье или в Баку. У вас, наверное, там сейчас хорошо, тепло.

— Я так и сделаю.

— Ну хватит обижаться. Я ничего не мог поделать. Приказ есть приказ.

— Ты мог бы попытаться объяснить.

— Что можно объяснить, когда дело касается безопасности президента? Ты сам-то понимаешь, что говоришь? Кто меня станет слушать?

Дронго промолчал. Он чувствовал себя не обиженным, а раздавленным.

— У тебя есть что-нибудь выпить? — вдруг спросил Машков.

— Есть, — ответил Дронго. — Что тебе больше нравится: коньяк, текила, виски, вермут, кампари, джин?

— Обычная водка. И принеси два стакана, чтобы мы могли выпить вместе.

— Старый алкоголик, — вздохнул Дронго, — а еще генерал! Хочешь меня споить?

— Очень хочу.

— Только учти, я не могу просто так пить водку. Я буду смешивать ее с томатным соком и выжимать туда лимон.

— Хоть ананас, — великодушно разрешил Машков, — неси бутылку.

В эту ночь генерал Машков уехал домой в третьем часу ночи. И Дронго впервые в жизни почувствовал, что у него кружится голова от выпитого алкоголя. Он помыл голову и отправился спать, чувствуя, что ему отказывают ноги.

РОССИЯ. МОСКВА
18 ДЕКАБРЯ, СУББОТА

В элитный джаз-клуб «Золотой Овен» Курылович приехал не один. Он был с молодой женщиной, с которой познакомился в ресторане «Метрополя». Нина была неотразима — длинные ноги, высокая грудь, стройная талия. Когда он подавал ей шубу, то чуть не вскрикнул от удивления. Поразительно, но в Москве элитные проститутки одевались в стриженную норку или шиншиллу. В Варшаве такие шубы мог-

ли себе позволить только жены самых богатых бизнесменов. Даже супруги ведущих политиков не могли рассчитывать на подобные знаки внимания от своих мужей. Нина Курыловичу понравилась сразу. Он с удовольствием пригласил ее за свой столик, хотя и помнил, что вечером должен быть в клубе, где его обещали познакомить с Холмским. Два дня пребывания в Москве сказались на его кармане. Он умудрился потратить более трех тысяч долларов. Ему пришлось позвонить Дзевоньскому и объяснить, что затраты значительно выросли. Дзевоньский благосклонно пообещал возместить все расходы.

Нина сразу поняла, что ее новый знакомый живет в этом отеле, что само по себе было неплохой рекомендацией. А он сразу понял, чем она зарабатывает себе на жизнь. Договорились они быстро. Она попросила пятьсот долларов, и он согласился. За ужин пришлось заплатить еще около трехсот: Нина выбрала самые дорогие блюда из омаров и

крабов. Пришлось стерпеть. Но он не успел подняться с ней в свой номер — торопился попасть в «Золотой Овен» до девяти вечера, чтобы застать там Холмского.

В половине девятого Курылович вызвал машину и вместе со своей спутницей поехал в джаз-клуб. Она была взволнованна и в салоне автомобиля все время лезла к нему, пытаясь продемонстрировать свои профессиональные качества. Он легко оттолкнул ее, ему не нравилась такая вольность. Курылович был мошенником и прохвостом, но в отношениях с женщинами старался соблюдать определенные нормы приличия. Или просто был брезглив. Бог не наделяет человека всеми добродетелями, как не наделяет и всеми пороками сразу.

В клубе было весело и тепло. Курылович и его спутница прошли к заказанному столику. Для начала он попросил джин-тоник для себя и коктейль для своей спутницы. Она была верна себе —

выбрала коктейль за сорок долларов. Курылович, глянув на карточку цен, подумал, что за такие деньги в его городе можно чудесно пообедать вдвоем. Он сразу узнал Холмского, сидевшего в углу и, очевидно, кого-то поджидающего. Этот кто-то появился через пятнадцать минут. Курылович его тоже узнал. Популярный журналист Бенедиктов приехал в клуб по договоренности с Курыловичем. Они познакомились накануне на приеме в Московском нефтяном клубе. Вице-президент клуба Сабиров познакомил Курыловчиа с Бенедиктовым. Если учесть, что сам Курылович познакомился с вице-президентом клуба только утром, то такое знакомство оказалось весьма полезным. Бенедиктов пообещал представить его Холмскому и даже помог купить два билета в этот джаз-клуб.

Увидев Курыловича, Бенедиктов приветливо помахал ему рукой. Курылович пошел к столику Холмского, предупредив свою спутницу, чтобы та тер-

пеливо его дожидалась. Еще через полчаса Бенедиктов ушел и они остались одни. Холмскому было лет шестьдесят. У него были темные редкие волосы, коротко подстриженные усы и бородка. Он сразу осознал, что этому приехавшему поляку что-то нужно, и поэтому почти не пил, ожидая, когда Курылович начнет разговор, ради которого и появился в этом клубе. И дождался.

— Я много слышал о вашей успешной рекламной деятельности, — осторожно начал Курылович. — Говорят, вы имеете связь со всеми крупными рекламными агентствами Москвы.

— Не со всеми, — благодушно заметил Холмский, — но некоторые связи у меня есть.

— Мне рекомендовали именно вас, — любезно сообщил Курылович, — говорят, вы — настоящий гений в этой области.

— Не нужно столько комплиментов, — ласково заметил Холмский, — что вы хотите?

— Мне нужно провести рекламную кампанию, — пояснил Курылович, — поместить несколько сообщений в газетах и на телевидении.

— В чем проблема? — удивился Холмский. — Если у вас есть деньги, никаких проблем. Сейчас везде есть рекламные отделы. Можете заплатить и разместить там вашу рекламу.

— Не подойдет, — весело ответил Курылович. — Мне нужна другая реклама. Скрытая. На телевидении и в газетах. Нужны статьи, передачи, сообщения, замечания, новая информация.

— О какой рекламе идет речь? — деловито осведомился Холмский. — Какой-нибудь залежалый товар? Электроника? Продукты? Лекарство?

— Спектакль. Обычный спектакль в театре.

— Неужели спектакль? — поморщился Холмский. — Наверное, кто-то из ваших соотечественников — спонсор этого спектакля? Тогда понимаю. Но любой спектакль стоит меньше, чем нужно

денег на скрытую рекламу. Поверьте мне, дорогой пан... кажется Курылович. Спектакли просто не стоят таких денег.

— И тем не менее мне рекомендовали именно вас, — твердо повторил Курылович. — Мне нужна ваша помощь, господин Холмский.

Холмский пожал плечами. Этот странный поляк его забавлял. Наверное, он просто не знает московских цен. И не совсем понимает, куда приехал.

— Скрытая реклама стоит не меньше ста тысяч долларов, — снисходительно пояснил он. — И это только начало. Чтобы провести хорошую кампанию, нужно заплатить в несколько раз больше. Неужели ваш спонсор захочет платить такие деньги? Он ведь не продает бриллианты или самолеты. А за спектакль такие деньги еще никто не давал. Можно заплатить десять тысяч долларов хорошему журналисту за одну статью. Или за две. Это дорого, но журналист сам договорится с главным редак-

тором. И если хотите, я вам даже помогу. Но рекламная кампания будет стоить очень дорого.

— Назовите окончательную сумму, — выдохнул Курылович, облизывая сухие губы.

— Четыреста тысяч долларов, — усмехнулся Холмский, — а лучше пятьсот. У вашего доверителя есть такие деньги?

— Вы можете немного подождать? Я должен поговорить с моим другом.

— Десять минут достаточно?

— Вполне.

— Тогда я подожду.

Курылович поднялся и пошел в мужской туалет. Он заметил, как Нина отчаянно флиртует с каким-то бородатым молодым человеком.

«Шлюха», — зло подумал Курылович, входя в туалет и доставая аппарат. Он прошел в кабинку, закрыл дверцу и набрал номер. Дзевоньский ответил сразу.

— Я вас слушаю. — Курылович не мог знать, что это был аппарат Дзевонь-

ского, номер которого знал только он один и который был специально куплен для разговора с единственным собеседником — Ежи Курыловичем.

— Я встретился с нашим знакомым, — сообщил Курылович, — он просит нереальную сумму. Четыреста или пятьсот тысяч. Мне кажется, что нужно найти другого специалиста...

— Соглашайтесь, — сразу велел Дзевоньский, — на пятьсот тысяч.

— Вы меня не поняли, — занервничал Курылович, — речь идет не о рублях, а о долларах.

— Я еще не идиот, Курылович, — раздраженно заметил Дзевоньский, — конечно, в долларах. Скажите ему, что мы согласны. Завтра получите деньги наличными. Пусть даст расписку.

— Пятьсот тысяч долларов, — ошеломленно повторил Курылович, — за рекламу какого-то спектакля?

— До свидания. — Дзевоньский отключился.

Курылович вышел из кабинки, подошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение. У него был явно растерянный вид. Он умылся, чтобы немного успокоиться. Достав платок, вытер лицо и вышел из туалета. Нины нигде не было. Она уже получила свои пятьсот долларов и вполне резонно решила, что проведенные три часа в обществе Курыловича вполне окупили эти деньги. В эти три часа вошли совместный обед и поездка в джаз-клуб. Она даже немного «переработала», дожидаясь клиента еще полчаса за столиком. А теперь уехала с другим. Курылович подошел к Холмскому.

— Кажется, ваша дама вас не дождалась, — меланхолично заметил тот.

— Возможно, — согласился Курылович. — Мы согласны.

— Я позвоню вам и сообщу имя журналиста, кому вы сможете заплатить десять тысяч, — сказал Холмский, собираясь подняться.

— Нет, — остановил его Курылович. — Вы не поняли. Мы согласны вам запла-

тить. Четыреста пятьдесят тысяч долларов. — Он решил, что десятипроцентная скидка ему просто положена. И эту разницу можно будет положить в карман.

Холмский изумленно посмотрел на своего собеседника. Привыкший к любым цифрам, он впервые в жизни столкнулся с человеком, готовым заплатить невероятные деньги за скрытую рекламу спектакля. За такие деньги в городе можно было поставить два или даже три спектакля. Но этот непонятный поляк, кажется, не шутил.

— Четыреста пятьдесят тысяч, — деловито повторил Холмский, — хорошо. Будем считать, что мы договорились. Завтра подпишем соглашение, и вы переведете деньги. Стопроцентная оплата, никаких авансов.

— Договорились.

— Какой спектакль? Это «Кошки» или «Чикаго»?

— Нет. «Чайка» Андрона Сончаловского в Московском Художественном театре.

— Это шутка? — спросил изменившимся голосом Холмский. — Зачем это вам нужно?

— Вы согласны или нет?

— Вас прислал его брат? Никита? Хотите меня скомпрометировать? Или искусственно поднять ажиотаж вокруг спектакля? Я ведь понимаю, что вы никогда не заплатите таких денег.

— Завтра получите всю сумму, — решительно заявил Курылович, — целиком.

— Не нужно меня дурачить. Такие деньги в Москве еще никто не платил.

— Завтра я привезу вам деньги, — упрямо повторил Курылович.

— Вы или провокатор, или сумасшедший, — решил Холмский. — Хорошо, встретимся завтра у меня в офисе. Хотя завтра воскресенье, но ради вас я приеду на работу. Если вы заплатите такие деньги сразу, я возьму мои слова обратно и признаюсь, что сам сумасшедший. До свидания. Что-то мне подска-

зывает, что завтра в два я вас не увижу в моем офисе.

— Дайте ваш адрес, — потребовал Курылович.

Холмский протянул ему карточку и быстро вышел из зала. За ним потянулись двое молодых людей, очевидно его телохранители.

Курылович посмотрел на визитную карточку и улыбнулся.

РОССИЯ. МОСКВА
19 ДЕКАБРЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

По выходным дням в городе было гораздо меньше машин. Гейтлер вызвал Салькова и поехал с ним к Центральному универмагу, словно для того, чтобы сделать покупки. На Неглинной он остановил машину и вошел в здание универмага, чтобы выйти с другой стороны, сесть в машину и назвать другой адрес. По дороге он еще раз поменял автомобиль и вышел за квартал до

встречи. Риту он узнал издали. Она шла к нему легкой, стремительной походкой.

— Как дела? — спросил он. В Москве они говорили только по-русски.

— Прекрасно, — радостно ответила Рита. — Я уже сняла квартиру и заплатила на полгода вперед.

Он увидел, что она опять изменилась — разгладились черты ее лица, исчезло задумчиво-тоскливое выражение глаз. Ему было приятно сознавать, что он причастен к этим хорошим переменам. Они вошли в небольшое кафе, уселись за столик.

— Ты мог бы подняться ко мне, — предложила Рита, — я живу совсем недалеко отсюда.

— Я помню, — улыбнулся Гейтлер. — Сколько ты заплатила за полгода вперед?

— Шесть тысяч долларов, — озабоченно призналась она. — Ты не поверишь, но здесь цены выше, чем в центре Берлина.

— Я знаю, — ответил Гейтлер. — Вот тебе еще двадцать пять тысяч евро, — он протянул ей конверт, — плати в евро. Старайся не менять крупные суммы. Это привлекает внимание.

— Ты их печатаешь? — улыбнулась Рита.

— Пока нет. Но нужно подумать, может, из меня получится неплохой фальшивомонетчик. Ты все помнишь, о чем я тебя просил?

— Конечно. Я привезла все, что нужно.

— Хорошо. Я постараюсь достать необходимые документы, но это пока очень сложно. А ты должна сделать все так, как я тебя просил.

— Я помню, помню. Когда мы с тобой увидимся?

— Через неделю, на Рождество. Я сниму номер в каком-нибудь отеле, чтобы мы с тобой могли провести там ночь.

— Ты останешься со мной на всю ночь? — не поверила она. — Если дейст-

вительно останешься, то я поверю в чудеса.

— В Рождество чудеса иногда случаются, — загадочно улыбнулся Гейтлер и взглянул на часы. — Мне пора. Не вставай, пока я не уйду. И помни, о чем я тебя просил. Никому не доверяй. Ни одному человеку. Из дома выходи только за продуктами. Мы еще успеем с тобой нагуляться в другом месте.

— Хорошо. Я буду ждать Рождества.

— До свидания. — Он поднялся и, не оглядываясь, вышел из кафе.

Она проводила его долгим взглядом. И подумала, что до Рождества еще много дней.

РОССИЯ. МОСКВА
19 ДЕКАБРЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ровно без пяти минут два Ежи Курылович появился в офисе Аркадия Яковлевича Холмского. Нужно отметить, что впервые за много лет Холмский ис-

пытывал некоторое беспокойство, поглядывая на часы. За это утро он успел навести справки и выяснить, что никаких зарубежных спонсоров у спектакля нет. Это вызывало еще большее изумление. Какой-то неизвестный готов заплатить невероятные деньги, чтобы провести скрытую рекламу этого спектакля. Холмский решил, что его разыграли. Возможно, в джаз-клубе была установлена аппаратура и их разговор засняли скрытой камерой. Такие телевизионные передачи практиковались сразу на нескольких каналах, и самым смешным был «Розыгрыш» на первом. Холмский наводил справки, чтобы узнать, как именно его разыграли, и уже собирался позвонить Курыловичу, выдавшему себя за поляка, когда этот господин вдруг появился с чемоданом в руках и действительно принес четыреста пятьдесят тысяч долларов наличными.

Холмский впервые в жизни не знал, что ему делать. Чутье подсказывало ему, что это очень грязная игра, правила ко-

торой ему неведомы. Интуитивно он боялся взять эти деньги, понимая, что за такими суммами могут стоять только очень серьезные люди. Но с другой стороны, деньги лежали перед ним. Настоящие, не фальшивые купюры, он это сразу определил. Сорок пять пачек по сто бумажек в каждой. Сорок пять пачек по десять тысяч долларов. Взять такие деньги было очень опасно. Отказаться — значит расписаться в собственном безумстве. Он откашлялся, глядя на деньги.

— Должен признаться, вы меня удивили, — хрипло выговорил Холмский, — я не думал, что вы говорите серьезно. Признаюсь, я был не прав. Очевидно, это я немного схожу с ума, если не могу сразу распознать такого важного клиента, как вы.

Курылович улыбнулся, довольный произведенным эффектом. Ему нравились эти деньги. Нравилась такая крупная сумма, которую он столь небрежно положил на столик. Когда Дзевоньский

и его люди привезли деньги, у Курыловича мелькнула мысль, что все можно сделать по-другому. Можно забрать деньги и исчезнуть. С такими деньгами он сумеет развернуться где-нибудь в Канаде или в Словакии. Но, глядя на лица двух охранников, с которыми приехал Дзевоньский, он понял, что эти типы его в покое не оставят. Можно взять деньги и превратить свою жизнь в сущий кошмар, все время прячась от возможных преследователей. Если учесть, что общей недвижимости у Ежи Курыловича было не на одну сотню тысяч долларов, то получалось, что он оставлял обе свои квартиры, дачу, работу, счета в банке, машины, любовниц, жену, семью, родителей. Он подумал, что оставшиеся в Польше средства явно превышают эту сумму, и смирился с тем, что ее придется отдать. Правда, по дороге забрал пять пачек, справедливо полагая, что может позволить себе некоторую компенсацию за такую честность.

Деньги лежали перед ними, и Холмский озадаченно кусал губы. Отказаться было уже нельзя, это он начал понимать.

— Хорошо, — сказал он, — я беру ваши деньги, и мы подписываем конфиденциальное соглашение. Я обязуюсь в течение месяца размещать скрытую рекламу вашего спектакля на радио, в телевизионных передачах, во всех основных газетах. Будут статьи критиков, восторженные письма читателей, специальные передачи о вашем спектакле. Только, черт возьми, объясните мне, зачем это все вам нужно?

— Вы отказываетесь? — Курыловичу приятно было осознавать себя хозяином положения.

— Я только спрашиваю. Какой срок?

— Месяц-полтора, не больше. Об этом спектакле после Нового года должна говорить вся Москва. Билеты должны раскупаться с рук и заранее. В общем, создайте нужный ажиотаж. За такие деньги, я думаю, можно скупать все места в зрительном зале.

— Можно, — согласился Холмский, — мы сейчас подготовим соглашение.

Он продолжал волноваться, пока его секретарь и юрист готовили соглашение. И лишь когда обговаривали заключительные условия договора, Курылович вдруг потребовал указать сумму в пятьсот тысяч, пояснив, что десять процентов — его гонорар. Холмский улыбнулся. Теперь он несколько успокоился. Если посредник привычно ворует деньги и требует свои десять процентов, значит, это обычная коммерческая сделка. Ничего страшного в ней нет. Конечно, сам Холмский тоже украдет, и не меньше ста тысяч долларов. Но оставшиеся триста пятьдесят будут честно пущены на рекламу. Или это очень большая сумма? Хватит и трехсот тысяч, тем более что жуликоватый поляк, кажется, готов покрыть все недостачи. Холмский опять улыбался, этот Курылович даже не подозревает, в какую яму сам себя загнал. Конечно, договор был

подписан на пятьсот тысяч. И конечно, Холмский уже знал, кому и куда нужно позвонить, чтобы уже завтра статьи начали появляться в газетах. Некоторых критиков достаточно накормить хорошим обедом, некоторым женщинам — послать мелкие подарки. Для телевизионного сюжета понадобится тысяч пятьдесят, для нескольких статей еще столько же. Можно сэкономить огромные деньги. Холмский вновь улыбнулся.

— Мы согласны на все ваши условия, — сказал он, протягивая руку своему партнеру.

— Я рад, что мы пришли к взаимопониманию, — пожал ему руку не менее радостный Курылович.

В отель он вернулся через час. Пять пачек денег были его неслыханным гонораром, которого он не имел никогда в жизни. Курылович был счастлив. К тому же ему позвонил Дзевоньский и сообщил, что после Нового года они снова вызовут Ежи в Москву. Курылович

заверил патрона, что готов летать сюда еженедельно и бросить все свои дела в Варшаве.

Холмский оказался человеком дела. Уже через два дня в двух крупных газетах появились прекрасные отзывы о состоявшемся спектакле. А на следующий день по главной программе новостей был показан целый сюжет из этого спектакля с подробным комментарием, в котором говорилось о блестящей игре актеров и продуманной тонкой режиссуре. Рекламная кампания началась...

РОССИЯ. МОСКВА

20 ДЕКАБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Можно напиться и на одну ночь забыть все свои проблемы. Можно пить достаточно долго, пытаясь утопить свою обиду в алкогольных парах. Можно пить всю жизнь, пропив прошлое и будущее, чтобы жить одним настоящим и загубить свою жизнь. Дронго не умел

пить. Он вообще не понимал, для чего нужно напиваться до скотского состояния, чтобы на следующий день просыпаться с гудящей головой и похмельным синдромом.

После ухода Машкова несколько дней назад он проснулся с ощущением собственной вины. Дронго не мог понять, откуда оно взялось. Все было нормально, он честно провел расследование, обнаружив обман Гейтлера в Берлине. Но чувство вины, возникшее во сне, вызывало беспокойство. Дронго сел на кровати. Он любил спать один, даже когда ночевал в доме Джил. Сказывалось его постоянное одиночество, его сложная жизнь и чуткий сон, при котором любой другой человек мешал ему проваливаться в небытие.

Голова сильно болела, и он выпил таблетку болеутоляющего. Затем принял душ, прошел в кабинет. Сел в кресло, включил компьютер и задумался. Почему он решил, что его будут долго терпеть? Почему считал, что они обяза-

ны держать его в своей группе? Ведь Хеккет вызвал его всего лишь для передачи информации. Даже Хеккет не рассчитывал, что Дронго включат в эту группу. И никто не рассчитывал. Машков согласился включить его на свой страх и риск. Риск не оправдался. Генералу Машкову указали на его ошибку и предложили удалить иностранного эксперта. Все правильно, все так и должно быть.

В седьмом часу утра Дронго отправился спать и проспал весь день. Сказалась изрядная доля алкоголя и лекарство, принятые почти одновременно. Потом было несколько дней тишины. Он читал газеты, смотрел телевизор, что-то искал в Интернете, дважды говорил с Джил и объявил ей, что приедет в Италию на Рождество. В эти дни периодически проглядывая прессу, Дронго обратил внимание на периодически появляющиеся статьи о новом спектакле Сончаловского «Чайка» и решил, что надо купить два билета, привезти в

Москву Джил и сводить ее на него. С другой стороны, он обратил внимание, что рекламировали этот спектакль как-то уж очень навязчиво, даже подумал, что такая слишком откровенная рекламная кампания может повредить и постановке, и театру в целом.

В понедельник вечером ему позвонили снизу от охраны, которая была в его доме. Он удивился. Никто из его друзей не приезжал без предварительного телефонного звонка. Ни Кружков, ни Вейдеманис. А посторонних не пропустила бы охрана. Именно поэтому он так удивился, услышав, что звонок от нее.

— К вам пришла женщина, — доложил дежурный охранник, — но вы нас не предупреждали.

— Как ее фамилия? — нахмурился Дронго. Он не любил неожиданных визитеров.

— Госпожа Нащекина.

— Пропустите, — разрешил Дронго.

Через несколько минут она была в его квартире. Он принял ее пальто, про-

вел в гостиную. Эльвира Марковна была в темном костюме, длинной юбке, на ногах — изящные сапожки. Было заметно, что она волнуется. Дронго уселся в свое любимое глубокое кресло, предложив ей выбрать куда садиться. Нащекина выбрала диван. И оказалась рядом с ним.

— Может, вы хотите что-нибудь выпить? — предложил Дронго.

— Нет, — женщина явно была не в себе, — я хочу с вами поговорить.

— Я думал, что уже стал неинтересен членам вашей группы, — грустно заметил Дронго, — или там что-то изменилось?

— Ничего не изменилось. Но я пришла извиниться. Оказалось, что я невольно подставила вас.

— Каким образом?

— Прислала восторженный отчет в нашу совместную группу. Отчет размножили и передали во все службы. В результате руководства Службы Безопасности и ФСБ забеспокоились, что

вы и так слишком много узнали. И приняли решение отстранить вас от работы в группе. Увы. Я думала, что вас поблагодарят за помощь, а все обернулось таким печальным образом. Я повела себя непростительно неразумно, как начинающая девчонка. И в результате вот что вышло. Понимаю, что вам неприятно и обидно. Поэтому я пришла к вам извиниться. Я сама узнала обо всем этом только сегодня. Мне рассказал Алексей Николаевич. Кстати, он и Машков возражали против вашего отстранения. Но их не стали слушать.

Дронго улыбнулся. Ему приятно было узнать, что Машков не сдался. Сам Виктор не рассказывал ему, как он возражал. И это тоже ему понравилось.

— Надеюсь, вы доведете это расследование до конца, — сказал Дронго, — и спасибо, что вы пришли. Я очень вам благодарен.

— Мне показалось, что так будет правильно. — Эльвира Марковна взглянула на часы. — К сожалению, я должна идти.

Я сказала вашим охранникам внизу, что выйду через пятнадцать минут. И они разрешили мне оставить машину во дворе.

— Это единственная причина, по которой вы так быстро уходите? — мягко спросил он.

Она посмотрела ему в глаза. У нее они были карие.

— Вы забыли, что я знакома с вашим досье, — улыбаясь, лукаво заметила Нащекина. — Там есть пункт о ваших отношениях с женщинами. Должна признаться, в этом деле вы одерживали самые убедительные победы. Поэтому я лучше побыстрее уйду, чтобы не попасть в этот список. Так будет лучше для нас обоих.

Она поднялась с дивана. Он встал с ней.

— Контакты офицера разведки с подозрительным иностранцем, — прокомментировал Дронго, провожая ее к входной двери, — все правильно.

Он видел только ее спину. Снял с вешалки пальто, помог ей одеться. Открыл дверь. Нащекина повернулась к нему.

— Это всегда очень предосудительно, — произнесла она, все еще продолжая улыбаться, — и опасно. Для нас обоих, господин эксперт. — Затем вдруг шагнула к нему и легко коснулась его губ.

Дронго не успел ничего понять. Эльвира Марковна вышла из квартиры, закрыв дверь. Дронго провел языком по своим губам. Они пахли чем-то вкусным, словно карамелью. Он повернулся и вернулся в гостиную. Дронго знал, что улетит из Москвы через несколько дней.

Двадцать третьего декабря, в четверг, он действительно улетел в Рим. Но все эти дни чувствовал на губах карамельный вкус ее губ.

РОССИЯ. МОСКВА
24 ДЕКАБРЯ, ПЯТНИЦА

В этот день Дзевоньский ощущал себя почти именинником. Как и большинство поляков, он традиционно справлял все католические праздники. Даже в те

годы, когда был офицером спецслужб, в их доме отмечалось Рождество. Это был светлый и радостный праздник. Дзевоньский договорился с кухаркой насчет праздничного ужина и подождал, когда к завтраку выйдет Гейтлер.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Гейтлер, — мы прямо как космонавты, живем в замкнутом помещении.

— С праздником, — поздравил его Дзевоньский.

— Спасибо, — улыбнулся Гейтлер, — вас тоже. Вы ведь наверняка католик, как и все поляки?

— А вы лютеранин?

— Скорее агностик. Я убежденный агностик, пан Дзевоньский, меня трудно убедить, что нашими поступками управляет некий старец, наблюдающий за нами сверху. Очень трудно. — Гейтлер придвинул к себе чашечку чая.

— Мы заказали на вечер праздничный ужин, — сообщил Дзевоньский, — будем отмечать вдвоем. Если хотите, пригласим Гельвана и наших девушек

из офиса. Или поедем куда-нибудь в ресторан.

Гейтлер замер. Сегодня ему нужно было сообщить самую неприятную весть своему работодателю и получить его согласие. Он продолжал спокойно завтракать, чтобы поговорить обо всем после того, как они пройдут в гостиную.

— Курылович уже вернулся обратно в Варшаву, — сообщил Дзевоньский, — но я думаю, вы обратили внимание на все эти статьи. Особенно блестящая статья была в «Коммерсанте». С одной стороны, как будто ругали спектакль, но с другой — так блестяще его подали, что любой заинтересованный человек захочет его увидеть. Это высшее мастерство.

— Да, — согласился Гейтлер, — я читал эту статью. Должен заметить, что ваш Холмский умеет работать. Я внимательно смотрю телевизионные передачи. Уже несколько раз по разным программам сообщали о нашем спектакле. Все идет нормально, пан Дзевоньский.

— Вам не кажется, что мы могли бы подготовить конкретного исполнителя для встречи «субъекта власти» в театре? — поинтересовался Дзевоньский.

— Вы никак не хотите успокоиться, — благодушно заметил Гейтлер, — вам нужна бойня, а не продуманная операция. Каким образом ваш человек войдет в охраняемый театр? Где он сядет? А вы знаете, где именно сядет наш «субъект власти»? И как ваш человек сможет к нему подойти? Если Служба Безопасности сработает нормально, то нашему «смертнику» не дадут даже руку поднять.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Дзевоньский, — я только спросил.

— Все должно идти по плану, — напомнил Гейтлер. — На первом этапе мы проверяем наши возможности по манипулированию ситуацией. В истории известны несколько случаев, когда покушение происходило в театрах. Самый известный — с Авраамом Линкольном. В России все помнят убийство Петра Столыпина. Не дергайтесь, Дзевоньский. Ес-

ли мы заставим главу государства откликнуться на нашу рекламную кампанию, значит, мы на верном пути. И не форсируйте события. Неужели вы думаете, что мне так приятно сидеть на этой даче с таким чудесным человеком, как вы?

Дзевоньский взглянул на него, но ничего не ответил. Кофе они традиционно пили у камина. Когда устроились в креслах, Дзевоньский неожиданно спросил:

— Почему русские отмечают Рождество седьмого января? Это ведь нелогично. Сначала Новый год, а потом — Рождество...

— У них есть Старый Новый год, — пояснил Гейтлер. — Никто и ничто не мешает им отмечать два раза Рождество и два раза Новый год. Такая традиция.

— Мне она не совсем понятна, — признался Дзевоньский. — Вы уже решили, как мы отметим сегодня Рождество?

— Я хотел попросить у вас разрешения покинуть вас на этот вечер. У меня другие планы.

Дзевоньский нахмурился.

— Только на вечер? — уточнил он совсем другим голосом.

— И если можно, на всю ночь. Я не собираюсь исчезать, если вы думаете об этом. Завтра днем я вернусь в наше «логово». Но мне хотелось бы отметить этот день с моей знакомой.

— И я обязан вам верить?

— Не обязаны. Вы можете приставить ко мне ваших «церберов». Но я их все равно обману и уйду. А вы начнете нервничать, когда я не вернусь ночевать. Поэтому я и решил вам сообщить, чтобы вы не волновались.

— Не хотите встречать Рождество со мной? — криво усмехнулся Дзевоньский.

— Это было мое самое заветное желание с тех пор, как я с вами познакомился, — пошутил Гейтлер, — но если серьезно, то у меня есть знакомая, с которой я хочу провести эту ночь. По-моему, вполне нормальное желание.

— Она не русская? — спросил Дзевоньский.

На долю секунды у Гейтлера дрогнули веки. Он вдруг осознал свою ошибку: ведь для русских католическое Рождество не столь важный праздник, как православное. Однако сразу исправил свою оплошность:

— Я же вам сказал, что они отмечают эти праздники дважды. А моя знакомая знает, что я немец.

— Вы сами говорили о нежелательности любых контактов. Если вам нужна женщина, мы можем снять номер в отеле и вызвать туда любое количество нужных женщин, — предложил Дзевоньский.

— Спасибо за предложение. Но я привык в таких вопросах обходиться собственными силами.

Дзевоньский долго смотрел на своего собеседника. Затем нехотя согласился.

— Хорошо, — сказал он, — но с одним условием. Вы возьмете с собой один из наших телефонов, чтобы я мог вас найти и хотя бы поздравить.

— Безусловно, — кивнул Гейтлер, — и обещаю вам его не выключать.

— Договорились. — У Дзевоньского испортилось настроение.

Он поднялся к себе в комнату и долго сидел на стуле, решая, как поступить. Оставаться одному на эту ночь не хотелось. Видеть Гельвана — тем более. Дзевоньский тяжело вздохнул и набрал телефон своего помощника.

— Купи мне билет на любой ближайший рейс в Брюссель, — попросил он. — А завтра утром я вернусь обратно. Один билет бизнес-класса.

— Сейчас сделаю, — понял Гельван. — Прислать машину за вами?

— Не нужно. Где ты будешь отмечать Рождество?

— С друзьями, — неопределенно заявил Гельван, — у меня есть друзья.

— Не забывай о моем приказе, — жестко напомнил Дзевоньский, — не трогать девочек, работающих в твоем офисе. Ни в коем случае. Ищи себе развлечения на стороне.

— Я помню, — обиженно заверил Гельван.

Дзевоньский бросил трубку. Конечно, нужно проследить, куда это ездит Гейтлер. Нужно выяснить, с кем он встречается. Для этого он привезет из Брюсселя два специальных телефона. В них будет вмонтировано передающее устройство. В следующий раз, когда Гейтлер поедет на встречу, нужно будет дать ему этот аппарат и проследить, куда он поехал. Нельзя так доверять этому генералу. Он доказал, что обладает невероятным умом. Придумать такую операцию с театром мог только талантливый человек.

РОССИЯ. МОСКВА

31 ДЕКАБРЯ, ПЯТНИЦА

В это утро он проснулся раньше обычного. Он не любил лежать в постели, проснувшись, и нежиться под теплым одеялом. Сказывалось его спор-

тивное прошлое, когда время учебы и занятий было расписано по минутам. Будучи по натуре рациональным прагматиком, он менее всего был похож на изнеженного флегматика или меланхолика, способного провести под одеялом все утро. Но в этот день он лежал под одеялом и вспоминал самые важные эпизоды своей жизни. Именно в этот день пять лет назад бывший президент удивил всех своих помощников, всю страну и весь мир. Он всегда был непредсказуемым человеком. И в тот день неожиданно объявил, что уходит в отставку, оставляя вместо себя главу правительства. Сказать, что это был эффект разорвавшейся политической бомбы, — значит ничего не сказать.

Аналитики были отозваны из отпусков, все спецслужбы ведущих государств начали готовить собственные исследования, пытаясь понять, кем является человек, ставший главой самого большого в мире государства. И одного из самых сильных. Можно было много сетовать на

развал государства, можно было вспоминать о тотальном обнищании народа, полном развале армии, неудачной внешней и внутренней политике, мятеже девяносто третьего, дефолте девяносто восьмого... Можно было много чего вспомнить. Но все перевешивало одно важное обстоятельство — у России сохранялся второй в мире ядерный потенциал. Это была не просто самая большая страна в мире. Это была страна, которая гарантированно могла уничтожить не только любого врага, но и всю человеческую цивилизацию. Даже с точки зрения безопасности и будущего человечества, нужно было попытаться осмыслить и понять — кто станет руководителем этого сверхпотенциала.

Президент закрыл глаза. Это был самый запомнившийся день в его жизни. Бывший президент тогда сказал ему на прощание — «Берегите страну», и его голос предательски дрогнул.

Президент повернулся на бок. Это был самый запомнившийся, но не са-

мый переломный день в его жизни. В его жизни дважды были по-настоящему важные дни. В первый раз, когда он вернулся из Германии. Он рассчитывал тогда, что его возьмут на работу в Ленинградское управление. Или предложат нечто соответствующее. Но в отделе кадров решили по-другому. Тогда его обидели, очень серьезно обидели, отправив подполковника разведки помощником проректора. Он понимал, что это важная составляющая работы органов госбезопасности, повсюду на таких должностях сидели офицеры из органов, но ему было обидно, что весь его опыт работы в Германии использовали таким образом. Он никогда не отказывался ни от какой работы. И на работу в университет пошел, готовый трудиться как обычно. Энергичный, собранный, немного скрытный трудоголик.

Но тогда все поменялось довольно быстро. Новый лидер города взял его к себе советником, затем сделал руково-

дителем комитета по внешним связям, а позднее — первым заместителем председателя правительства города. Кобчак был умным, грамотным человеком с большой эрудицией. Он правильно рассчитал, что может положиться на этого невысокого, подтянутого офицера из бывшего КГБ, который ни при каких обстоятельствах не мог его предать. Их связывала не просто общая работа. Кобчак был человеком ярким, одаренным от природы многими талантами. Он был блестящим оратором, умел нравиться женщинам, выступать перед массами. Но у него был и явный недостаток. Этот человек, никогда не работавший в рутинных условиях, не любил и не хотел заниматься многими организационными вопросами, которыми обязан заниматься руководитель города в силу занимаемой должности.

Все эти дела Кобчак постепенно переложил на своих заместителей. Он любил председательствовать во всевозможных комиссиях, принимать иност-

ранних гостей, устраивать праздники. А заниматься канализацией или вывозом мусора ему казалось не только глупой прозой, но и некоторой пошлостью. Подобные дела он охотно передоверял своим заместителям. Будущий президент работал с Кобчаком все годы, пока тот был мэром, почти шесть лет.

Кобчак понимал, что его заместитель никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет претендовать на его место. В народе, а тем более в их городе, еще было слишком сильно отторжение — там не любили бывших партийных руководителей и сотрудников органов КГБ, на которых были вылиты ушаты грязи. И хотя степень этой нелюбви искусственно завышалась, тем не менее на протяжении всех шести лет Кобчака неоднократно упрекали в том, что он взял к себе на работу бывшего офицера КГБ.

Будущий президент оказался человеком порядочным и принципиальным. Он не сдал своего начальника во время августовского кризиса девяносто первого го-

да, когда казалось, что судьба страны уже определена. Кобчак активно выступил против ГКЧП, и в этом его поддержал заместитель, ставший своеобразным мостом между органами правопорядка, армейскими частями, с одной стороны, и мэром города — с другой.

В девяносто третьем ситуация почти повторилась. На этот раз против президента страны выступил Верховный Совет. Противостояние получилось ожесточенным и кровавым. Кобчак поддержал линию президента, понимая, что в случае победы его оппонентов ему придется нелегко. Президент ввел танки, обстрелял собственный парламент и победил. Позже эту чудовищную победу назвали «торжеством демократии». Многие думающие люди понимали, что это не совсем «торжество» и уж вовсе не «демократия». Победа была достигнута тяжелой ценой. Но, как и в августе девяносто первого, все вышло совсем по-иному. В августе девяносто первого высшие руководители

страны, доведенные до отчаяния абсолютно нелогичной и непоследовательной политикой своего говорливого лидера, были готовы сделать все, чтобы спасти страну от развала. Вопреки здравому смыслу их назвали «путчистами» и отправили в тюрьму. А уже через четыре месяца в Беловежской пуще три республиканских лидера подписали договор об упразднении великой страны. Президент Советского Союза, поклявшийся на Конституции защищать страну, добровольно сложил с себя полномочия, примирившись с распадом великой державы.

Похожие обстоятельства произошли и в октябре девяносто третьего. Расстреляв собственный парламент, Президент России объявил о введении новой Конституции и проведении новых выборов. И уже на декабрьских выборах получил оглушительную пощечину, потерпев полное фиаско — на первом месте оказалась националистическая ультраправая либеральная партия.

В октябре девяносто третьего будущий президент снова поддержал Кобчака. А на следующий год стал его первым заместителем. Кобчак полностью ему доверял, даже требовал, чтобы он выступал перед депутатами Законодательного собрания. Это были очень тяжелые моменты для будущего президента. Толковый исполнитель, четкий, дисциплинированный, собранный человек, он не был трибуном. Первые выступления перед депутатами проходили тяжело. Кобчак, смеясь, говорил ему, что он приходит после них «синий и сразу худеет на несколько килограммов». Но этот опыт общения очень поможет будущему президенту, когда через десять лет он возглавит государство и должен будет часто выступать перед большими массами людей.

Будущий президент не забыл, что сделал для него Кобчак. Он сохранил ему верность до конца, даже помог покинуть страну в тот трудный момент, когда против бывшего руководителя

Санкт-Петербурга возбудили уголовное дело. И ушел вместе с ним в отставку, оказавшись во второй раз в жизни на перепутье.

Конечно, тогда ему тоже помогли, и он это всегда помнил. Ему снова предложили роль почти «завхоза». В течение года он был заместителем управляющего делами администрации президента. Однако выбирать не приходилось. И на этой должности, как всегда, будущий президент проявил свои лучшие качества — дисциплинированность, собранность, четкое выполнение всех указаний руководства, контроль за исполнением собственных решений.

В марте девяносто седьмого его перевели начальником Контрольного управления администрации президента. От других высших чиновников он отличался трудолюбием, не любил появляться в публичных местах, не пытался заниматься собственным бизнесом. Сказывалось все его прошлое — воспитание и образование, привитое навсегда

уважение к собственной стране, гордость за ее историю и культуру. В этом отношении настоящие офицеры поистине подлинные «государственники». Хотя он не был ангел и ничто человеческое ему не было чуждо.

Двадцать пятого мая девяносто восьмого года президент сделал его первым заместителем руководителя своей администрации, а еще через два месяца — директором Федеральной службы безопасности. На этой должности будущий президент встретил августовский дефолт, когда казалось, что крах всего государства неминуем. Однако произошло настоящее чудо. Дефолт потряс всю платежную систему страны, произошло массовое банкротство, рубль упал в четыре раза, но пришедшее к власти новое правительство каким-то непостижимым образом удержало страну на краю пропасти. Разумеется, в этом была заслуга и нового директора ФСБ.

Главой правительства стал бывший руководитель разведки Симаков. Опыт-

ный, мудрый, осторожный, много повидавший, он медленно, но верно вывел страну из небывалого кризиса. У него сложились неплохие личные отношения с директором ФСБ. Оба были «государственники», оба пришли из органов, оба откровенно не любили олигархов, ограбивших страну. Через несколько лет в Аргентине произошел похожий дефолт, хотя там национальная валюта упала лишь на пятьдесят процентов. Это вызвало массовые беспорядки, сменились один за другим несколько президентов. Аргентина пережила самые худшие дни в своей истории.

Двадцать девятого марта девяносто девятого года президент сделал директора ФСБ секретарем Совета Безопасности. А еще через пять месяцев неожиданно предложил его на должность руководителя правительства. Но до этого прошло пять долгих месяцев, в течение которых сменилось еще два премьера.

Президент открыл глаза и подумал, что пролежал слишком долго — почти

пятнадцать минут. Непростительная роскошь. Он поднялся, направился в ванную комнату. Несколько дней назад он записал обращение к народу, поздравил людей с наступающим Новым годом. Сегодня ночью это обращение передадут по всем телевизионным каналам страны. Но до этого нужно еще успеть так много сделать, просмотреть столько документов... Начинался обычный день, заполненный привычными трудностями.

ИТАЛИЯ. РИМ

31 ДЕКАБРЯ, ПЯТНИЦА

Дронго встречал Новый год в тревожном настроении. Он отлично понимал, что означает внезапное исчезновение генерала Гельмута Гейтлера и его инсценированная смерть. Хорошо знакомый с работой органов госбезопасности, специалист по активным действиям за рубежом, один из лучших анали-

тиков «Штази», генерал был именно тем человеком, способным продумать и осуществить такой план, противостоять которому было очень сложно. Дронго все время хотелось позвонить в Москву и попросить Машкова еще раз проверить все обстоятельства возможного появления Гейтлера в России. Но он понимал, что Машков и все остальные офицеры ясно осознают масштабы опасности, а поэтому работают с удвоенной энергией, стараясь вычислить и найти исчезнувшего немецкого генерала.

Просматривая информационные телевизионные передачи из Москвы и слушая радио, Дронго опять же обратил внимание на массированную рекламу спектакля «Чайка», при этом частенько очень удачно завуалированную. По степени упоминаемости с этим спектаклем могли соперничать только два фильма — «Ночной дозор» и «Турецкий гамбит», но с ними все было понятно. Продюсерами этих фильмов были руково-

дители канала, которые, разумеется, делали все, чтобы привлечь внимание зрителей к своим фильмам. Использовались любые возможности скрытой рекламы. Но о «Чайке» говорили по всем каналам, о спектакле упоминали почти все газеты и журналы. Это привело к тому, что даже Джил, увидев один из таких сюжетов по телевидению, спросила, нельзя ли ей прилететь в Москву, чтобы увидеть этот спектакль. Дронго подумал, что ему следует выяснить, хотя бы ради интереса, кто и почему так настойчиво рекламирует эту постановку.

РОССИЯ. МОСКВА
31 ДЕКАБРЯ, ПЯТНИЦА

В этот день Гейтлер опять решил уехать на всю ночь. Он знал, что Дзевоньский теперь ему доверяет и не станет возражать против его поездки. Правда, Дзевоньский поменял аппарат,

выдав ему новый «Сименс», который обладал более совершенным дизайном и более изящной конструкцией. Гейтлер несколько удивленно посмотрел на аппарат, прежде чем положил его в карман. Раньше он не замечал за Дзевоньским тяги к более совершенным вещам и тем более не замечал стремления своего работодателя сделать что-то приятное своим сотрудникам. Именно поэтому Гейтлер внимательно рассматривал аппарат, пока Сальков вез его в город.

Уже в городе, перед тем как выйти, Гейтлер достал другой аппарат, вынул карточку из новенького «Сименса» и переставил ее в свой старый телефон. А новый «Сименс» просто оставил в автомобиле, засунув его в кармашек переднего сиденья. Выйдя из автомобиля, он забыл про этот телефон. Но главное правило разведчика Гейтлер помнил всегда. Нельзя иметь с собой ни одной вещи, которую тебе любезно передадут, подарят или вручат. В любой пуговице, в любой зажигалке может быть спрята-

но передающее устройство. При современных технических достижениях создать такие устройства проще простого.

Дзевоньский приказал своим «наблюдателям» проверить, где будет зафиксирован сигнал. Когда ему сообщили, что сигнал получен из района бывшего ВДНХ, он удовлетворенно подумал, что сумел переиграть Гейтлера. Приказав установить более точный район наблюдения, Дзевоньский позвонил Гельвану. Билеты были заказаны и выкуплены еще несколько дней назад, осторожный Дзевоньский беспокоился, что не сможет вылететь в Бельгию на один день. Тридцать первого декабря билетов могло не быть.

Он прилетел в Брюссель вечером, совершив пересадку во Франкфурте. У него было хорошее настроение, когда он садился в такси. Дзевоньский включил два своих телефона, и в этот момент позвонил один из них.

— Слушаю, — благодушно ответил он. В салоне бизнес-класса Дзевоньский выпил две рюмки отличного коньяка.

— Добрый вечер, — торопливо произнес Гельван, — мы проверили сигнал.

— Ну и что? — насторожился Дзевоньский.

— Этот сигнал поступает из машины Салькова. Похоже, герр Шайнер оставил свой аппарат в ее салоне. Автомобиль стоит у дома Салькова. Алло, вы меня слышите?..

Дзевоньский опустил руку. Выражение его лица изменилось. Гейтлер снова доказал, что он настоящий профессионал. Конечно, этот тип никуда не убежит, но и следить за собой не позволит. На всякий случай. Как и положено настоящему разведчику.

«Сволочь, — подумал со злостью Дзевоньский. — Ничего, я потерплю до конца операции. Ведь этот зарвавшийся немец должен еще получить вторую половину денег. Так что неизвестно, получит ли... Подумав об этом, Дзевоньский снова улыбнулся и убрал телефон в карман.

РОССИЯ. МОСКВА

3 ЯНВАРЯ, ВТОРНИК

Утром президент получил папку, предназначенную только для него. Руководители спецслужб информировали о последних событиях в мире. В Ираке было особенно неспокойно, и он обратил внимание на последние сообщения из этой страны. Потом ему доложили, что с ним хочет встретиться руководитель Службы Безопасности. Президент удивился. Обычно Пахомов не проявлял такой инициативы. Он вообще старался не досаждать президенту своими претензиями. Пахомов знал, что его непосредственный шеф, за жизнь которого он отвечал в первую очередь, сам придерживался очень строгих правил и никогда не нарушал рекомендаций своей Службы Безопасности. Бывший офицер и бывший директор Федеральной Службы Безопасности, президент понимал, что эти люди не только охраняют его жизнь, но и отвечают за ста-

бильность целой страны, в которой убийство или тяжелое ранение первого лица может поколебать сами основы власти. Любое покушение на президента следует рассматривать как покушение на власть, ибо власть в России сакральна, а фигура президента олицетворяет собой высшую власть небожителя, как это было в императорских Китае и Японии. Фактически президент и был главным «субъектом власти» государства.

Он принял Пахомова, сидя за столом. Кивком головы разрешил ему пройти и сесть у приставного столика. Пахомов молча вошел и присел на стул, ожидая, когда президент освободится.

— Что у тебя? — спросил президент, не поднимая головы. Он доверял руководителю своей Службы Безопасности и поэтому мог принять его, сидя во главе стола, а не за приставным столиком, как обычно делал, принимая главу правительства или ответственных чиновников.

— Я уже докладывал вам о группе Машкова, — начал Пахомов.

— Генерала из ФСБ? — вспомнил президент. — Они проверяли какое-то дело.

— Уже проверили, — доложил Пахомов. — У них есть уверенность, что в Германии нашли генерала «Штази», которого пригласили в Москву специально для осуществления террористического акта.

— Против кого? — президент продолжал читать последние сводки.

— Против вас.

Президент поднял глаза, недобро усмехнулся. Сколько таких угроз он уже слышал! Недавно в Чечне даже назначили цену за его голову.

— И теперь мне нужно прятаться? — спросил он насмешливо.

— Нет. Мы принимаем все необходимые меры. Но я обязан сообщить вам об этом.

— Какой генерал? Как его имя? — осведомился президент. — Я же знал

почти всех руководителей «Штази», проработав там столько лет. Как его зовут?

— Генерал Гельмут Гейтлер, руководитель управления стратегического анализа и информации. Нам сообщили, что вы с ним дважды встречались.

Президент нахмурился. Затем отложил ручку и посмотрел на Пахомова.

— Я о нем много слышал, — сказал он, — и действительно с ним встречался. Один раз на приеме в советском посольстве, другой раз он приезжал в Дрезден с руководителем одного из наших отделов. Значит, Гейтлер? Его тогда считали выдающимся специалистом, говорили даже, что он заменит самого Маркуса Вольфа. Гейтлер был самым молодым генералом в «Штази». Я потом спрашивал, что с ним случилось, и мне сказали, что он исчез из страны.

— Вернулся, когда тяжело заболела его жена, — сообщил Пахомов. — Тогда его арестовали и посадили в тюрьму.

Президент поднялся и махнул рукой, чтобы Пахомов не вставал. Было заметно, что он занервничал.

— Что случилось с его женой?

— Она умерла, еще до его приезда. Он не успел.

— А где он сейчас?

— У нас была информация, что Гейтлер погиб. Но в результате проверки выяснилось, что не погиб, а только инсценировал свою смерть. Аналитики из группы Машкова уверены, что он в Москве.

— Гейтлер очень хорошо говорил по-русски, — вспомнил президент.

— Так точно. Он и родился у нас. Жил здесь до сорок шестого года. Потом много раз приезжал, работал, учился.

Президент вернулся на свое место. Невесело глянул на Пахомова.

— Несчастные люди, — неожиданно произнес он. — Когда я о них думаю, мне всегда становится не по себе. Они все потеряли. Мы хотя бы живем в сво-

ей стране. А у них все отняли — работу, страну, бывшие жизни. Ничего им не оставили.

Пахомов вежливо промолчал. С его точки зрения, Гейтлер был обычным террористом, которого необходимо найти и обезвредить.

— Что предполагаете делать? — наконец спросил президент.

— Постараемся его найти, — ответил Пахомов. — И усилим вашу безопасность.

— Еще больше? — пошутил президент. — Работайте. Между прочим, мне уже несколько раз писали о том, что в Московском Художественном театре состоялась премьера «Чайки» Сончаловского. Говорят, очень интересная постановка. И жена все время напоминает. У нее скоро день рождения, а меня на Рождество не будет в Москве. Мы собирались в эту субботу пойти в театр. Или в следующую, когда будет идти этот спектакль. Как ты считаешь, может, мне стоит отменить поход в театр?

— Не нужно ничего отменять, — улыбнулся Пахомов. — Мы заранее все проверим. Никто не знает о вашем решении.

— Хорошо. А насчет Гейтлера подумайте, как его найти. Он очень интересный человек. Лучше его использовать в качестве консультанта или советника. Постарайтесь его найти.

— Обязательно, — кивнул Пахомов, поднимаясь. — Разрешите идти?

— Иди. И не забудь, что в субботу мы с женой пойдем в театр. Я пока никому об этом не говорил. Ты первый, кому докладываю. Даже жене пока не сообщил, вдруг не получится.

Пахомов вышел из кабинета. Его не удивило такое отношение президента к бывшему генералу «Штази». Он знал, как тепло президент относится к Германии вообще и к своим бывшим знакомым по прежней работе — в частности. Но больше всего Пахомову понравилось сообщение президента о предстоящем посещении театра. Если никто,

кроме самого президента и его начальника Службы Безопасности, действительно не знает, где и когда будет руководитель государства, то это можно считать большим достижением вверенного ему дела. А этим двоим — президенту и себе самому — Пахомов доверял абсолютно, без каких-либо подозрений.

В эту минуту ни он, ни кто другой в мире конечно же не мог предвидеть, что произойдет в ближайшее время. Никто, кроме генерала Гельмута Гейтлера, придумавшего удивительный, невероятный план. Но об этом в следующей книге.

Литературно-художественное издание

Абдуллаев Чингиз

ПОКУШЕНИЕ НА ВЛАСТЬ
СУБЪЕКТ ВЛАСТИ

Зав. редакцией *А.С. Кобринская*
Редакторы *Е.А. Кушнарева, Г.Н. Космачева*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *И.В. Михайловой*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково,
ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса:
www.ast.ru
E-mail:astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Читайте трилогию Чингиза Абдуллаева

"ПОКУШЕНИЕ НА ВЛАСТЬ":

СУБЪЕКТ ВЛАСТИ
АТРИБУТ ВЛАСТИ
ОБЪЕКТ ВЛАСТИ

ЦИКЛ РОМАНОВ ЧИНГИЗА АБДУЛЛАЕВА "КРИМИНАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ"

I. ЭТЮДЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Романы о Дронго

"Голубые ангелы", "Почти невероятное убийство", "Охота на человека", "Игры профессионалов", "В ожидании апокалипсиса", "Правило профессионалов", "Выбери себе смерть", "Правила логики", "Закон негодяев", "Кредо негодяев", "Совесть негодяев", "Тень Ирода", "Симфония тьмы", "Три цвета крови", "Плата Харону", "Линия аллигатора", "Оксан ненависти", "Всегда вчерашнее завтра", "Сколько стоит миллиард", "Гран-при для убийцы", "Зеркало вампиров", "Символы распада", "Пепел надежды", "Стиль подлеца", "Рассудок маньяка", "Бремя идолов", "Тоннель призраков", "День гнева", "Идеальная мишень", "Фактор страха", "Мудрость палача", "Последний синклит", "На стороне Бога", "Упраздненный ритуал", "Рандеву с Валтасаром", "Самое надежное", "Смерть на холме Монте-Марио", "Один раз в миллениум", "Камни последней стены", "Путь воина", "Опрокинутая реальность", "Взгляд Горгоны", "Допустимая погрешность", "Флирт в Севилье", "Резонер", "Окончательный диагноз", "Смерть над Атлантикой", "Крах лицедея", "Осенний мадригал", "Когда умирают слоны", "Волшебный дар", "Его апатия", "Закат в Лиссабоне", "Трибунал для Валенени", "Ангел боли", "Связной из Багдада", "Забытый сон", "Атрибут власти".

II. ЭТЮДЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1. Романы о сотрудниках и работе спецслужб

"Пройти чистилище", "Обретение ада", "Мрак под солнцем", "Уйти и не вернуться", "Лучше быть святым", "Умереть и любить только в Андорре", "Сотвори себе мир".

2. Романы об одноруком киллере

"Мое прекрасное алиби", "Третий вариант", "Исповедь Сатурна".

3. Романы о Марине Чернышовой

"Зло в имени твоем", "Измена в имени твоем", "Месть женщины", "Дамы сохраняют неподвижность".

4. Криминальные драмы

"Стандарт возмездия", "И возьми мою боль", "Альтернатива для грешников", "Альтернатива для дураков", "Срок приговоренных", "Очевидная метаморфоза, или Один день из жизни Дениса Ивановича", "День луны", "Осуждение истины", "Рай обреченных", "Душа сутенера", "Сила инерции", "Поцелуй феи", "Английский бульвар", "Манипулятор", "Свод Хаммурапи", "Право на легенду", "Только свои", "Адепты стужи".

III. ЭТЮДЫ ИСТОРИИ

"Заговор в начале эры".

Чингиз Абдуллаев

Родился 7 апреля 1959 года в Баку.

Секретарь Союза писателей. Вице-президент ПЕН-клуба. Доктор юридических наук.

Книги писателя переведены на семнадцать языков и изданы в странах СНГ и Прибалтики, а также в США, Франции, Швеции, Норвегии, Турции, Болгарии, Израиле, Румынии, общим тиражом более 20 млн экземпляров. Американская «Крисчен сайенс монитор» назвала его одним из лучших авторов современности в жанре политического детектива.

Киллера международного класса трудно напугать, еще труднее УДИВИТЬ и совсем уже невозможно – заставить просить о помощи СТАРОГО ВРАГА.

Но англичанин Хеккет, который обращается к специальному агенту Дронго, испуган, изумлен и ПРОСИТ О ПОМОЩИ! Таинственная международная организация НАВЯЗЫВАЕТ ему главную роль в. УБИЙСТВЕ РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА!

Кто эти люди, отнюдь не похожие на исламских террористов? Чего хотят? И главное – КАК их остановить?

Так начинается САМОЕ опасное дело ДРОНГО.

ISBN 978-5-17-050612-5

9 785170 506125